

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 12 / 2020

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Выходит с 1998 г., издается ежемесячно

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Жильцов Н.А., к.ю.н., к.пед.н., профессор,

почетный работник юстиции России;

Клименко А.И., д.ю.н., доцент;

Мельников С.А., д.ю.н., профессор;

Мигушенко О.Н., д.ю.н., доцент;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист Республики Башкортостан;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор,

заслуженный деятель науки РФ;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Сигалов К.Е., д.ю.н., доцент

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибуллин А.Г., д.ю.н., профессор,

заслуженный юрист РФ;

Чердаков О.И., к.и.н., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Лебедева О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, чл.-корр. РАО,

заслуженный юрист РФ

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Право и обычай

- Арсеньева Г.В., Храмова И.С.** Эволюция системы гражданско-правовых договоров в законодательстве России (XI — середина XVII в.)3
- Кириухин В.В.** Финансово-правовые воззрения мыслителей периода становления и утверждения российского абсолютизма7
- Митина С.И.** «Преступления по должности» в российской провинции XVIII в.: судебная практика Новгородской губернии18
- Дзыбова С.Г., Шаов И.К.** Проблема османского сюзеренитета над Черкесией: характер вассальной связи24

История и модерн: пути взаимовлияния

- Латынин О.А.** Атрибут и модус правоограничения31
- Аронов Д.В., Кошелева С.В., Жилиева С.К.** Институт президента в типологии структуры органов власти в либеральной политико-правовой мысли (февраль — октябрь 1917 г.)39
- Шургучиева В.С.** Зензелинское собрание: попытка реформирования обычного права по пути интеграции в общероссийское правовое пространство49
- Пашенцев Д.А., Ситдикова Л.Б.** К вопросу о первом Европейском парламенте: развитие сословно-представительных органов в Англии и Испании в XII—XIII вв.55
- Дрогавцева Е.А.** Гражданство: через призму римской античности к осмыслению в современности61
- Филонова О.И.** Юридические курсы как форма ускоренной подготовки кадров судей в период НЭПа68
- Данилов Е.О.** Исторические зигзаги юридической ответственности врача74

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 10. Усл. печ. л. 10.

Номер подписан в печать 20.11.2020.

Номер вышел в свет 03.12.2020.

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписные индексы:

Объединенный каталог.

Пресса России — 85492 (на полг.).

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга,

ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:

Издательская группа «Юрист»

HISTORY OF STATE AND LAW

No. 12 / 2020

Published in association with the O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. PI No. Ф077-30776 from December 25, 2007. Issued since 1998. Published monthly.

Editor in Chief:

Isaev I.A., LL.D., professor

Editorial Board:

Aronov D.V., Doctor of History, professor;
Babich I.L., Doctor of History;
Zhil'tsov N.A., PhD (Law),
PhD in Pedagogy, professor,
Honorary Worker of Justice of Russia;
Klirnenko A.I., LL.D., associate professor;
Mel'nikov S.A., LL.D., professor;
Migushchenko O.N., LL.D., associate professor;
Nigmatullin R.V., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan;
Rasskazov L.P., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Romashov R.A., LL.D., professor,
Honored Scientist of the Russian Federation;
Safonov V.E., LL.D., professor;
Sigalov K.E., LL.D., associate professor
Tumanova A.S., LL.D.,
Doctor of History, professor;
Khabibulin A.G., LL.D., professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;
Cherdakov O.I., PhD in History,
LL.D., professor

Editorial Staff:

Lebedeva O.G., PhD (Law), associate professor;
Zenin S.S., PhD (Law), associate professor;

Editor in Chief of Jurist Publishing Group:

Grib V.V., LL.D., professor, corresponding
member of the RAE,
Honored Lawyer of the Russian Federation

Deputy Editors in Chief

of Jurist Publishing Group:

Babkin A.I.,
Bely'kh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Tel.: (495) 953-91-08.

Authors shall not pay for publication of their articles.

Law and Custom

- Arsenyeva G.V., Khramova I.S.** Evolution of the System of Civil Law Agreements in Russian Laws (from the XI Century to the Middle of the XVII Century)...3
- Kiryukhin V.V.** Financial and Law Ideas of Thinkers of the Period of the Establishment and Adoption of Russian Absolutism 7
- Mitina S.I.** Official Crimes in the Russian Province of the XVIII Century: The Judicial Practice of the Novgorod Governorate 18
- Dzybova S.G., Shaov I.K.** The Issue of Ottoman Suzerainty over Cirkassia: The Character of the Vassal Relationship 24

History and the Modern Time:

Ways of Interrelation

- Latynin O.A.** The Attribute and Mode of Right Restriction 31
- Aronov D.V., Kosheleva S.V., Zhilyaeva S.K.** The Institution of Presidency in the Typology of the Structure of Government Authorities in the Liberal Political and Legal Thought 39
- Shurguchieva V.S.** The Zenzeli Assembly: A Common Law Reformation Attempt on the Way Towards Integration to the All-Russian Legal Framework 49
- Pashentsev D.A., Sitdikova L.B.** On the First European Parliament: The Development of Estate Representative Authorities in England and Spain in the XII to the XIII Centuries 55
- Drogavtseva E.A.** Citizenship: Through the Lens of Roman Antiquity to Understanding of the Modern Times 61
- Filonova O.I.** Legal Courses as a Form of Accelerated Training of Judges in the Period of the New Economic Policy 68
- Danilov E.O.** Historical Zigzags of the Physician's Legal Liability 74

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper No. 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 10.
Conventional printed sheet 10.
Passed for printing 20.11.2020.
Issue was published 03.12.2020.

Circulation 3000 copies.

Free market price.

Subscription:

United Catalogue. Russian Press — 85492
(for 6 months).
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
Bldg. 2, street Svetlaya,
Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Science and Higher Education of
the Russian Federation for publications of basic results
of PhD and doctor theses.

Founder:
Jurist Publishing Group

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-12-3-6

Эволюция системы гражданско-правовых договоров в законодательстве России (XI — середина XVII в.)

Арсеньева Галина Витальевна,
доцент кафедры теории государства и права
Астраханского государственного университета,
кандидат юридический наук, доцент
galina.arsenjeva@yandex.ru

Храмова Ирина Сергеевна,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Астраханского государственного университета,
кандидат юридический наук, доцент
his-ast@mail.ru

Статья посвящена исследованию вопросов эволюции системы гражданско-правовых договоров. Эмпирическую основу исследования составили законодательные акты XI — первой половины XVII в. Выявлены особенности регламентации отдельных видов договоров, рассмотрены условия заключения и способы обеспечения договоров. Авторы пришли к выводу, что система договоров коррелировала с социально-экономическим развитием Российского государства, отразила особенности хозяйственных отношений.

Ключевые слова: гражданско-правовой договор, система договоров, договор купли-продажи, договор займа, договор мены, договор хранения, законодательный акт.

Evolution of the System of Civil Law Agreements in Russian Laws (from the XI Century to the Middle of the XVII Century)

Arsenyeva Galina V.
Associate Professor of the Department of Theory of State and Law
of the Astrakhan State University
PhD (Law), Associate Professor

Khramova Irina S.
Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Astrakhan State University
PhD (Law), Associate Professor

The article is devoted to the study of the evolution of the system of civil contracts. The empirical basis of the study was made up of legislative acts of the XI — first half of the XVII century. Features of regulation of certain types of contracts are revealed, conditions of conclusion and ways of ensuring contracts are considered. The authors concluded that the system of contracts correlated with the socio-economic development of the Russian state and reflected the peculiarities of economic relations.

Keywords: civil law contract, contract system, purchase and sale agreement, loan agreement, barter agreement, storage agreement, legislative act.

Договорные отношения подлежали регламентации на всех этапах развития Российского государства и права. Система договоров эволюционировала постепенно, постоянно усложнялась.

Первым сводом древнерусского права стала Русская правда¹. Русская правда пред-

ставляет собой источник раннефеодального права, отразивший процессы становления основных правовых институтов, в том числе обязательств. Система договоров представлена следующими видами:

— договор займа (наиболее детально разработан, что объясняется возможно-

¹ Русская правда (пространная редакция). URL: <http://drevne-rus-lit.niv.ru/drevne-rus-lit/text/>

ruskaya-pravda-prostrannaya/russkaya-pravda-prostrannaya.htm (дата обращения: 29.09.2020).

стью потери свободы должником), подразделялся на несколько разновидностей:

- договор займа с самозакладом;
- договор займа между купцами;
- договор займа обычный (бытовой);
- договор купли-продажи (представлен положениями о купле-продаже холопов, а также краденного имущества);
- договор хранения или поклажи (договор рассматривался как безвозмездный, «дружеская услуга»);
- договор личного найма (найм в тиуны).

Договоры в соответствии с положениями Русской правды предписывалось заключать простым словесным соглашением. Для сделок в отношении холопа (например, купли-продажи) были установлены особые правила — она должна была заключаться в присутствии свидетелей (послухов), а также самого холопа. По мнению М.Ф. Владимировского-Буданова, особые требования предъявлялись к договору купли-продажи, объектом которого выступала лошадь. В период действия Русской правды существовал обычай заключать договор купли-продажи лошади в присутствии чиновника-пятенщика². Такой подход обуславливался тем, что законодатель предусмотрел повышенную ответственность не только за конокрадство, но и за такое деяние, как «езда на чужом коне».

Период феодальной раздробленности представлен кодификациями Новгородской и Псковской республик — Новгородской и Псковской судными грамотами³. Грамоты в целом повторяли положения о договорах, предусмотренные законодательством Древней Руси. Документы уделяли много внимания договорам, способам их заключения и исполнения, что обусловлено торговым характером республик. Договор купли-продажи стал одним из самых распространенных видов гражданско-правовых договоров. Купля-продажа движимых вещей происходила на

торгу без осуществления каких-либо формальностей. Сделка предполагала устную форму, присутствие свидетелей являлось не обязательным. Псковская судная грамота предусмотрела возможность расторжения договора купли-продажи движимого имущества в случае обнаружения недостатков проданной вещи. Более сложная процедура требовалась для купли-продажи недвижимого имущества (отчина). В таких случаях требовалась «запись», то есть письменная форма заключения договора. Сделка заключалась в присутствии сторон, свидетелей обеих сторон, а также архиепископа (выполнял нотариальные функции) или его помощника. А.Ф. Андреев отмечал, что состав недвижимости, которая могла быть объектом обязательственного права, в республиках был разнообразен — двор (дом), пахотные земли, а также сенокосные и промысловые угодья⁴.

Нормы Новгородской и Псковской судных грамот достаточно детально регламентировали субъективный состав договора купли-продажи. Это обуславливается возможными правовыми последствиями заключения сделки. К субъектам договора купли-продажи относились новгородские и псковские купцы, иностранные купцы, родственники, осуществляющие куплю-продажу. Договор купли-продажи, заключаемый с иностранными купцами, отличался существенными особенностями. Так, признавалась только меновая продажа, то есть обмен товара на товар. Для сделок с иностранными купцами предписывались следующие правила:

- необходимость присутствия своего свидетеля, с которым предстоящая сделка оговаривалась заранее;
- необходимость осматривать приобретаемый товар в течение трех дней, этот же срок отводился для предъявления претензий в отношении качества приобретаемого товара;
- сделка осуществлялась на территории заграничных торговых дворов (например, немецких, литовских);
- необходимость подтверждения сделки различными обрядами, например, рукобития;

² Владимировский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 573.

³ Новгородская судная грамота. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/44686.php> (дата обращения: 29.09.2020); Псковская судная грамота. URL: https://drevlit.ru/docs/russia/XV/1480-1500/Pskovsk_sud_gr/text.php (дата обращения: 29.09.2020).

⁴ Андреев А.Ф. Новгородский частный акт XII—XV вв. Л., 1986. С. 86.

— договор считался необратимой сделкой с момента, когда российский купец выносил товар с заграничного торгового двора.

Дальнейшая эволюция системы договоров прослеживается в Судебниках 1497 и 1550 гг.⁵ Судебник 1497 г. не много внимания уделил договорному праву, что объяснимо использованием предыдущего законодательства. Частично регламентировались договоры купли-продажи, займа, личного найма. Усложнилась процедура вступления в права собственника в отношении недвижимого имущества. В.И. Сергеевич отмечал, что для приобретения недвижимости мало было совершить договор купли-продажи, необходимо было произвести процедуру отвода приобретенной земли. Отводом являлся обход владений и при необходимости установление межей (столбов). Отвод производился в присутствии сторонних лиц. По результатам отвода составлялась отводная грамота. В XV–XVI столетиях отвод был частным делом сторон договора. В купчих грамотах стороны устанавливали, кто должен позаботиться, чтобы отвод был сделан⁶.

Судебник 1550 г. внес изменения в регламентацию договора займа. Судебник запрещал заключение займа «с кабалой» для представителей феодального сословия.

Крупнейшим законодательным актом рассматриваемого периода является Соборное уложение 1649 г.⁷

Много внимания законодателем традиционно было уделено договору займа. Договор займа подразделялся на два вида: договор простого займа (этот вид договора оформлялся заемной записью) и договор займа с переводом в холопы (такой вид договора оформлялся заемной кабалой). Договор требовал письменную форму заключения, при заключении — присутствие свидетелей. Срок исковой

давности для договора займа составлял 15 лет.

Договор купли-продажи регламентировался достаточно детально. Законодательство предусмотрело новый порядок заключения договора. Крупные сделки, прежде всего в отношении недвижимого имущества, должны были оформляться крепостным порядком. При крепостном порядке документ, удостоверявший сделку, составлялся специальным должностным лицом — площадным подьячным, требовалось присутствие не менее двух свидетелей. Менее крупные сделки оформлялись домашним способом, без формальностей. Появилось и абсолютно новое требование для приобретения земли — составление документа (справки) Поместным приказом. В документе должно быть указано, что «такой-то человек продал, а такой-то купил»⁸. На стороне продавца мог выступать только собственник. Таким образом, институт представительства в отношении подобной группы сделок не был предусмотрен действовавшим в рассматриваемый период законодательством.

Новый подход к сущности договора российский законодатель применил к договору хранения. Договор хранения перестал рассматриваться как «дружеская услуга». Для договора предусматривалась письменная форма заключения, исключение составлял договор, заключаемый служилым человеком, выступавшим в поход (устная форма). К договору прикладывалась опись имущества, передаваемого на хранение. Хранитель нес ответственность в случае гибели имущества по его вине, стихийные бедствия и гибель имущества без вины хранителя не предполагали его ответственности.

Договор дарения рассматривался как односторонняя сделка. Договор подлежал оформлению «данной» грамотой. Сделка, стоимость объекта которой превышала 10 руб., требовала официальной регистрации.

Регламентировался договор личного найма, который имел следующие разновидности:

— договор простого найма (такой договор оформлялся письменно, без формальностей);

⁵ Судебник 1497 г. URL: <http://his95.narod.ru/1497.htm> (дата обращения: 29.09.2020); Судебник 1550 г. URL: <https://dereksiz.org/sudebnik-1550-g-perevod-v-b-ciganova.html> (дата обращения: 29.09.2020).

⁶ Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910.

⁷ Соборное уложение 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 1. № 1.

⁸ Сергеевич В.И. Указ. соч.

— договор личного найма со служилой кабалой (подлежал обязательной регистрации в Холопьем приказе).

Договор имущественного найма регламентировался фрагментарно. Законодатель акцентировал внимание на ответственности нанимателя за целостность и сохранность нанимаемого имущества. Договор заключался в письменной форме.

Предусматривался и договор мены, который заключался в устной и письменной форме. Регистрация договора требовалась в обязательном порядке при заключении мены вотчины на поместье.

Договор поставки рассматривался как разновидность договора купли-продажи. Глава XIX Соборного уложения 1649 г. регулировала торгово-промышленную деятельность, осуществляемую в городах. Торгово-промышленное население феодальных российских городов подлежало освобождению от ряда повинностей, подобное регулирование торговых отношений, по мнению Н.П. Свеженцевой, стало основой будущего договора поставки⁹.

⁹ Свеженцева Н.П. Развитие законодательства о договоре поставки в России (начало XVII — конец XX в.) // Вестник ВЭГУ. 2009. № 6 (44). С. 139.

В качестве общих положений, относящихся к договорным правоотношениям, Соборное уложение 1649 г. содержало положения, относившиеся к действительности договора, форме его заключения, способам обеспечения договорных обязательств. Так, условиями действительности договора выступали: добровольность вступления в договор сторонами; наличие права на заключение договора у субъектов; соблюдение предусмотренной законом формы; отсутствие подлога (например, при регистрации) или обмана.

Письменная форма предусматривалась для большинства договоров. Договоры «о больших делах» требовали присутствия свидетелей и регистрации в соответствующем приказе. В качестве способов обеспечения договорных обязательств назывались неустойка, заклад (залог имущества), порука (поручительство «уважаемых» людей).

Таким образом, отечественные законодательные акты XI–XVIII вв. отразили процесс формирования и развития системы гражданско-правовых договоров.

Литература

1. Андреев А.Ф. Новгородский частный акт XII–XV вв. / А.Ф. Андреев. Ленинград : Наука : Ленинградское отделение, 1986. 143 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. Ростов-на-Дону : Феникс, 1995. 640 с.
3. Свеженцева Н.П. Развитие законодательства о договоре поставки в России (начало XVII — конец XX в.) / Н.П. Свеженцева // Вестник ВЭГУ. 2009. № 6 (44). С. 139–142.
4. Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права / В.И. Сергеевич. Санкт-Петербург : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 680 с.

References

1. Andreev A.F. Novgorodskiy chastny`y akt XII–XV vv. [The Novgorod Private Deed of the XII to the XV Century] / A.F. Andreev. Leningrad : Nauka : Leningradskoe otdelenie — Leningrad : Science : Leningrad Branch, 1986. 143 s.
2. Vladimirskiy-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava [A Review of the Russian Law History] / M.F. Vladimirskiy-Budanov. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 1995. 640 s.
3. Svezhentseva N.P. Razvitie zakonodatelstva o dogovore postavki v Rossii (nachalo XVII — konets XX v.) [The Development of Laws on a Supply Agreement in Russia (the Early XVII to the Late XX Century)] / N.P. Svezhentseva // Vestnik VEGU — Bulletin of the VEGU. 2009. № 6 (44). S. 139–142.
4. Sergeevich V.I. Lektsii i issledovaniya po drevney istorii russkogo prava [Lectures and Research on the Ancient Russian Law History] / V.I. Sergeevich. Sankt-Peterburg : Tip. M.M. Stasyulevicha — Saint Petersburg : M.M. Stasyulevich's printing office, 1910. 680 s.

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-12-7-17

Финансово-правовые воззрения мыслителей периода становления и утверждения российского абсолютизма

Кириухин Владимир Викторович,
доцент кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения
охраны общественного порядка центра командно-штабных учений
Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
vlad19730706@rambler.ru

В статье рассматриваются финансово-правовые идеи в России в период становления и утверждения абсолютизма. Автор анализирует труды Ю. Крижанича, А.Л. Ордин-Нащокина, И.Т. Посошкова, Симеона Полоцкого с точки зрения их влияния на развитие государственной мысли в России. В заключение сделан обоснованный вывод о том, что в XVII в. российская экономика приобрела динамизм, которому во многом способствовали передовые финансово-правовые идеи, получившие признание и реализацию в период становления Российского государства. Внутренний рынок стал общегосударственным, росли перевозки, городские сословия, увеличиваясь количественно, получали большие привилегии и становились более процветающими. Вместе с тем полноценные результаты этой политики можно было увидеть только в XVIII в.

Ключевые слова: финансово-правовые идеи, становление и утверждение абсолютизма, денежное обращение, Новоторговый устав, Ю. Крижанич, А.Л. Ордин-Нащокин, И.Т. Посошков, Симеон Полоцкий.

Financial and Law Ideas of Thinkers of the Period of the Establishment and Adoption of Russian Absolutism

Kiryukhin Vladimir V.
Associate Professor of the Department of Management of Activities of Public Order
Maintenance Subdivisions of the Center for Command and Staff Exercises of the Management
Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The article examines the financial and legal ideas in Russia during the formation and approval of absolutism. The author analyzes the works of Yu. Krizhanicha, A.L. Ordin-Nashchokina, I.T. Pososhkova, Simeona Polotskogo from the point of view of their influence on the development of state thought in Russia. In conclusion, a well-grounded conclusion is made that in the 17 century the Russian economy acquired dynamism, which was largely facilitated by advanced financial and legal ideas that were recognized and implemented during the formation of the Russian state. The internal market became a national market, transportation grew, the urban estates, increasing in number, received greater privileges and became more prosperous. At the same time, the full-fledged results of this policy could be seen only in the 18 century.

Keywords: financial and legal ideas, the formation and approval of absolutism, money circulation, New trade charter, Yu. Krizhanich, A.L. Ordin-Nashchokin, I.T. Pososhkov, Simeon Polotsky.

Государство и экономика традиционно воспринимаются как взаимообусловленные феномены. Периодические финансовые потрясения, нестабильный курс национальных валют приводят к экономическому дисбалансу и являются одним из центральных пунктов мировой «повестки дня».

Безусловно, весьма удобно облекать прошлое в ту форму, которая кажется

нам простой и понятной. Однако история российской жизни была куда более сложная и полная взаимосвязей, чем мы привыкли мыслить о ней.

Рубеж XVII–XVIII вв. ознаменовался переходом Московского царства из средневековой в современную цивилизацию, определением его геополитических интересов и притязаний на гегемонию в славянском мире, преодолением

интеллектуального изоляционизма. Эти процессы переплетались с борьбой государства с политическим и экономическим могуществом церкви, получившим в отечественной истории емкое название раскол, ставший демаркационной линией общественного самосознания, причиной появления религиозного течения старообрядцев.

Официальная идеология считала старообрядцев символами косности и неподвижности из-за позиции к никоновской церковно-богослужебной реформе, форм выражения протеста, разрыва с окружающим миром. Однако с середины XIX в. исследователи отмечали их прогрессивные взгляды на соборность в управлении, неприкосновенность частной собственности, признание свободы труда как залога экономического процветания и успеха отдельной личности и государства в целом¹. Из среды старообрядцев вышли влиятельные российские купцы, предприниматели и фабриканты, контролировавшие вплоть до 1917 г. значительную часть российской экономики.

Эпоха новаций Алексея Михайловича закрепила правило постоянства войны. Московское царство вело военные кампании от северо-запада с Речью Посполитой и Швецией, до юга — с Османской империей. Преследуя свои интересы, оно все более расширяло территории, продвигаясь далее в Сибирь, реформируя армию, меняя тип вооружений, одновременно изыскивая финансы на эти цели.

Один из триады великих русских историков, В.О. Ключевский, описывая мироощущения русских людей второй половины XVII в., считал, что «самой резкой нотой в этом настроении было недовольство своим положением»².

¹ Шапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. Казань, 1859; Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории: исторический очерк. СПб., 1870; Юзов И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане. СПб., 1881.

² Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. Минск, 2007. Кн. 2. С. 413.

Начиная с середины XIX в. в исторической и историко-правовой науке сформировалось представление об абсолютизме как форме монархической власти, ничем не ограниченном учреждении, будь то представительное собрание, церковь, сословия, конституция. Абсолютная монархия опирается на профессиональную бюрократию, вооруженные силы и полицейские формирования и поддерживается оправдывающей ее идеологией. Кроме того, абсолютизм обычно ассоциируется с консолидацией законов, охватывающих ключевые сферы общественной жизни, с преследованием меркантилистской политики, направленной на обогащение правителя и государства³.

Революционно и деспотически Петр I порвал с многовековой традицией, превратив Российское государство в политическую сферу в абсолютную монархию. Петр I положил начало идеологической, военной, промышленной модернизации государства. Безусловно, петровские реформы были бы невозможны без преобразований в финансовой сфере, которые базировались на взглядах, идеях, представлениях как отечественных, так и зарубежных мыслителей.

Поэтому считаю логичным обратиться к богатому отечественному опыту финансово-правовых воззрений мыслителей, накопленных в России на рубеже XVII—XVIII вв.

Еще в далеком от петровских реформ XVI в. русским людям не был чужд дух бережливости, стяжательства и идея прибыли. Во второй половине XIX в. в архиве Ревельской ратуши Герман Гильдебранд обнаружил письмо 20-х гг. XVI в. жителей Нарвы в Ревель, повествующее о том, что «в скором времени в России никто не возьмется более за соху, все бегут в город и становятся купцами... Люди, которые два года назад носили рыбу на рынок или были мясниками, ветошниками и садовниками, сделались пребогатыми купцами и финансистами и ворочают тысячами»⁴.

³ Anderson P. Lineages of the Absolutist State. 2 impr. London, 1980. P. 17.

⁴ Гильдебранд Г.Х. Отчеты о розысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877. С. 93.

Пожалуй, первой работой в России, раскрывающей идеи экономического развития, стал «Домострой», который содержал в себе принципы частного хозяйства и домашней экономии. По точному замечанию А.А. Беженцева, «данный сборник не обладал статусом нормативно-правового акта, он оказывал весьма существенное влияние на жизнь всего общества того времени»⁵.

Кроме житейских мудростей: «хоть и ненадобно, а дешево — купи»; «запасено слишком, на том деньги будут с прибылью», «Домострой» содержал в себе выдержки из византийских источников права — «Номоканона» и «Сборника постановлений». В целом «Домострой» — сборник простых рекомендаций, не знающий, выражаясь современным языком, макроэкономики государства и отвечающий потребностям замкнутого, патриархального, не ориентированного на рыночные отношения хозяйства.

Предтечей Петра I и одного из главных идеологов российского абсолютизма И.Т. Посошкова, мировоззренческим мостиком в эпоху меркантилизма можно считать финансово-правовые взгляды уникальной фигуры истории России, хорвата на русской службе Юрия Крижанича (Križanić, 1618–1683).

Рано осиротевший хорватский дворянин после окончания загребской семинарии продолжил свое образование в Риме, добившись зачисления конвиктором в греческий (иезуитский) коллегийум Св. Афанасия в Риме, готовивший миссионеров для схизматиков православного Востока, который подчинялся Священной конгрегации пропаганды веры. Обучаясь там, Крижанич написал в 1641 г. «Записку о миссии в Москву», доступную широкой публике благодаря ее обнаружению П. Пирлингом и переводу В.А. Кожевникова.

В «Записке...» Крижанич обозначил свое желание пропагандировать унию церквей в России. «Веру Христову мо-

сквитяне приняли при князе Владимире, лет за 500 тому назад, — писал он, — но от схизматиков греков, худших вместилищ лжи»⁶.

Воплощение замысла растянулось на 18 лет, пока Крижанич не поступил в 1659 г. на «вечную» службу к русскому царю Алексею Михайловичу в Приказ Большого двора. Однако столичная служба Крижанича закончилась быстро, и в начале января 1661 г. из распоряжения Лифляндского приказа «без суда и следствия» его отправили в Тобольск.

Проживая в Москве, а затем в тобольском изгнании, Крижанич собрал и оставил бесценные свидетельства о Московии XVII в. Его «Разговоры о владычестве» («Razgowori ob wladatelistwie»), написанные в 1663–1666 гг. в Тобольске, предназначенные для московской правящей элиты, известные сегодня под названием «Политика», — макиавеллиевский парафраз деловых советов властителям, которые стали важнейшим источником информации о передовых идеях того времени.

Рукопись «Разговоры о владычестве» была найдена Петром Алексеевичем Безсоновым в 1857 г. в Синодальной библиотеке и опубликована под названием «Русское государство в половине XVII века» в журнале «Русская беседа» в 1859 г. и в виде двухтомника в 1859–1860 гг.

Пожалуй, в самой известной англоязычной монографии XIX в. о Сибири «Через Сибирь» Генри Ланселл, указывая на значительный вклад сибирских ссыльных в жизнь и культуру империи, не смог не упомянуть изгнанного хорватского священника Юрия Крижанича, который с пользой консультировал первых торговых посланников в Китай⁷.

Крижанич, определяя цель государства, полагал, что оно создано для достижения общей пользы, а «обязанность царя — творить благополучие своего

⁵ Беженцев А.А. Ретроспектива профилактики правонарушений несовершеннолетних: Киевская Русь, Московское государство, Российская империя // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 74.

⁶ Крижанич Ю. Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. / пер. с итал., лат.; предисл. и примеч. П. Пирлинга. М., 1901. С. 42.

⁷ Lansdell H. Through Siberia Houghton. London, 1882. P. 139.

народа, заботится о вере, правосудии, защите и достатке народа»⁸.

Роль и задачи государства в управлении экономикой Крижанич видел очень широко, отдавая приоритет закону. «При алчных законах, — рассуждает Крижанич, — хорошая земля остается пуста и редкими жителями населена. При умеренных законах и плохая земля бывает многолюдна и народ богат»⁹.

Позднее Средневековье отличалось тем, что очень часто государство получало дополнительные доходы путем выпуска в обращение низкопробной и с недостаточным весом монеты, приводившего к социальным взрывам, достаточно вспомнить медные бунты в России.

К концу XV в. «содержание серебра в рубле было не 48 золотников, а 17 золотников 28 долей, в конце XVI в. оно снизилось до 15 золотников, в первой половине XVII в. — до 8 золотников 32 долей, в XVIII в. — до 4 золотников 21 доли»¹⁰.

Крижанич решительно выступает против монополизации рынков, небрежной системы налогов, порчи монет. Рассуждая о порче монеты, он указывал, что «сей способ, есть несправедливый и полный грехов...», является «истинной убылью» для народа, а прибегать к такому средству равносильно «мере отчаяния» (*remedia desperata*). А если постоянно ухудшать монету, то как «кровь из открытой жилы», «все блага из народа истекут»¹¹.

Основным принципом финансовой политики для Крижанича служит правило: богат народ, богат и король, беден народ, беден и король. А для богатства короля и народа необходимо заменить многочисленные поборы одним прямым налогом.

Крижанич считал, что государству необходимо поддерживать устойчивое де-

нежное обращение, также следует избегать невыгодной сырьевой торговли с иностранцами. «Оленьи кожи, — писал Крижанич, — мы сырые продаем, а сами дома не выделяем и платье из них не шьем. Одну шкуру продаем за 3–4 рубля, а обратно выделанную за 30–40 рублей выкупаем. Стало быть, эта вещь очень потребная: если здесь кожи обрабатывать, то люди стали бы шить платье, носимое целый век»¹².

Место и роль финансово-правовых взглядов Ю. Крижанича очень четко определил В.О. Ключевский, отмечая, что, «читая преобразовательную программу Крижанича, невольно восклицаешь: да это программа Петра Великого, даже с ее недостатками и противоречиями, с ее идеалистической верой в творческую силу указа, в возможность распространить образование и торговлю посредством переводной немецкой книжки о торговле или посредством временного закрытия лавочки у купца, не выучившегося арифметике»¹³.

Обращение к трудам одной из центральных фигур общественной мысли XVII в., первого просветителя европейского типа Симеона Полоцкого (Самуила Гавриловича Петровского-Ситняновича, 1629–1680), дает возможность понять прививку барочных концептов европейской учености на русской почве применительно к интересующей нас теме.

Выпускник Киево-Могилянской коллегии в 1656 г. принял в Богоявленском монастыре Полоцка монашество под именем Симеон, в 1664 г. переселился в Москву, где разворачивается его многогранная творческая деятельность и он получает прозвище «Полоцкий». Вышим доверием Московского царя стала деятельность в качестве домашнего учителя по воспитанию и обучению Симеоном Полоцким будущего царя Федора и будущей царевны-правительницы Софьи. Личная библиотека Симеона в Спасском монастыре состояла из более 600 книг и стала самым большим собранием книг Московского государства

⁸ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича : в 2 ч. М., 1860. Ч. 2. С. 30.

⁹ Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича : в 2 ч. М., 1859. Ч. 1. С. VI.

¹⁰ Брегель Э.Я. Денежное обращение и кредит капиталистических стран : учебное пособие. 2-е изд., перераб. М., 1955. С. 319.

¹¹ Крижанич Ю. Русское государство... Ч. 1. С. 2–3.

¹² Там же. С. 35.

¹³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 411.

того времени¹⁴. Немалое место в творчестве мыслителя занимали темы веры и власти, однако о его экономических воззрениях можно судить лишь по отдельных фрагментах. В поэтическом сборнике «Вертоград многоцветный», над которым Симеон работал до самой смерти, были собраны и выстроены в алфавитном порядке силлабические стихи, которые проясняли, толковали, поучали, просвещали читателей через «мир вещей человеческих», устроенный Богом.

Власть для Симеона Полоцкого имела сакральный смысл. Одноименное стихотворение начинается такими словами: «Всякая власть от Бога. Он бо благи дает властелины, а злыя за грех попускает»¹⁵.

По мнению мыслителя, люди, находящиеся во власти, должны в судах вести дела «по правде»: «...на лица сильных и сродных не зрети, равн суд имети». Себя же должны блюсти, чтобы «гордость» никогда не вошла в их сердце, ибо в гордое сердце высокого саном человека Бог «наводит» гнев «жестокий», как это случилось с вавилонским царем «Навходоносором»¹⁶.

Симеон Полоцкий считал богатство благодатью, а его неправильное употребление — злом: «Благий Бог и богатый в своей благодати благоволит и благим богатство дати... Не злато богатя людей погубяет, но употребление, еже зело бывает»¹⁷.

К середине XVII в. в московской политической элите поднимают голову сторонники сильной государственной власти, модернизации экономики, те, которых историки назовут «западниками». Именно они задавали тон в реформаторских начинаниях. К виднейшим «западникам» обычно причисляют воспитателя царя Алексея Михайловича

Б.И. Морозова и глав Посольского приказа А.Л. Ордин-Нащокина, А.С. Матвеева, В.В. Голицына.

С одной из первых финансово-правовых теорий развития государства выступил сын небогатого псковского помещика Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин (1605–1680), которого М.Н. Капустин назвал одной «из замечательнейших личностей допетровской Руси»¹⁸, а В.О. Ключевский «московским государственным человеком»¹⁹.

Потребность ограждения отечественной торговли от иностранного влияния находила выражение в челобитных. Так, И.Д. Беляев упоминает челобитную 1646 г. от «всех торговых людей русского царства», в которой они просят государя «повелеть Англичанам и другим Немцам, чтобы они торговали только в корабельной пристани у города Архангельска, а по другим городам не ездили и торгу бы у русских не отнимали»²⁰.

А.Л. Ордин-Нащокин усматривал главные недостатки русской торговли в моральных свойствах самих торговцев. «Русские люди, — говорит он, — в торговых делах слабы друг перед другом, т.е. не держат данного слова, несолидарны и не умеют противостоять иностранцам»²¹.

А.Л. Ордин-Нащокин, назначенный в марте 1665 г. воеводой Пскова, издает особое положение о торговле с иностранцами, в котором на законодательном уровне пытается бороться с указанными недостатками. С целью укрепления корпоративного духа русского купечества вводится система патроната над «маломочными» торговцами со стороны крупных купцов. «Для торговли с иностранцами под Псковом учреждаются две двухнедельные ярмарки с беспошлинным торгом от 6 января и от 9 мая»²².

¹⁴ Hippisley A., Luk'janova E. Simeon Polockij's Library: A Catalogue (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte). Köln ; Weimar ; Wien : Bohlau Verlag, 2005. P. 22.

¹⁵ Polockij S. Vertograd mnogocvetnyj : in 3 vol. / ed. by A. Hippisley, L.I. Sazonova ; foreword by D.S. Lihačev. Köln [etc.] : Bohlau, 1996. Vol. 1. S. 155.

¹⁶ Полоцкий С. Избранные сочинения / подг. текста и коммент. И.П. Еремина. М. ; Л., 1953. С. 189–204.

¹⁷ Polockij S. Op. cit. S. 120.

¹⁸ Капустин М.Н. Дипломатические сношения России с Западной Европой, во второй половине XVII-го века. М., 1852. С. 9.

¹⁹ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 490.

²⁰ Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства. М., 1879. С. 574.

²¹ Святловский В.В. История экономических идей в России. Пг., 1923. Т. 1. С. 42.

²² Ключевский В.О. Указ. соч. С. 502–503.

Таким образом, в Пскове благодаря финансово-правовым идеям А.Л. Ордин-Нащокина прошла «обкатку» правовая модель, положенная в основу общероссийского законодательства, протекционистской политики, торговых товариществ и ссудных банков последующего периода российской истории.

За участие в переговорах с Польшей и подготовке Андрусовского перемирия 2 февраля 1667 г. А.Л. Ордин-Нащокин был возведен в боярское достоинство²³, а уже 18 февраля возглавил Посольский приказ²⁴, принял участие в составлении Новоторгового устава, призванного выполнить двоякую роль: защитить русскую торговлю от иностранной конкуренции и от российского чиновничества.

Новоторговый устав, утвержденный 22 апреля 1667 г., пропитанный духом протекционизма, ограничил права иностранных торговцев и регулировал отношения русских торговых людей с иностранцами²⁵.

С 21 мая 1667 г. Новоторговым уставом в Архангельске, Новгороде и Пскове для русских и иностранных купцов была установлена единая 5%-ная («10 денег с рубля от цены взвешаемого товара») и 4%-ная рублевая пошлина («8 денег с рубля от цены невзвешаемого товара»). Покупатели платили сбор 2,5% («5 денег с рубля»). Во внутренних городах обложение иностранных купцов возросло до 6% и составило «по два алтына с рубля», также они платили 10% проездной пошлины²⁶. Иностранным купцам разрешался въезд в Москву только при наличии жалованной грамоты Великого Государя.

Пошлины должны были взиматься золотом или в дукатах по искусственно фиксированным обменным курсам, экспорт драгоценных металлов был запре-

щен. Реальный курс 1 дуката колебался в диапазоне от 114 до 125 коп., однако он принимался по курсу 1 руб., составлявшего 100 коп.

Безусловно, Новоторговый устав — живое воплощение торгового протекционизма в праве. Однако активное участие А.Л. Ордин-Нащокина в продвижении Новоторгового устава отвечало, прежде всего, и задачам возглавляемого им внешнеполитического ведомства — Посольского приказа. Наполнение казны и укрепление обороноспособности государства являлись сторонами одной медали. Ограничение проникновения иностранцев во внутренние районы страны также отвечало потребностям административной опеки эпохи абсолютизма.

Новоторговый устав вводил единый специализированный Купеческий приказ, который «давал бы купеческим людям управу», не заставляя их «волочиться по многим приказам»²⁷, т.е. вводил специальную систему судов, которая должна была вести судопроизводство по всем делам, связанным с внешней и внутренней торговлей и обстоятельствами, ей сопутствующими.

Среди финансово-правовых воззрений, появившихся в петровское время, особое место занимают взгляды Ивана Тихоновича Посошкова (1652—1726), «первого русского полит-эконома»²⁸, авантюрного предпринимателя, изобретателя, самобытного публициста, человека широчайшего кругозора и деловитого практика.

Так, после Указа государя от 11 марта 1700 г. «О делании медных денег, полухек и полуполухек»²⁹ И.Т. Посошков стал первым чеканщиком, а позже отвечает уже за установку станков на Монетном дворе.

Результатом разносторонней деятельности И.Т. Посошкова явилась «Книга о

²³ Боярская книга 1658 года. М., 2004. С. 17.

²⁴ Бояговяленский С.К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 129.

²⁵ Новоторговый устав, 22 апреля 1667 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 408. (Далее — ПСЗРИ.)

²⁶ Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915. С. 157.

²⁷ Новоторговый устав, 22 апреля 1667 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 1. СПб., 1830. № 408.

²⁸ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого : в 8 т. СПб., 1858. Т. 1. С. LX.

²⁹ Деммени М.Г. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г. СПб., 1887. С. 30—31.

скудости и богатстве» (1724), подготовленная в форме частного донесения Петру I. До открытия его широкой публике профессором М.Н. Погодиным в 1842 г. и издания Г. Есиповым в журнале «Русское слово» в 1861 г. она не была произведением для свободного прочтения.

На создание данного произведения И.Т. Посошковым оказали влияние экономические воззрения предшественников, проблемы предпринимательской практики, функционирования государственных актов, регулировавших рыночные отношения.

Безусловно, «Книгу о скудости и богатстве» нельзя считать только сочинением экономического характера. В ней предлагается программа переустройства Русского государства. В своей работе И.Т. Посошков затрагивает широкий круг юридических вопросов: об организации экономики, правосудия, просвещения и т.д. При этом Иван Тихонович выступает как адепт нормативизма и считает, что все затронутые им проблемы необходимо разрешить через принятие законов (царских указов).

В историко-правовой и экономической литературе И.Т. Посошкова считают ярким представителем российского меркантилизма. Это наиболее четко проявляется в его номиналистической концепции денег. Трактую юридическую сущность денег во внутреннем обороте, он полагал, что их курс определяется лишь царским штампом. По мнению И.Т. Посошкова, «а на коей цате золотниковой начертание будет гривенное, то она за гривну и ходить будет. И по сему разумей, еже у нас не вес имеет силу, но царская воля. У нас толь сильно его пресветлаго величества слово, аще б повелел на медной золотниковой цате положить рублевое начертание, то бы она за рубль и ходить в торгах стала во веки веков неизменно»³⁰.

Однако во внешней торговле И.Т. Посошков придерживался товарно-металлистической концепции денег, т.е. считал, что международную торговлю мож-

но вести только с помощью полновесной монеты из драгоценного металла.

Предметом особого внимания в «Книге о скудости и богатстве» выступают: всенародное обогащение, составляющее истинное богатство страны, и в связи с этим пополнение государственной казны («царский интерес») и истребление всякой неправды и несправедливостей.

Ремейком высказывания Ю. Крижанича «богат народ, богат и король» звучит мысль И.Т. Посошкова: «...сие дело невеликое и весьма нетрудное, еже царская сокровища наполнить богатством... но то великое многотрудное есть дело, еже бы народ весь обогатить», «худой тот збор, аще кто царю казну собирает, а людей разоряет»³¹.

Апологетика царя «Царь судия и подобен он богу»³² позволяла сочетать ее с утверждением, что «очень немногое из страданий народа было ведомо Петру»³³.

В качестве вывода следует отметить, что изучение финансово-правовых воззрений мыслителей эпохи становления абсолютизма в России сегодня оправдано и закономерно, так как расширение познавательного поля финансовой деятельности, с одной стороны, актуализирует интерес к исследовательской методологии такого феномена, как государство, с другой стороны, способствует приращению знаний об истории финансово-правовых отношениях в частности и образа русской жизни позднего средневековья в целом, «возвращает» в историю удивительных людей, идеи которых опередили свое время.

Подводя итоги по вкладу каждого мыслителя, следует отметить, что Ю. Крижанич первым сформулировал на русской почве идеи торгового протекционизма, ориентированного на защиту внутреннего рынка от иностранцев, стабильной монетарной политики, повышения занятости населения.

³¹ Там же. С. 15, 200.

³² Там же. С. 242.

³³ Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого: в 2 т. СПб., 1903. Т. 2. С. 208.

³⁰ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951. С. 239.

Симеон Полоцкий являл собою тип универсального просветителя, всеобъемлющего деятеля: поэт и драматург, богослов и проповедник, полиглот, редактор и издатель, создатель Верхней (дворцовой) типографии в Кремле, педагог и автор учебных книг.

Значение финансово-правовых идей Афанасия Лаврентьевича Ордин-Нащокина заключается в том, что он не только исследовал происходящие в общественной жизни процессы, но и определял направления эволюции российского протекционистского права.

Новоторговый устав стал правовым источником монетарной стадии меркантилизма. Выработанный на основе идей А.Л. Ордин-Нащокина и соответствующего законодательства предыдущих лет, он был четко ориентирован на регулирование отношений русских торговых людей с иностранцами, решение вопросов внешней торговли, таможенного регулирования. Все это в совокупности позволяет говорить о воплощении русского торгового протекционизма, основателем которого считают современника А.Л. Ордин-Нащокина француза Ж.Б. Кольбера.

Воззрения Ю. Крижанича, Симеона Полоцкого, А.Л. Ордин-Нащокина, И.Т. Посошкова роднило одно — апелляция к царской власти, вера в необходи-

мость довести их до суверена, ибо только в нем виделся источник преобразований.

«Бунташный» XVII в. с его Смутой, конфессиональным спором, вышедшим за рамки богословских вопросов, являлся лишь вершиной айсберга, в глубине же скрывалась острая борьба конкурирующих группировок за влияние при дворе, тектонические социальные сдвиги, возникновение воззрений в финансово-правовой сфере, воспринятых наряду с использованием достижений естествознания на своих предприятиях, передовой техники и технологии закрытыми и дисциплинированными сообществами (старообрядцев, инородцев), определившими их успешность в зарождающихся капиталистических отношениях.

В XVII в. российская экономика приобрела динамизм, которого явно не хватало другим государствам. Внутренний рынок стал общегосударственным, росли перевозки, городские сословия увеличивались количественно, получали большие привилегии и становились более процветающими. Хотя, безусловно, полноценные результаты этой политики можно было увидеть только в XVIII в.

Это послужило основой, на которой Россия возвысилась до статуса не только мощной военной, но и великой экономической державы, апологетом которой выступал И.Т. Посошков.

Литература

1. Андреев В.В. Раскол и его значение в народной русской истории : исторический очерк / В.В. Андреев. Санкт-Петербург : Тип. М. Хана, 1870. 411 с.
2. Беженцев А.А. Ретроспектива профилактики правонарушений несовершеннолетних: Киевская Русь, Московское государство, Российская империя / А.А. Беженцев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 73–80.
3. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / И.Д. Беляев ; предисловие С. Петровского. Москва : Типолитограф. С.А. Петровского и Н.П. Панина, 1879. 730 с.
4. Богоявленский С.К. Приказные судьи XVII века / С.К. Богоявленский. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1946. 315 с.
5. Брегель Э.Я. Денежное обращение и кредит капиталистических стран : учебное пособие / Э.Я. Брегель. 2-е изд., перераб. Москва : Госфиниздат, 1955. 424 с.
6. Брикнер А.Г. Иллюстрированная история Петра Великого. В 2 томах. Т. 2 / А.Г. Брикнер. Санкт-Петербург : Тип. П.П. Сойкина, 1903. 299 с.

7. Гильдебранд Г.Х. Отчеты о розысканиях, произведенных в рижских и ревельском архивах по части русской истории / Г.Х. Гильдебранд. Санкт-Петербург : Тип Императорской Академии наук, 1877. 95 с.
8. Деммени М.Г. Сборник указов по монетному и медальному делу в России, помещенных в полном собрании законов с 1649 по 1881 г / М.Г. Деммени. Санкт-Петербург : Изд. вел. кн. Георгия Михайловича, 1887. 568 с.
9. Капустин М.Н. Дипломатические сношения России с Западной Европой, во второй половине XVII-го века / М.Н. Капустин. Москва : Университетская тип., 1852. 152 с.
10. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. В 3 книгах. Кн. 2 / В.О. Ключевский. Минск : Харвест, 2007. 592 с.
11. Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича. В 2 частях. Ч. 1 / Ю. Крижанич ; открыл и издал П.А. Безсонов. Москва : Тип. Александра Семена, 1859. 438 с.
12. Крижанич Ю. Русское государство в половине XVII века: рукопись времен царя Алексея Михайловича. В 2 частях. Ч. 2 / Ю. Крижанич ; открыл и издал П.А. Безсонов. Москва : Тип. Александра Семена, 1860. 392 с.
13. Крижанич Ю. Записка Юрия Крижанича о миссии в Москву. 1641 г. / Ю. Крижанич ; перевод с итальянского, латыни / предисловие и примечание П. Пирлинга. Москва : Университетская типография, 1901. 42 с.
14. Курц Б.Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича / Б.Г. Курц. Киев : Тип. И.И. Чоколова, 1915. 607 с.
15. Полоцкий С. Избранные сочинения / С. Полоцкий ; подготовка текста и комментарий И.П. Еремина. Москва ; Ленинград : Изд-во Академии наук СССР, 1953. 282 с.
16. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве / И.Т. Посошков. Москва : Изд-во Академии наук СССР, 1951. 413 с.
17. Боярская книга 1658 года / ответственный редактор Н.М. Рогожин ; вступительная статья М.П. Лукичева, Н.М. Рогожина ; подготовка текста В.А. Кадик. Москва : Издат. центр Ин-та российской истории РАН, 2004. 333 с.
18. Святловский В.В. История экономических идей в России. Т. 1. Меркантилизм, физиократизм, классическая школа и ее разветвления / В.В. Святловский. Петроград : Начатки знаний, 1923. 238 с.
19. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. В 8 томах. Т. 1 / Н.Г. Устрялов. Санкт-Петербург : Тип. II-го Отделения Собств. Его Имп. Вел. Канцелярии, 1858. 496 с.
20. Щапов А.П. Русский раскол старообрядства, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и в первой половине XVIII: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола / А. Щапов. Казань : Иван Дубровин, 1859. 547 с.
21. Юзов И. Русские диссиденты: староверы и духовные христиане / И. Юзов. Санкт-Петербург : Тип. (б.) А.М. Котомина, 1881. 180 с.
22. Anderson P. Lineages of the Absolutist State / P. Anderson. 2 impr. London : Verso, 1980. 573 p.
23. Hippisley A. Simeon Polockij's Library: A Catalogue (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte) / A. Hippisley, E. Luk'janova. Köln ; Weimar ; Wien : Bohlau Verlag, 2005. 226 p.
24. Lansdell H. Through Siberia Houghton / H. Lansdell. London : Sampson Low, 1882. 811 p.
25. Polockij S. Vertograd mnogocvetnyj. In 3 volumes. Vol. 1 / S. Polockij ; ed. by A. Hippisley, L.I. Sazonova ; foreword by D.S. Lihačev. Kohn [etc.] : Bohlau, 1996. 422 p.

References

1. Andreev V.V. Raskol i ego znachenie v narodnoy russkoy istorii : istoricheskiy ocherk [The Schism and Its Meaning in the Popular Russian History : historical sketch] / V.V. Andreev. Sankt-Peterburg : Tip. M. Khana — Saint Petersburg : M. Khan's printing office, 1870. 411 s.
2. Bezhentsev A.A. Retrospektiva profilaktiki pravonarusheniy nesovershennoletnikh: Kievskaya Rus, Moskovskoe gosudarstvo, Rossiyskaya imperiya [A Retrospective View on Prevention of Offenses Committed by Minors: The Kievan Rus, the Moscow State, the Russian Empire] / A.A. Bezhentsev // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii — Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (34). S. 73–80.
3. Belyaev I.D. Lektsii po istorii russkogo zakonodatelstva ; predislovie S. Petrovskogo [Lectures on the History of Russian Legislation ; foreword by S. Petrovskiy] / I.D. Belyaev. Moskva : Tipolitogr. S.A. Petrovskogo i N.P. Panina — Moscow : Typolithography of S.A. Petrovskiy and N.P. Panin, 1879. 730 s.
4. Bogoyavlenskiy S.K. Prikazny'e sudyi XVII veka [Prikaz Judges of the XVII Century] / S.K. Bogoyavlenskiy. Moskva ; Leningrad : Izd-vo AN SSSR — Moscow ; Leningrad : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1946. 315 s.
5. Bregel E.Ya. Denezhnoe obraschenie i kredit kapitalisticheskikh stran : uchebnoe posobie. 2-e izd., pererab. [Monetary Circulation and Credit in Capitalist Countries : textbook. 2nd edition, revised] / E.Ya. Bregel. Moskva : Gosfinizdat — Moscow : State Publishing House of Financial Literature, 1955. 424 s.
6. Brikner A.G. Illyustrirovannaya istoriya Petra Velikogo. V 2 tomakh. T. 2 [The Illustrated History of Peter the Great. In 2 volumes. Vol. 2] / A.G. Brikner. Sankt-Peterburg : Tip. P.P. Soykina — Saint Petersburg : P.P. Soykin's publishing house, 1903. 299 s.
7. Gildebrand G.Kh. Otchet'y o rozy'skaniyakh, proizvedenny'kh v rizhskikh i revelskom arkhivakh po chasti russkoy istorii [Reports on Research of the Russian History Carried Out in Riga and Revel Archives] / G.Kh. Gildebrand. Sankt-Peterburg : Tip. Imperatorskoy Akademii nauk — Saint Petersburg : Printing office of the Imperial Academy of Sciences, 1877. 95 s.
8. Demmeni M.G. Sbornik ukazov po monetnomu i medalnomu delu v Rossii, pomeschenny'kh v polnom sobranii zakonov s 1649 po 1881 g. [A Collection of Decrees on Monetary and Medal Affairs in Russia Placed in the Full Collection of Laws from 1649 to 1881] / M.G. Demmeni. Sankt-Peterburg : Izd. vel. kn. Georgiya Mikhaylovicha — Saint Petersburg : Publishing house of Grand Duke Georgiy Mikhaylovich, 1887. 568 s.
9. Kapustin M.N. Diplomaticheskie snosheniya Rossii s Zapadnoy Evropoy, vo vtoroy polovine XVII-go veka [Diplomatic Relations Between Russia and Western Europe in the Second Half of the XVII Century] / M.N. Kapustin. Moskva : Universitetskaya tip. — Moscow : University Printing Office, 1852. 152 s.
10. Klyuchevskiy V.O. Russkaya istoriya. Polny'y kurs lektsiy. V 3 knigakh. Kn. 2 [The Russian History. A Full Course of Lectures. In 3 books. Book 2] / V.O. Klyuchevskiy. Minsk : Kharvest — Minsk : Kharvest, 2007. 592 s.
11. Krizhanich Yu. Russkoe gosudarstvo v polovine XVII veka: rukopis vremen tsarya Alekseya Mikhaylovicha. V 2 chastyakh. Ch. 1 ; otkry'l i izdal P.A. Bezsonov [The Russian State in the Middle of the XVII Century: A Manuscript of the Times of Tsar Aleksey Mikhaylovich. In 2 parts. Part 1 ; found and published by P.A. Bezsonov] / Yu. Krizhanich. Moskva : Tip. Aleksandra Semena — Moscow : Aleksandr Semen's printing office, 1859. 438 s.
12. Krizhanich Yu. Russkoe gosudarstvo v polovine XVII veka: rukopis vremen tsarya Alekseya Mikhaylovicha. V 2 chastyakh. Ch. 2 ; otkry'l i izdal P.A. Bezsonov [The Russian State in the Middle of the XVII Century: A Manuscript of the Times of Tsar Aleksey Mikhaylovich. In 2 parts. Part 2 ; found and published by P.A. Bezsonov] / Yu. Krizhanich.

- Moskva : Tip. Aleksandra Semena — Moscow : Aleksandr Semen's printing office, 1860. 392 s.
13. Krizhanich Yu. Zapiska Yuriya Krizhanicha o missii v Moskvu. 1641 g. ; perevod s italyanskogo, laty'ni ; predislavie i primechanie P. Pirlinga [A Yuriy Krizhanich's Note on a Mission to Moscow. 1641 ; translation from Italian, Latin ; foreword and commentary by P. Pirling] / Yu. Krizhanich. Moskva : Universitetskaya tipografiya — Moscow : University Printing Office, 1901. 42 s.
 14. Kurts B.G. Sochinenie Kilburgera o russkoy torgovle v tsarstvovanie Aleksey Mikhaylovicha [A Kilburger's Essay on the Russian Trade During the Reign of Aleksey Mikhaylovich] / B.G. Kurts. Kiev : Tip. I.I. Chokolova — Kiev : I.I. Chokolov's printing office, 1915. 607 s.
 15. Polotskiy S. Izbranny'e sochineniya ; podgotovka teksta i kommentariy I.P. Eremina [Selected Works ; text preparation and commentary by I.P. Eremin] / S. Polotskiy. Moskva ; Leningrad : Izd-vo Akademii nauk SSSR — Moscow ; Leningrad : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. 282 s.
 16. Pososhkov I.T. Kniga o skudosti i bogatstve [A Book on Poverty and Wealth] / I.T. Pososhkov. Moskva : Izd-vo Akademii nauk SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1951. 413 s.
 17. Boyarskaya kniga 1658 goda ; otvetstvenny'y redaktor N.M. Rogozhin ; vstupitel'naya statya M.P. Lukicheva, N.M. Rogozhina ; podgotovka teksta V.A. Kadik [The Boyar Book of 1658 ; publishing editor N.M. Rogozhin ; introductory article by M.P. Lukichev, N.M. Rogozhin ; text preparation by V.A. Kadik]. Moskva : Izdat. tsentr In-ta rossiyskoy istorii RAN — Moscow : Publishing Center of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2004. 333 s.
 18. Svyatlovskiy V.V. Istoriya ekonomicheskikh idey v Rossii. T. 1. Merkantilizm, fiziokratizm, klassicheskaya shkola i ee razvetvleniya [The History of Economic Ideas in Russia. Vol. 1. Mercantilism, Physiocracy, the Classical School and Its Branches] / V.V. Svyatlovskiy. Petrograd : Nachatki znaniy — Petrograd : Beginnings of Knowledge, 1923. 238 s.
 19. Ustryalov N.G. Istoriya tsarstvovaniya Petra Velikogo. V 8 tomakh. T. 1 [The History of the Reign of Peter the Great. In 8 volumes. Vol. 1] / N.G. Ustryalov. Sankt-Peterburg : Tip. II-go Otdeleniya Sobstv. Ego Imp. Vel. Kantselyarii — Saint Petersburg : Printing office of the II Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1858. 496 s.
 20. Schapov A.P. Russkiy raskol staroobryadstva, rassmatrivaemy'y v svyazi s vnutrennim sostoyaniem russkoy tserkvi i grazhdanstvennosti v XVII veke i v pervoy polovine XVIII: opyt' istoricheskogo issledovaniya o prichinakh proiskhozhdeniya i rasprostraneniya russkogo raskola [The Russian Old Believer Schism Reviewed in Relation to the Internal State of the Russian Church and Civic Consciousness in the XVII and the First Half of the XVIII Century: Experience of Historical Research of the Reasons for the Origination and Distribution of the Russian Schism] / A. Schapov. Kazan : Ivan Dubrovin — Kazan : Ivan Dubrovin, 1859. 547 s.
 21. Yuzov I. Russkie dissidenty': starovery' i dukhovny'e khristiane [Russian Dissidents: Old Believers and Spiritual Christians] / I. Yuzov. Sankt-Peterburg : Tip. (b.) A.M. Kotomina — Saint Petersburg : (Former) A.M. Kotomin's printing office, 1881. 180 s.
 22. Anderson P. Lineages of the Absolutist State / P. Anderson. 2 impr. London : Verso, 1980. 573 s.
 23. Hippisley A. Simeon Polockij's Library: A Catalogue (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte) / A. Hippisley, E. Luk'janova. Köln ; Weimar ; Wien : Bohlau Verlag, 2005. 226 s.
 24. Lansdell N. Through Siberia Houghton / H. Lansdell. London : Sampson Low, 1882. 811 s.
 25. Polockij S. Vertograd mnogocvetnyj. In 3 volumes. Vol. 1 / S. Polockij ; ed. by A. Hippisley, L.I. Sazonova ; foreword by D.S. Lihačev. Kohn [etc.] : Bohlau, 1996. 422 s.

«Преступления по должности» в российской провинции XVIII в.: судебная практика Новгородской губернии

Митина Светлана Игоревна,
заведующая кафедрой теории государства и права
Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого,
доктор юридических наук, доцент
april5298@rambler.ru

Статья посвящена исследованию факторов, определявших высокий уровень преступности среди должностных лиц российской провинции XVIII в. На примере Новгородской губернии характеризуются особенности правоприменительной практики судебных органов по должностным преступлениям. Определяются причины неэффективности государственной политики по противодействию преступлениям лиц, наделенных властными полномочиями.

Ключевые слова: Новгородская губерния, архивные источники, судебная практика, история законодательства, должностные преступления, юридическая ответственность.

Official Crimes in the Russian Province of the XVIII Century: The Judicial Practice of the Novgorod Governorate

Mitina Svetlana I.
Head of the Department of Theory of State and Law
of the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
LL.D., Associate Professor

The article is devoted to the study of the factors that determined the high crime rate among officials in the Russian province of the 18th century. On the example of the Novgorod province, the features of the law enforcement practice of the judicial authorities on malfeasance are characterized. The reasons for the ineffectiveness of state policy on combating crimes of official malfeasance are determined.

Keywords: Novgorod province, archival sources, judicial practice, history of legislation, malfeasance, legal responsibility.

Бюрократия как система управления, основанная на вертикальной иерархии, была неотъемлемым признаком государственного механизма с момента образования Российской империи. Для населения страны олицетворением государственной власти всегда являлась местная или центральная администрация. Другого представления о социальной и политической природе власти в народной среде в XVIII—XIX вв. не сложилось, несмотря на попытки формирования сословного самоуправления.

Очевидно, что реализация государственных функций в любую эпоху не обходится без практики управления, комплекса мероприятий, предпринимаемых государством с целью упорядочивания той или иной сферы общественных отношений на основании предварительно изданных законов. Чем «масштабнее» государ-

ство, тем сложнее практика управления. Организовать ее на правовых началах — главная идея центральной власти. Если речь идет о монархии в форме абсолютизма, то правовые начала государственного управления подразумевают строгую иерархию и централизованный контроль за реализацией властных полномочий в рамках административной вертикали. Никакой инициативы «снизу» в оценке реализации управленческих или судебных функций не допускается. Соответственно, основная масса населения оказывается «отрезанной» от «верхушки» управленческого аппарата и ведет диалог с властью исключительно через местных чиновников.

Уже на этапе формирования государственного механизма Российской империи выявилась специфика социальной и правовой природы отечественной бюрократии. А.М. Ваганов считает, что зна-

чительное увеличение бюрократии при Петре I хотя и объяснялось масштабам реформ и необходимостью создания эффективной модели управления, тем не менее осуществлялось «без созревания объективной необходимости в существовавших общественных отношениях»¹. Россия в XVIII в. еще «не встала на рельсы» интенсивного развития экономики, оставаясь преимущественно аграрным государством с сохранением крепостного права.

Следовательно, бюрократия нужна была для реализации «экстенсивной» формы управления, которая подразумевает обеспечение тотального контроля над всей территорией и населением. Каких-либо «новационных» задач перед чиновниками не ставилось. Главное требование к государственному служащему сводилось к строгому следованию предписаний закона и беспрекословному выполнению указаний свыше. В таких условиях любое должностное лицо становится «винтиком» в сложном механизме государственного управления.

Формирование государственной службы при Петре I сопровождалось определением правового статуса государственного служащего. Именно в этот период «самостоятельный» характер приобрело денежное жалование служащих, которое ранее рассматривалось центральной властью как «дополнение к поместному и натуральному стимулированию»². Однако слишком уж крепко закрепилась в народной памяти долгое время существовавшая система «кормлений» царских управленцев. К тому же жалование низовых звеньев чиновничьего аппарата, состоявшего из мелкопоместных дворян и разночинцев, было низким. Как результат, система «кормлений» продолжала существовать негласно, причем на всех уровнях власти. Чиновники брали взятки и «по бедности», и «по жадности» своей. Помимо взятки

чиновники «грешили» превышениями должностных полномочий, служебными подлогами, нарушением трудовой и служебной дисциплины, казнокрадством и т.д. Это не только умаляло престиж государственной власти, но и наносило прямой материальный ущерб государству. На местах, в российской глубинке, проблема злоупотреблений должностных лиц осложнялась ее «латентным» характером. Местное население не часто решалось заявлять о притеснениях со стороны чиновников. Круговая порука, царившая в среде губернских или уездных управленцев, служила гарантией безнаказанности должностных лиц.

Сохранившиеся в Государственном архиве Новгородской области судебные дела, находившиеся в свое время на рассмотрении губернской Палаты уголовного суда, наглядно демонстрируют причины уверенности должностных лиц в собственной безнаказанности.

В июне 1786 г. Палатой уголовного суда было «решено» дело по челобитной майора Чихачева «...о безгласно хранящихся в Тихвинском Нижнем земском суде взысканиях вексельного долга (денег 245 руб.) с полковника Владимира Римского-Корсакова»³. В ходе судебного расследования Палатой уголовного суда были затребованы объяснения у бывшего исправника капитана Баранова, заседатель Казимирова и Ланского по поводу выдачи неполной суммы майору Чихачеву: «...налицо не явлено 70 рублей». По присланному из Новгородского наместнического правления указу вексельный долг с помещика Владимира Римского-Корсакова был взыскан в полном объеме. Деньги находились на хранении в Нижнем земском суде, а затем переданы истцу «с недостатчей»⁴.

В конечном итоге Палата уголовного суда вынесла определение в соответствии с официальным «Предложением генерал-поручика, правящего должность Тверского и Новгородского генерал-губернатора Николая Петровича Архарова», в котором говорилось: «Рассмотрев представленную мне из оной Палаты копию с решительного определения, ...нахожу, что решение

¹ Ваганов А.М. Модернизация правовых основ российской государственной бюрократии (XVIII—XIX вв.) // История государства и права. 2017. № 3. С. 51—52.

² Истомина Т.А. Материальное обеспечение государственных служащих в период зарождения и становления государственной службы в России: от системы кормлений к денежному содержанию // Вестник Военного университета. 2010. № 4 (24). С. 135—136.

³ Государственный архив Новгородской области. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1306. (Далее — ГАНО.)

⁴ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1306. Л. 15—15об, 17.

о взыскании денег с заседателя Ланского — десяти рублей, с подканцеляриста Петрова — пятнадцати рублей, с бывших исправников Качалова, Баринова, Головщина и заседателя Бутакова, а также секретаря Полуектова сорока пяти рублей и отдаче оных истцу — помещику Лихачеву, а сверх того, о наложении на них, яко нерадивых в своей должности, пени, заключено согласно с законом, а потому и предлагаю Палате исполнить по оному решению немедленно»⁵.

Подобные преступления в губернских судебных учреждениях не были единичными. В 1782 г. в Палату уголовного суда на ревизию из Тихвинского уездного суда поступило дело судьи Нижнего земского суда майора Ахматова. Основанием к возбуждению дела послужил рапорт асессора Моложенинова, в котором он «представил, что, будучи в Тихвине, взошел в Нижнюю расправу, где денежной казны некоторого числа не нашел. ...заседатели Яковлев и Кондрашов ему объявили, что тех денег, кроме канцелярской суммы, должно быть семьдесят девять рублей 50 коп., но расправным судьей Ахматовым без ведома Расправы и приходчика взяты и употреблены на собственные его нужды»⁶.

Тихвинским уездным судом добровольно вернувший деньги Ахматов был приговорен к выговору, и то не за кражу казенных денег, а за слабый надзор за служащим суда, ответственным за хранение казенных денег: «На основе Указа 1736 года января 20 дня... за слабое его Ахматова за приходчиком смотрение, дабы он впредь был осторожен и денежной казны имел всегдашнее по должности своей смотрение, сделать ему в присутствии сего суда выговор, а реченного приходчика Герасимова за то, что ему выдал деньги дважды... держать в той расправе на хлебе и воде, да впредь оного в приходчики не определять»⁷.

Решением Верхнего земского суда «мнение Тихвинского уездного суда как незаконно основанное» было отменено, о чем свидетельствует рапорт в Новгородское наместническое правление⁸. Окончательное решение оставалось за Палатой

уголовного суда. Однако и здешние судьи не усмотрели в действиях коллеги Ахматова серьезного правонарушения: «По Указу Ея Императорского Величества 1736 г. 20 января и Рекетмейстерской инструкции 6-го пункта — оштрафовать должно. Но, как сей проступок учинен им до составления выше прописанного Ея Императорского Величества Манифеста 1782 г. августа 7 дня, к тому ж неумышленно, да и деньги уже от него Ахматова в Расправу внесены, то за сим... оставить без всякого штрафа»⁹.

Осторожность, с которой выносились приговоры по делам служащих судебных органов, объяснялась не только круговой порукой, но и проблемой «кадрового голода» в присутственных местах. Недостаток грамотных чиновников, особенно обладавших специальными знаниями, был очевиден и значителен. Поэтому даже младшим чинам судебных органов зачастую удавалось избежать серьезного наказания за должностные правонарушения. Примером может служить находившееся в 1777 г. на ревизии в Палате уголовного суда дело секретаря Олонечкой нижней расправы Василия Сухоиванова¹⁰. Изначально секретарь Сухоиванов был привлечен к дисциплинарной ответственности за «в делах медленное и нерачительное исполнение, а коим иначе, непослушание». Ведомости по уголовным делам, за которые он отвечал, часто оказывались «неисправными». Потому перед отправкой в Наместническое правление их приходилось дополнительно править «приказным служителям». В виде наказания за дисциплинарное правонарушение было определено и записано в журнале: «...содержать его в присутствии на хлебе и воде трое суток». Однако по оглашении решения суда «Сухоиванов тогда, то есть того декабря 29 дня, в присутствии с криком выговаривал, что он таких журналов и судей не слушает, и пусть ночуют они в Расправе сами. А кто будет его удерживать, тому зубы вышибет. Ругал присутствующих, потом взял шапку и ушел...». Назад в Расправу Сухоиванов был приведен посланными за ним солдатами¹¹. Со времен Петра I наказание

⁵ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1306. Л. 80.

⁶ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 471.

⁷ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 471. Л. 44–44об.

⁸ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 471. Л. 45.

⁹ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 471. Л. 52об.–53.

¹⁰ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 87.

¹¹ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 87. Л. 100–100об.

содержанием на хлебе и воде применялось в основном в отношении военнослужащих в низших званиях¹². Однако в конце XVIII в. практика применения норм Артикулов воинских в отношении гражданских служащих, и вообще при вынесении приговоров по уголовным делам, была делом обычным.

Решением Палаты уголовного суда Сухоиванов был лишен чина и записан в копиисты («на штатскую должность»), что означало не только понижение социального статуса, но и значительное уменьшение служебного жалования¹³. Тем не менее Сухоиванов избежал более сурового наказания, например плетьюми или даже каторжных работ, которое в исключительных случаях применялось и к служащим судебных органов. Очевидно желание руководства суда и губернской администрации сохранять кадры грамотных работников, на которых держалось «тяжеловесное» делопроизводство присутственных мест. С.Б. Лугвин отмечает, что особенно губернные реформы Екатерины II создали дефицит канцелярских кадров на местах. Именно в это время наметился рост численности представителей непривилегированных слоев населения на гражданской службе¹⁴. Однако государство на тот момент не ставило задачу целенаправленной подготовки кадров. Большинство мелких чиновников, канцелярских служащих имели домашнее образование¹⁵. Зависимость данного слоя государственных служащих от жалования была еще более очевидной в силу отсутствия других официальных источников доходов. Низкие жалования, особенно младшим чинам, как говорилось выше, были одной из причин распространенности должностных престу-

плений. Но даже в случае нанесения ущерба финансовым интересам государства чиновник не всегда лишался своего рабочего места.

В уголовном деле канцеляриста Старорусской воеводской канцелярии Калины Гаранчарова (1778 г.), обвиненного в растрате казенных денег, содержится официальное предложение губернатора Якова Сиверса в отношении возможного наказания: «...ежели пригоден будет, записать в солдаты»¹⁶. А.М. Егоров упоминает, что попытка упорядочения практики рекрутирования арестантов была сделана в 1827 г.¹⁷ Очевидно, что в конце XVIII в. у губернских властей было значительно больше правомочий в решении данных вопросов. Однако окончательное определение Палаты уголовного суда гласило: «Лишить канцелярского чина, наказать плетьюми и записать в копиисты на три года»¹⁸.

Возвращаясь к вопросу о применении к государственным служащим наказаний в соответствии с воинским законодательством, стоит привести пример приговора 1789 г. Палаты уголовного суда по делу казначея Белозерского уезда губернского секретаря Ивана Горшкова, обвиненного в «в упущении им по его должности, утрате казенных денег». Среди эпизодов преступной деятельности Горшкова числилось, например, утаивание денежных сумм, поступавших от соляных сборов и вотчинных платежей. Так, из принятых по описи от соляного пристава секунд-майора Родиона Агибалова за проданную соль 714 руб. 87 коп. ревизоры выявили недостачу в 343 руб. 87 коп. Проверка платежей вотчины помещика Александра Плюева показала наличие в кассе лишь половины годового сбора — 15 руб. 86 коп.¹⁹ Е.В. Теряева, анализирующая должностные преступления чиновничества Орловской губернии, отмечает, что важным источником нелегальных доходов чиновничества были приношения откупщиков питейных сборов²⁰.

¹² Сатанова Л.М. Виды наказаний по законодательным актам периода правления царя Петра Великого // История государства и права. 2018. № 2. С. 20.

¹³ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 87. Л. 140–141.

¹⁴ Лугвин С.Б. Процессы рационально-бюрократической модернизации российского чиновничества в конце XVIII — начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. 2016. № 15 (236). С. 174.

¹⁵ Гусаров Ю.В. Об уровне образования чиновничества Чувашии в XVIII — первой половине XIX века // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 55.

¹⁶ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 62. Л. 624.

¹⁷ Егоров А.М. Рекрутская повинность как альтернатива уголовному наказанию в период правления императора Николая I // История государства и права. 2017. № 2. С. 41.

¹⁸ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 62. Л. 621.

¹⁹ ГАНО. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1314. Л. 1.

²⁰ Теряева Е.В. Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII —

В материалах дела Горшкова содержатся допросные листы соляного пристава, приходно-расходные ведомости и прочие материалы многочисленных проверок, из которых следует, что речь идет не только о подношениях. Очевидно, что казначей утаил часть денежных сборов.

Определение Палаты уголовного суда по делу Горшкова вынесено на основании «Морского Устава I Книги I Главы, I-го Адмиралтейского Регламента 4 Главы, 2-й Полковничьей Инструкции, составленной в 1764 г., 2-го пункта Казначейских наставлений, изданных в 1782 г. 90 статьи»²¹. Следует оговориться, что, несмотря на пространное определение, «внятного» приговора в деле нет. В качестве наказания значится только лишение чина. Уверенно судить о содержании приговора по сохранившимся до наших дней материалам уголовного дела нет возможности. Впрочем, велика вероятность, что губернский секретарь Горшков не понес другого наказания, помимо лишения чина.

В.В. Кирюхин и С.И. Зимин, оценивая ситуацию с должностными преступлениями в «высшем эшелоне власти» при Петре I, характеризуют ее как результат политики «двойных стандартов»²². С одной стороны, активное расследование громких преступлений, с другой стороны, лояльность императора к высшим сановникам, — все это на провинциальном уровне копировалось местной администрацией. Жестко на-

казывались в основном должностные лица низших классов чинов, преступные действия которых не курировались высшим начальством. Так, в 1782 г. по делу секретаря Казенной палаты Департамента рекрутского приема Ильи Халафова, уличенного в преступном сговоре с крестьянином деревни Переходня Грузинского погоста и составлении от имени Государственной военной палаты ложной зачетной квитанции («за подписями и печатью») о записи в рекруты двух беглых крестьян, приговор оказался несравнимо более суровым. Халафов избежал наказания плетью, но был отправлен «в галерную работу по 34 Главе Регламента»²³.

Практика применения мер ответственности к должностным лицам XVIII в. в российской провинции определялась рядом факторов: не развитым на тот момент законодательством; сословной принадлежностью и положением в иерархии губернского управления; личными «связями» с местной администрацией и т.д. Государственный механизм в полной мере не избавился от признаков «удельности» на местах. Губернские чиновники больше ориентировались на распоряжения непосредственного начальства, чем на законодательство, которое лишь формально цитировалось в судебных приговорах. Со стороны центральной власти была очевидна декларативность намерений построения эффективной системы управления. Результат невнятной государственной политики проявлялся в формализме и архаизме функционирования местной бюрократии, что создавало «благодатную почву» для распространенности должностных преступлений.

первой половине XIX в. (по материалам Орловской губернии) // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 2 (70). С. 129.

²¹ ГАНУ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 1314. Л. 126.

²² Кирюхин В.В., Зимин С.И. Об отдельных организационно-правовых мерах по противодействию коррупции в Российском государстве в XV–XVIII веках // История государства и права. 2019. № 1. С. 21–22.

²³ ГАНУ. Ф. 537. Оп. 2. Д. 448. Л. 1–2, 87, 120, 153.

Литература

1. Ваганов А.М. Модернизация правовых основ российской государственной бюрократии (XVIII–XIX вв.) / А.М. Ваганов // История государства и права. 2017. № 3. С. 50–54.
2. Гусаров Ю.В. Об уровне образования чиновничества Чувашии в XVIII — первой половине XIX века / Ю.В. Гусаров // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 49–59.
3. Егоров А.М. Рекрутская повинность как альтернатива уголовному наказанию в период правления императора Николая I / А.М. Егоров // История государства и права. 2017. № 2. С. 40–43.

4. Истомина Т.А. Материальное обеспечение государственных служащих в период зарождения и становления государственной службы в России: от системы кормлений к денежному содержанию / Т.А. Истомина // Вестник Военного университета. 2010. № 4 (24). С. 134–137.
5. Кирюхин В.В. Об отдельных организационно-правовых мерах по противодействию коррупции в Российском государстве в XV–XVIII веках / В.В. Кирюхин, С.И. Зимин // История государства и права. 2019. № 1. С. 17–23.
6. Лугвин С.Б. Процессы рационально-бюрократической модернизации российского чиновничества в конце XVIII — начале XX вв. / С.Б. Лугвин // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2016. № 15 (236). С. 172–177.
7. Сатанова Л.М. Виды наказаний по законодательным актам периода правления царя Петра Великого / Л.М. Сатанова // История государства и права. 2018. № 2. С. 18–22.
8. Теряева Е.В. Должностные злоупотребления провинциального чиновничества в конце XVIII — первой половине XIX в. (по материалам Орловской губернии) / Е.В. Теряева // Вестник Тамбовского университета. 2009. № 2 (70). С. 127–134.

References

1. Vaganov A.M. Modernizatsiya pravovy'kh osnov rossiyskoy gosudarstvennoy byurokratii (XVIII–XIX vv.) [Modernization of Legal Bases of Russian State Bureaucracy (the XVIII to the XIX Century)] / A.M. Vaganov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 3. S. 50–54.
2. Gusarov Yu.V. Ob urovne obrazovaniya chinovnichestva Chuvashii v XVIII — pervoy polovine XIX veka [On the Level of Education of Chuvash Officials in the XVIII to the First Half of the XIX Century] / Yu.V. Gusarov // Vestnik Chuvashskogo universiteta — Bulletin of the Chuvash University. 2015. № 4. S. 49–59.
3. Egorov A.M. Rekrutskaya povinnost kak alternativa ugolovnomu nakazaniyu v period pravleniya imperatora Nikolaya I [Recruiting Duty as an Alternative to Criminal Punishment During the Reign of Emperor Nikolai I] / A.M. Egorov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 2. S. 40–43.
4. Istomina T.A. Materialnoe obespechenie gosudarstvenny'kh sluzhaschikh v period zarozhdeniya i stanovleniya gosudarstvennoy sluzhby' v Rossii: ot sistemy' kormleniy k denezhnomu sodержaniyu [Financial Support of State Servants During the Origination and Establishment of State Service in Russia: From the Kormlenie System to the Monetary Support] / T.A. Istomina // Vestnik Voennogo universiteta — Bulletin of the Military University. 2010. № 4 (24). S. 134–137.
5. Kiryukhin V.V. Ob otdelny'kh organizatsionno-pravovy'kh merakh po protivodeystviyu korruptsii v Rossiyskom gosudarstve v XV–XVIII vekakh [On Some Organization Law Measures of Combating Corruption in the Russian State in the XV to the XVIII Century] / V.V. Kiryukhin, S.I. Zimin // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2019. № 1. S. 17–23.
6. Lugvin S.B. Protsessy' ratsionalno-byurokraticheskoy modernizatsii rossiyskogo chinovnichestva v kontse XVIII — nachale XX vv. [Processes of Reasonable Bureaucratic Modernization of Russian Officials in the Late XVIII to the Early XX Century] / S.B. Lugvin // Nauchny'e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya — Scientific News of the Belgorod State University. Series: History. Political Studies. 2016. № 15 (236). S. 172–177.
7. Satanova L.M. Vidy' nakazaniy po zakonodatelny'm aktam perioda pravleniya tsarya Petra Velikogo [Types of Punishments Under Legal Acts of the Period of Reign of Tsar Peter the Great] / L.M. Satanova // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 2. S. 18–22.
8. Teryaeva E.V. Dolzhnostny'e zloupotrebleniya provintsialnogo chinovnichestva v kontse XVIII — pervoy polovine XIX v. (po materialam Orlovskoy gubernii) [Abuse of Office by Provincial Officials in the Late XVIII to the First Half of the XIX Century (Based on Files of the Orel Governorate)] / E.V. Teryaeva // Vestnik Tambovskogo universiteta — Bulletin of the Tambov University. 2009. № 2 (70). S. 127–134.

Проблема османского сюзеренитета над Черкесией: характер вассальной связи

Дзыбова Саида Гиссовна,
заведующая кафедрой административного и конституционного права
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент
dzibova.s@mail.ru

Шаов Ибрагим Капланович,
доцент кафедры административного и конституционного права
Адыгейского государственного университета,
кандидат юридических наук
shaov@mail.ru

В османской имперской системе широко использовался принцип вассальной связи с завоеванными и подконтрольными землями. Вассально-сюзеренный характер отношений с пограничными государствами был заложен в раннеосманский период, когда османские султаны постепенно покоряли своей власти постсельджукские и туркменские эмираты Анатолии. Османский режим здесь носил дистанцированный и опосредованный характер, поскольку местные тюркские, мусульманские династии сохраняли значительную часть прежних владений и имели право почти безраздельного управления в наследственных владениях. Таким образом, вассалитетный принцип происходил из внутренней организации Османского государства и одновременно отражал насущную политическую необходимость кооптировать многочисленные региональные (тюркские, но не османские; нетюркские) элиты. Политико-юридическая связь черкесских государствовидных образований («княжеств», «владений», «обществ», «племен») с государством Османов восходит к последней трети XV в.

Ключевые слова: Османская империя, сюзерен, вассал, княжество, Черкесия.

The Issue of Ottoman Suzerainty over Cirkassia: The Character of the Vassal Relationship

Dzybova Saida G.
Head of the Department of Administrative and Constitutional Law
of the Adyghe State University
PhD (Law), Associate Professor

Shaov Ibragim K.
Associate Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law
of the Adyghe State University
PhD (Law)

In the Ottoman imperial system, the principle of vassal connection with the conquered and controlled lands was widely used. The vassal-overlord character of relations with the border states was laid in the early Ottoman period, when the Ottoman sultans gradually conquered the post-Seljuk and Turkmen emirates of Anatolia. The Ottoman regime here was distanced and mediated in nature, since the local Turkic and Muslim dynasties retained a significant part of their former possessions and had the right of almost unchallenged administration in hereditary possessions. Thus, the vassal principle came from the internal organization of the Ottoman state and at the same time reflected the urgent political need to co-opt numerous regional (Turkic, but not Ottoman; non-Turkic) elites. The political and legal connection of the Circassian state-like formations (“principalities”, “possessions”, “societies”, “tribes”) with the Ottoman state dates back to the last third of the XV century.

Keywords: Ottoman Empire, suzerainty, vassal, principality, Circassia.

Инкорпорация Кавказа в Российскую империю (далее — РИ) в научной исторической литературе рассматрива-

лась как преимущественно двусторонний (российско-кавказский) процесс. При этом производилось очевидное раз-

деление данного процесса на преимущественно «добровольное» и мирное включение Грузии и преимущественно военно-колониционное присоединение Северного Кавказа. Османская империя (далее — ОИ) рассматривалась как деструктивная историческая сила, препятствующая прогрессу народов Кавказа и их соединению с РИ. Юридические права ОИ на Кавказ (не весь, но его значительную часть), как правило, вовсе не принимаются во внимание. И это при том что Северный Кавказ вошел в состав РИ на основе значительно большего числа двусторонних трактатов, заключенных между РИ и ОИ на протяжении 1739–1829 гг. Статус территорий Южного Кавказа определялся также на основе двусторонних трактатов РИ с Ираном и ОИ.

Ценностный метод анализа, примененный к существующей по данной проблематике литературе, показывает ее зависимость от политических и идеологических концептов. Идеологически обусловленный подход обрекает исследователей на повторение сложившихся штампов об аннексии и оккупации со стороны РИ, «добровольном присоединении» к РИ, османско-крымском «угнетении» и т.п.

Юридический инструментальный анализа не предполагает приобщения к таким плакатным концептам. Предположим, что османский суверенитет распространялся не только на Анапу, но на всю территорию Черкесии (в период до Кючук-Кайнарджи, 1774 г.). Соответственно, поэтапная передача Портой своих территорий в Черкесии (сначала обеих Кабард в 1774 г., затем Западной Черкесии в 1829 г. по условиям Адрианопольского договора) исключает постановку вопроса об аннексии или самопроизвольном военном захвате Черкесии со стороны РИ. Речь может идти об установлении преимущественно военными методами режима российской власти с ее институтами и правовыми нормами на сопротивляющихся этому процессу адыгских, абазинских,

убыхских территориях. С международной-правовой точки зрения легитимность инкорпорации данных территорий в состав РИ не вызывает сомнений.

Соответственно, особую актуальность имеет проблема османской юрисдикции над Кавказом. Прояснение ареала, хронологии, конкретных форм, в которых осуществлялась юридическая связь кавказских территорий с ОИ, составляет цель предпринятого исследования.

Каким был политический облик Северного Кавказа около 1700 г., когда османское господство казалось незыблемым? Во-первых, в этот период большая часть Северного Кавказа пребывала под той или иной степенью крымского военно-политического и юридического контроля. В том числе и Кабардинское феодальное владение (фактически совокупность владений при существовавшем институте *вали*¹ — каб. *уэлий*). Обычно под сильным влиянием идеологических воззрений в существующих работах отрицается вхождение Кабарды в правовое поле Крымского ханства (далее — КХ), зависимость от ханской власти объявляется ничтожной, эфемерной, юридически незначимой.

Шаблонное представление о независимом статусе Кабарды сочетается также с представлением о российском подданстве этой территории начиная с 1557 г. В работе Е.И. Дружининой это получило оригинальное и противоречивое освещение, при котором автор признает юридическую зависимость и связь Осетии с Кабардой («Осетинские земли, зависевшие от кабардинских феодалов и в силу этого признанные владением России»)², но при этом полностью

¹ Вали — начальник области, называемой вилайет. Вилайет: 1) область, округ, территория вообще; 2) административная единица, введенная в Османской империи в XIX в. вместо эялета. См.: Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. Документы и материалы. М., 1963.

² Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. Приложение: Карта территориальных изменений по Кючук-Кайнарджийскому миру.

отрицает такую связь Кабарды с КХ и ОИ до 1739 г. (когда по условиям Белградского мира Большая и Малая Кабарды были признаны независимыми от РИ и ОИ территориями). Исследователь входит в явное противоречие со своими же выводами, когда констатирует: «В результате успешной войны русское правительство смогло *юридически закрепить* задолго до того совершившееся присоединение Кабарды к России, а также включить в пределы государства Осетию, тяготевшую к русскому народу»³.

Признание сюзеренитета Османов. Османское подданство черкесов, абазин и других народов Северного Кавказа обозначилось как юридически значимая проблема в последней трети XVIII в. в связи с обострением внешнеполитических противоречий в регионе. Один из ведущих специалистов по истории Османской империи и кодификатор османского права Джевдет-паша, со слов черкесских послов, сообщал: «Как кабартайцы, так и другие черкесские племена, старшие слуги высокой монархии, до самых дней султана Баязида, служили ему, как конное войско, в мире и войне»⁴.

Данный источник выглядит как результат запроса на османскую поддержку со стороны черкесской владельческой элиты в условиях успешной российской экспансии. Черкесские послы сознательно могли преувеличивать давность и прочность вассальных уз, соединявших их княжества с османами. Но следует признать, что в общих чертах эти данные соответствуют сведениям о политическом состоянии Черкесии последней трети XV в. В 1479 г. османский флот под командованием Гедик Ахмед-паши в «стране черкесов» захватил Анапу, Копу (Темрюк) и, согласно современному источнику, «опустошил находящиеся на

побережье области»⁵. Османский административный аппарат был внедрен на Таманском полуострове к 1502 г.: здесь находился военно-полицейский чиновник *субаши*⁶ и мусульманский судья *кади*⁷, на которого были возложены административно-судебные функции⁸.

Таманский полуостров («Шахский остров») был подчинен в административном отношении санджакбею Кефе (Кефе — османское наименование бывшей италийской колонии Кафа). Турецкая провинция именовалась *санджаком* (основное турецкое значение «знамя») в связи с тем, что на вновь подчиненной территории водружалось османское, султанское знамя, символ суверенитета. В XVI в. шел процесс укрупнения османских провинций и стали возникать так называемые *бейлербейства* (бейлербейлики) с бейлербеями («бей над беями») во главе. В 1568 г. кафинский санджак был преобразован в бейлербейлик. С 1590-х гг. бейлербейлики стали именоваться *эялетами*. К 1610 г. в империи насчитывалось 32 эялета⁹. Стратегическое значение Кафинского эялета выразилось в том, что здесь находились значительные контингенты войск, а все земли считались султанской собственностью (*хасс*) и управлялись казной¹⁰.

Черкесские территории, находившиеся в двойном подчинении (ханском и султанском), определялись как вилайет.

³ Там же. С. 4.

⁴ Джевдет-паша. История Турции. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к оттоманской империи от 1192 года по 1202 год хиджры (1775–1784 гг.) // Русский архив : в 156 кн. М., 1888. Кн. 3. С. 373–374.

⁵ Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.). М., 1990. С. 52.

⁶ Субаши — чиновник, осуществлявший обязанности начальника полиции в городах.

⁷ Кадий — судья. Обычно стоял во главе административно-судебного округа, называвшегося каза, где он осуществлял судопроизводство, следил за выполнением предписаний верховной власти местными чиновниками.

⁸ Карпов Г.Ф. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией // Сборник императорского русского исторического общества. Т. 41. 1884. С. 408.

⁹ Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600. London : Phoenix, 2000. P. 105–106.

¹⁰ Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв. С. 95.

Так, в 1582 г. Ибрахим Эфенди Печеви упоминает область Кемрюк (Темиргой) в Черкесском вилайете¹¹. Наряду с этим определением Черкесии как османской провинции, в османской этнополитической номенклатуре терминов существовали такие определения, как *мемлекет-и черкес* «государство черкесов», *черкес-эли* «владение черкесов»¹².

Э. Челеби в 1666 г. подчеркивал «подчиненность беев черкесских государств» османскому бейлербею в Кефе: когда «род Османов идет в поход, они идут в поход с кефинским пашой»¹³. Карта османских владений, составленная Абу-бекиром Эфенди до 1691 г. и опубликованная в итальянском переводе в 1732 г., отражает административное деление Северо-Западного Кавказа: ногайско-татарский вилайет, черкесский вилайет, абазский вилайет, менгрельский вилайет. Османские крепости Азак и Таман указаны с прилегающими к ним районами, что выделяет зоны прямой юрисдикции¹⁴.

Подданство черкесов ОИ не означает, что отношения носили исключительно мирный характер или то, что черкесы не стремились пересмотреть их в свою пользу. Наиболее известный пример вооруженного противостояния с войсками сюзеренов — Канжальская битва 1708 г., в ходе которой кабардинские князья и их горские вассалы (дигорцы, балкарцы, карачаевцы) нанесли сильное поражение османско-крымскому экспедиционному корпусу. Но, даже одержав победу, кабардинцы продолжали считаться подданными султана. Российский посол в Стамбуле П.А. Толстой отмечал в ноябре 1708 г.: «Обаче (О том. — *С.Д., И.Ш.*), что намерена Порта чинить в наступаю-

щую весну с *подданными своими черкесами* еще не слышится, но мнится мне, что сея зимы оные черкесы попекутся примириться с Портою, чего и Порта, чаю, не отречется»¹⁵.

Османское подданство кабардинцев зафиксировано Петром I в его грамоте от 4 марта 1711 г., адресованной кабардинским владельцам и «всему народу»: «Доносил нам, великому государю, брат ваш Александр, который в службе нашей обретается, что вы имеете желание под нашу, царского величества, высокодержавною руку поддаться и тем себя и подданных ваших ис под ига турецкого и хана крымского свободити»¹⁶.

Признание османской сюзеренитета со стороны кабардинских князей автоматически распространялось на все население Кабарды — не только адыгское, но и горское (осетинское, ингушское, балкарское, карачаевское, абазинское). По этой причине внешнеполитические инициативы владельческой элиты доводились на специальных собраниях до горской знати. «И как тот Ваш посол к нам доехал, — сообщали кабардинские князья Петру в 1711 г., — и в то число собрали мы *горских черкес* и иных, которые под овладением нашим, и от вашего величества посланный лист прочли». Русское определение «горские черкасы», по всей видимости, маркировало вольные общества Западной Черкесии (натухайцы, шапсуги, абадзехи). В крымско-татарских документах употреблялся аналог этого определения: *тау-тураклай черкес* «горные черкесы»¹⁷.

Характер вассальной связи. В османской имперской системе широко использовался принцип вассальной связи с завоеванными и подконтрольными землями. Это были, по определению Х. Иналджика, автономные провинции

¹¹ Эфенди Печеви И. История / пер. и примеч. З.М. Буниятова. Баку, 1988. С. 52–53.

¹² Kızıoğlu M.F. Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590). Ankara, 1998. S. 59, 78.

¹³ Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. Симферополь, 2008. С. 174–175.

¹⁴ Mappa Dell'Impero Ottomano. Composta da Abubekir Efendi. Paris // РГБ. Отдел картографии. Ку 43/ IX–21.

¹⁵ Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века: исследования и материалы. Нальчик, 2008. С. 338.

¹⁶ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: в 2 т. М., 1957. Т. 2. С. 3.

¹⁷ Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова. Симферополь, 2018. С. 783.

двух видов: 1) христианские вассальные княжества: Молдавия, Валахия, Трансильвания, Дубровник, Западная Грузия (Имеретия, османское наименование Ачикбаш или Башачук), Черкесия и в XVII столетии казачье гетманство (Гетманщина); 2) суверенные мусульманские владения: Крымское ханство, шерифат Мекки и некоторое время Гилян, Триполи, Тунис, Алжир¹⁸. Вассально-сюзеренный характер отношений с пограничными государствами был заложен в раннеосманский период, когда османские султаны постепенно покоряли своей власти постсельджукские и туркменские эмираты Анатолии. Османский режим здесь носил дистанцированный и опосредованный характер, поскольку местные тюркские, мусульманские династии сохраняли значительную часть прежних владений и имели право почти безраздельного управления в наследственных владениях. Таким образом, османские провинции-санджаки на территории Восточной Анатолии были, по сути, вассальными государствами¹⁹.

В провинциях, полностью структурированных по османскому административному стандарту, водилась тимарная (ленная) система. В вассальных и хукümetных территориях тимары не раздавались. Но даже при внедрении тимаров местная знать не только сохраняла

свои позиции, но могла пользоваться налоговым иммунитетом. Согласно Канун-наме султана Сулеймана I тимары подразделялись на два типа: свободные и несвободные. В частности, поместья балканских войнуков в отношении иммунитетных налогов (рюсум-и сербестийе) являлись «независимыми»²⁰.

«Сосредоточение публичной власти в руках султана, — отмечает В.В. Шишков, — не привело к полной централизации управления, которое перепоручается феодальным правителям и правителям автономий. Инкорпорация и установление имперского доминирования в формате, близком к отношениям „сюзерен — вассал“, были двумя основными способами подчинения периферии»²¹. Таким образом, вассалитетный принцип происходил из внутренней организации Османского государства и одновременно отражал насущную политическую необходимость кооптировать многочисленные региональные (тюркские, но не османские; нетюркские) элиты.

¹⁸ Inalcik H. *Op. cit.* P. 106.

¹⁹ *Ibid.* P. 106.

²⁰ Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. С. 36–37. Рюсум-и сербестийе — «иммунитетные налоги» — налоги в «свободных тимарах», т.е. пользующихся иммунитетными правами, в которых все налоги поступали только в распоряжение землевладельца, без выделения доли в казну, бейлербею или санджакбею.

²¹ Шишков В.В. Османская империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации // Социум и власть. 2012. № 3 (38). С. 111.

Литература

1. Аграрный строй Османской империи XV—XVII вв. Документы и материалы / составление, перевод и комментарии А.С. Тверитиновой. Москва : Издательство Восточной литературы, 1963. 224 с.
2. Джебдет-паша. История Турции. Описание событий в Грузии и Черкесии по отношению к оттоманской империи от 1192 года по 1202 год хиджры (1775–1784 гг.) / Джебдет-паша // Русский архив. В 156 книгах. Кн. 3. Москва : Университетская тип., 1888. С. 369–392.
3. Документы Крымского ханства из собрания Хусейна Фейзханова / составитель и транслитор Р.Р. Абдужемилев ; научный редактор И. Миргалеев. Симферополь : Константа, 2018. 816 с.
4. Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение) / Е.И. Дружинина. Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. 368 с.

5. Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века : исследования и материалы / под редакцией Б.Х. Бгажнокова. Нальчик : Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. 496 с.
6. Карпов Г.Ф. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Нагайской Ордами и с Турцией / Г.Ф. Карпов // Сборник императорского русского исторического общества. В 148 томах. Т. 41. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными / напечатано под наблюдением Г.Ф. Карпова. Санкт-Петербург : Тип. Ф. Елеонского, 1884. 558 с.
7. Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. : в 2 томах. Т. 2. Москва : Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
8. Некрасов А.М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV — первая половина XVI в.) / А.М. Некрасов. Москва : Наука, 1990. 125 с.
9. Челеби Э. Книга путешествия. Крым и сопредельные области / Э. Челеби. Симферополь : Доля, 2008. 272 с.
10. Шишков В.В. Османская империя: от завоевания и интеграции периферий к попыткам модернизации / В.В. Шишков // Социум и власть. 2012. № 3 (38). С. 111–115.
11. Эфенди Печеви И. История / И. Эфенди Печеви ; перевод и примечания З.М. Буниятова. Баку : Элм, 1988. 98 с.
12. Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300–1600 / H. Inalcik. London : Phoenix, 2000. 258 p.
13. Kırzioğlu M.F. Osmanlılar'ın Kafkas–Elleri'ni Fethi (1451–1590) / M.F. Kırzioğlu. Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. 552 p.

References

1. Agrarny'y stroy Osmanskoy imperii XV—XVII vv. Dokumenty' i materialy' ; sostavlenie, perevod i kommentarii A.S. Tveritinovoy [The Agrarian Structure of the Ottoman Empire in the XV to the XVII Century. Documents and Files ; compiled, translated and commented by A.S. Tveritina]. Moskva : Izdatelstvo Vostochnoy literatury' — Moscow : Publishing House of Oriental Literature, 1963. 224 s.
2. Cevdet Pasha. Istoriya Turtsii. Opisaniye soby'tiy v Gruzii i Cherkessii po otnosheniyu k ottomanskoy imperii ot 1192 goda po 1202 god khidzhry' (1775–1784 gg.) [The Turkish History. A Description of Events in Georgia and Circassia in Relation to the Ottoman Empire from 1192 to 1202 Hijra (1775 to 1784)] / Cevdet Pasha // Russkiy arkhiv. V 156 knigakh. Kn. 3 [Russian Archive. In 156 books. Book 3]. Moskva : Universitetskaya tip. — Moscow : University Printing Office, 1888. S. 369–392.
3. Dokumenty' Kry'mskogo khanstva iz sobraniya Khuseyna Feyzkhanova ; sostavitel' i translitor R.R. Abduzhemilev ; nauchny'y redaktor I. Mirgaleev [Documents of the Crimean Khanate from the Khuseyn Feyzkhanov's Collection ; compiled and translated by R.R. Abduzhemilev ; scientific editor I. Mirgaleev]. Simferopol : Konstanta — Simferopol : Konstanta, 2018. 816 s.
4. Druzhinina E.I. Kyuchuk-Kaynardzhiyskiy mir 1774 goda (ego podgotovka i zaklyuchenie) [The Treaty of Küçük Kaynarc of 1774 (Preparation and Conclusion)] / E.I. Druzhinina. Moskva : Izdatelstvo Akademii nauk SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1955. 368 s.
5. Kanzhalskaya bitva i politicheskaya istoriya Kabardy' pervoy poloviny' XVIII veka : issledovaniya i materialy' ; pod redaktsiyey B.Kh. Bgazhnokova [The Battle of Kanzhal and the Political History of Kabardia in the First Half of the XVIII Century : Research

- and Files ; edited by B.Kh. Bgazhnokov]. Nalchik : Izd-vo M. i V. Kotlyarovy'kh — Nalchik : Publishing House of M. and V. Kotlyarovy, 2008. 496 s.
6. Karpov G.F. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy Moskovskogo gosudarstva s Kry'mskoy i Nagayskoy Ordami i s Turtsiyei [Monuments of Diplomatic Relations Between the Moscow State and the Crimean Khanate, the Nogai Horde and Turkey] / G.F. Karpov // Sbornik imperatorskogo russkogo istoricheskogo obschestva. V 148 tomakh. T. 41. Pamyatniki diplomaticheskikh snosheniy drevney Rossii s derzhavami inostranny'mi ; napechatano pod nablyudeniem G.F. Karpova [Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 volumes. Vol. 41. Monuments of Diplomatic Relations Between Ancient Russia and Foreign States ; published under the supervision of G.F. Karpov]. Sankt-Peterburg : Tip. F. Eleonskago — Saint Petersburg : F. Eleonskiy's printing office, 1884. 558 s.
 7. Kabardino-russkie otnosheniya v XVI—XVIII vv. V 2 tomakh. T. 2 [Kabardino-Russian Relations in the XVI to the XVII Century. In 2 volumes. Vol. 2]. Moskva : Izd-vo AN SSSR — Moscow : Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1957. 424 s.
 8. Nekrasov A.M. Mezhdunarodny'e otnosheniya i narody' Zapadnogo Kavkaza (poslednyaya chetvert XV — pervaya polovina XVI v.) [International Relations and Peoples of the Western Caucasus (the Last Quarter of the XV to the First Half of the XVI Century)] / A.M. Nekrasov. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1990. 125 s.
 9. Çelebi E. Kniga puteshestviya. Kry'm i sopredelny'e oblasti [Book of Travel. Crimea and Adjacent Regions] / E. Çelebi. Simferopol : Dolya — Simferopol : Dolya, 2008. 272 s.
 10. Shishkov V.V. Osmanskaya imperiya: ot zavoevaniya i integratsii periferiy k popy'tkam modernizatsii [The Ottoman Empire: From Conquest and Integration of Peripheries to Attempts at Modernization] / V.V. Shishkov // Sotsium i vlast — Society and Power. 2012. № 3 (38). S. 111—115.
 11. Efendi Peçevi I. Istoriya ; perevod i primechaniya Z.M. Bunyatova [History ; translation and commentaries by Z.M. Bunyatov] / I. Efendi Peçevi. Baku : Elm — Baku : Elm, 1988. 98 s.
 12. Inalcik H. The Ottoman Empire. The Classical Age 1300—1600 / H. Inalcik. London : Phoenix, 2000. 258 s.
 13. Kırzioğlu M.F. Osmanlılar'ın Kafkas—Elleri'ni Fethi (1451—1590) / M.F. Kırzioğlu. Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1998. 552 s.

Сообщаем о возможности присвоения DOI ранее опубликованным или планируемым к публикации статьям в наших журналах!
По всем вопросам, связанным с присвоением DOI вашим статьям, просим обращаться по адресу электронной почты: ig@lawinfo.ru, с пометкой «DOI для статьи».

Атрибут и модус правоограничения

Латынин Олег Анатольевич,
доцент кафедры гражданского и арбитражного судопроизводства
Крымского филиала Российского государственного университета правосудия,
председатель Арбитражного суда Республики Крым,
кандидат юридических наук, доцент
info@crimea.arbitr.ru

В статье предпринята попытка обосновать характеристику правоограничений в двух взаимозависимых аспектах — атрибута и модуса. Показано, что атрибут является идентификационным признаком, а модусы — признаками ситуативного значения. Выявлены элементы атрибуции правоограничения как юридического инструмента, необходимого для поиска правовых решений.

Ключевые слова: правоограничения, атрибут правоограничения, модус правоограничения, методология, юридическая действительность.

The Attribute and Mode of Right Restriction

Latynin Oleg A.
Associate Professor of the Department of Civil and Arbitration Proceedings
of the Crimean Branch of the Russian State University of Justice
Presiding Judge of the Commercial Court of the Republic of Crimea
PhD (Law), Associate Professor

The article attempts to substantiate the characterization of legal restrictions in two interdependent aspects — attribute and mode. It is shown that the attribute is an identification sign, and modes are signs of a situational value. The elements of attribution of legal restriction as a legal tool necessary for the search for legal solutions are revealed.

Keywords: legal restrictions, legal restrictions attribute, legal restrictions modus, methodology, legal validity.

Термины «атрибут» и «модус», заимствованные из философского дискурса, были введены в юридический научный тезаурус С.В. Сарбашем, справедливо полагающим, что «не совсем привычные для юриста термины» необходимы в правоповедении, если позволяют достичь предметной точности и смысловой определенности, когда соответствующая юридическая терминология не выработана¹.

Под атрибутом (лат. *attributio* — свойство) понимается качество, признак какого-либо объекта, достаточный для его идентификации и необходимый для его существования. Любая разница, созданная какими угодно отличиями, создает вариативность объекта, тогда как атрибут остается его инвариантом, некой константой².

Необходимое следствие атрибутов — модусы (лат. *modus* — образ, вид), то есть такие отдельные состояния, способы бытия объектов, их единичные проявления, которые вносят различные оттенки, акцентируют ту или иную сторону объектов. Например, модусами мышления Рене Декарт считал порядок, число и длительность, а Бенедикт Спиноза — интеллект и волю.

«Наука, — как утверждал Г.В.Ф. Гегель, — состоит в том, что ткутся мнения из мнений»³. Руководствуясь этим бесспорным тезисом, для уяснения атрибута и модусов правоограничения обратимся к известным в юридической литературе дефинициям, теоретическим

¹ Сарбаш С.В. Общее учение об исполнении договорных обязательств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

² Новая философская энциклопедия. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/>

HASH01fe1310925a9eb1a12b1bfd (дата обращения: 15.10.2020).

³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии (Наука об истине) // Философия : хрестоматия / сост. В.Б. Рожковский, Д.Л. Устименко. Ростов н/Д, 2009.

положениям и аргументам, обоснованным теоретиками права, а также представителями отраслевых юридических наук.

Согласно буквальному словарному толкованию, ограничение — это уменьшение по размеру, количеству, времени, охвату; удержание в известных границах, рамках, определенных какими-нибудь условиями.

Такое смысловое содержание в целом согласуется с общим представлением правоограничений как специального юридического явления. Не задаваясь целью выполнить исчерпывающий тематический обзор, рассмотрим некоторые из релевантных позиций, способствующих уяснению точного смысла, интересующего нас понятия правоограничения, а также его конститутивных признаков.

Ю.Н. Андреев обосновывает следующую дефиницию: «Ограничение прав — это установление границ (пределов) их реализации и осуществления, предусмотренных законом в публичных и частных интересах, сдерживающих (стесняющих) полномочия правообладателей с помощью ограничительных мер (запретов, обязываний, приостановления и т.п.) с целью гармоничного сочетания общественных, государственных и частных интересов»⁴.

Ссылаясь на известного философа В.С. Соловьева, полагавшего, что сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, Ю.Н. Андреев утверждает, что «конечной целью ограничений прав является гармоничное сочетание (удовлетворение) индивидуальных и общественных потребностей, интересов, такое урегулирование (ограничение) поведения отдельной личности, которое не позволяло бы нарушать права других участников общественных отношений, интересы общественного порядка»⁵.

По мнению С.С. Алексеева, ограничения связаны с объемом регулирования, то есть с теми границами субъективных прав, которые установлены в результате юридического регулирования посредством сужения дозволений, новых запрещений, дополнительных позитивных обязываний⁶. Следовательно, формами правовых ограничений (правоограничений) могут быть как запреты, так и обязанности.

Поскольку правоограничения всегда приводят к сужению либо лишению субъективного права, их иногда считают относительно самостоятельным способом правового регулирования. Однако более распространенной является противоположная точка зрения: «три кита» в механизме правового регулирования — это дозволения, обязывания и запреты, а правоограничения суть лишь некое их формально-логическое продолжение, своего рода кумулятивный эффект, выразившийся в сужении гарантированной свободы, которое, в свою очередь, может иметь несколько степеней. Самая строгая из них возникает в результате действия обязывания или запрета в виде соответственно юридически установленной несвободы, что в несколько ином ракурсе выглядит как правоограничение «вплоть до нулевой отметки». Если применить дозволение с неким уменьшенным содержанием, то в итоге получим пропорциональное усечение обеспеченной свободы, а под другим взглядом это уже не нулевая, а чуть более высокая отметка по шкале правоограничений⁷.

Понятие «ограничение прав» в трактовке Г.А. Гаджиева соотносимо с понятием «умаление права» следующим образом: «Когда законодатель принимает федеральный закон, ограничивающий права и свободы человека и гражданина

⁴ Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России. СПб. : Юридический центр Пресс, 2011. С. 13.

⁵ Там же.

⁶ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 67.

⁷ Там же ; Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки // Актуальные вопросы советского гражданского права. 1964. № 36. С. 10–51.

в той мере, в какой это необходимо в социально значимых целях, перечисленных в Конституции, имеет место допустимое ограничение прав и свобод. Если же федеральный законодатель путем принятия закона ограничивает права и свободы без учета указанных целей, либо с учетом этих целей, но не в той мере, в какой это необходимо, то есть непропорционально, чрезмерно, то тогда имеет место умаление прав и свобод»⁸.

В общетеоретическом аспекте небезынтересны также суждения о правоограничениях в качестве правовой формы, экстраполируемой на любое субъективное право в силу его предназначения быть маркером баланса, разумного компромисса между интересами отдельных лиц и общества в целом.

Сущность правоограничений заключается в определении содержания субъективного права посредством использования запретов, дозволений и позитивных обязываний. Несмотря на то что правоограничения устанавливаются федеральным законом либо актами органов государственной власти, тем не менее результат установления ограничений не всегда соответствует прогнозируемому, так как зависит от различных факторов объективного и субъективного характера⁹.

Таким образом, Н.П. Попкова пришла к выводу, что «ограничения субъективных гражданских прав — это вводимые актами управомоченных органов государственной власти по основаниям, предусмотренным федеральными законами, запреты, дозволения, позитивные обязанности, направленные на нормативное закрепление различий материального содержания того или иного субъективного права в зависимости от

вида объекта или особенностей юридического статуса правообладателя»¹⁰.

Исследовав правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве, Е.Е. Гревцова формулирует дефиницию правомерных правоограничений как «допустимого международным и/или внутривластным правом вмешательства в права и свободы человека, отвечающие требованиям законности, необходимости, целесообразности и соразмерности преследуемой цели»¹¹.

Названный автор предпринимает также попытку сопоставить понятие правоограничения со смежной категорией пределов осуществления прав и свобод. Пределы осуществления права определяют условия реализации права и не направлены на сужение его объема, тогда как ограничение права представляет собой вмешательство в право, при котором его объем сужается. При этом ограничение прав и свобод является по сути своей установлением пределов, границ осуществления, при выходе за которые возникает нарушение, неправомерное осуществление прав и свобод.

Как отмечает В.А. Лебедев, ограничение прав и свобод — скорее исключение, чем само правило, ибо законодатель и правоприменитель ориентированы на то, чтобы обеспечивать права и свободы личности, но не ущемлять их, поскольку ограничения прав и свобод человека могут иметь как конструктивный, так и деструктивный характер¹².

Правоограничение, по определению Л.Л. Беломестных, есть «законодательно санкционированное (со стороны государства) сужение рамок, границ прав и свобод человека и гражданина, ограничение условий и возможностей последних притязать на определенные блага»¹³.

⁸ Гаджиев Г.А. Основные экономические права: сравнительное исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных стран: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1996.

⁹ Попкова Н.П. Проблема ограничений субъективных гражданских прав: теоретический аспект // Вестник Уральского института экономики, управления и права. Право. Всероссийский научно-аналитический журнал. 2009. № 7. С. 40–47.

¹⁰ Там же.

¹¹ Гревцова Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.

¹² Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 133.

¹³ Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

По мнению А.В. Малько, понятие правовых ограничений обладает весьма многоаспектным содержанием и правовое ограничение «есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условия для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц»¹⁴.

В качестве общих признаков реализации правовых ограничений автор выделяет их связанность с неблагоприятными условиями для осуществления собственных интересов субъекта, выражение как отрицательной правовой мотивации, направленностью на защиту общественных отношений, предполагаемым снижением негативной активности¹⁵.

Полагаем, что упомянутые выше определения, а также толкование признаков, так или иначе отраженных в этих дефинициях, отчетливо указывают на инструментальное понимание правоограничений, выводящее данную категорию в сферу неотъемлемой динамики правового порядка — реального юридического урегулирования и правового развития социальной материи.

В итоге обобщения правовых позиций Конституционного Суда РФ в части условий правомерности правоограничений В.А. Лебедев пришел к выводу, что в качестве конституционных принципов ограничения прав могут быть поименованы следующие положения, сформулированные в результате системного конституционного истолкования норм права:

— ограничения прав и свобод должны быть соразмерны защищаемым Конституцией РФ и законами ценностям правового государства, должны отвечать требованиям справедливости, быть

соразмерными и необходимыми для защиты конституционно значимых ценностей, учитывать необходимый баланс интересов человека, общества и государства;

— при допустимости ограничений того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать только необходимые и строго обусловленные этими целями меры¹⁶.

Приведенные выше тезисы, взятые в их содержательно-смысловой совокупности и системных взаимосвязях, дают нам в целом достаточные основания для некоторых заключений по обсуждаемой теме атрибута и модуса правоограничений.

По нашему мнению, атрибутом правоограничения является его наиболее абстрактная характеристика как юридического инструмента, необходимого для поиска правовых решений. При этом важно подчеркнуть, что атрибуция в качестве инструмента акцентирует телеологический аспект правоограничения: инструмент есть орудие, способ, средство, применяемое не само по себе, а для работы, для достижения цели. В нашем случае можно в наиболее общей форме утверждать, что конечная цель применения данного инструмента совпадает с конечной целью национального правового порядка.

Позволим себе раскрыть приведенный выше тезис словами первого заместителя Председателя Верховного Суда РФ П.П. Серкова, что предназначение правового порядка состоит в организации государством социальной жизни, гарантирующей благополучие отдельно взятому человеку и обществу в целом¹⁷.

Далее, принадлежность к юридическому в атрибуции правоограничения

¹⁶ Лебедев В.А. Указ. соч. С. 133.

¹⁷ Серков П.П. Соотношение правовых принципов и правовых норм // Конституционная идентичность и универсальные ценности: искусство соразмерности: материалы Международной конференции (г. Санкт-Петербург, 14 мая 2019 г.): сб. науч. ст. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2019Serkov.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).

¹⁴ Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 240.

¹⁵ Там же.

означает включение в особую реальность — правовую (юридическую) действительность.

По Е.В. Спекторскому, система мысли, образуемая рефлексией социальных явлений и поведения людей, обращена к внутренней логике и в конечном итоге формирует *ratio juris* — тот юридический стиль всего действующего права, который, в свою очередь, предопределяет работу de lege ferenda, включая кодификацию, а также политику права, подчиненную так или иначе понятой цели общезития¹⁸.

При этом само понятие юридически нормального, или справедливого, складывается из трех элементов, обозначенных Е.В. Спекторским как бытовой, политический и этический: это, соответственно, нормальное в смысле типичного, регулярно происходящего и повторяющегося в жизни; нормальное как признанное и поддерживаемое государством; нормальное в смысле должного¹⁹.

Атрибуция правоограничения через включение его в юридическую действительность означает, что перечисленные элементы должны быть учтены в процессе обоснования, создания, толкования и применения норм, так или иначе сопряженных с ограничением прав.

Иными словами, правоограничения, будучи неотъемлемым элементом правовой действительности, приобретают ее двойственность, то есть являют собой как порядок вещей, так и порядок идей. Правоограничения нельзя представить в описании одного лишь законодательного их аспекта, поскольку применить правоограничение — значит не выставить запрет, который неизбежно вызовет неприятие и сопротивление, а создать такое положение, когда сама возможность сохраняется, но для ее реального осу-

ществления придется чем-то поступиться, понести какие-то потери.

Таким образом, правоограничение «развернуто» в поведении субъектов социальных отношений, в регламентирующих их нормах права, а также и в пределах индивидуального осознания данной меры упорядочивания общественных отношений, в том числе лицами, которые наделены юрисдикционными полномочиями и/или сами претерпевают правоограничения, так или иначе вовлечены в последствия их применения.

Теперь перейдем к завершающей части атрибутивной характеристики правоограничения: необходимость, которая обусловлена имманентностью идеи границ, пределов — праву как таковому. Необходимость — это то, что является предпосылкой для получения искомого результата, то, без чего этот результат невозможен.

В свое время на лекциях по педагогике Иммануил Кант много говорил о том, что человеку свойственна необузданность, и она столь велика, что он, как только привыкнет к ней, всем пожертвует и станет рабом своих прихотей. Поэтому надо как можно раньше дисциплинировать ребенка, приучать его к самоограничению, иначе если с малолетства все желания ни в чем не будут встречать противодействия, человек навсегда останется в той или иной степени дикарем и не сможет развить в себе собственно человеческие начала. Для воспитания, приближающего человеческую природу к совершенству, необходимо:

во-первых, чтобы ребенку, начиная с самых ранних пор, всегда и во всем предоставлялась свобода, если только ее проявление не вступает в противоречие со свободой других;

во-вторых, давать ему возможность убеждаться, что он способен достигнуть своих целей, только позволяя и другим достигать своих;

в-третьих, дать ему убедиться, что только ограничение его свободы и позволяет пользоваться ею, что, развивая в себе эту способность к самоограниче-

¹⁸ Спекторский Е.В. Теория солидарности: Доклад, прочитанный 14-го декабря 1915 года в Саратове в соединенном заседании Киевского и Саратовского юридических обществ. М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. С. 2.

¹⁹ Спекторский Е.В. Начала науки о государстве и обществе. Белград, 1927. С. 36–37.

нию, он может стать свободным, то есть независимым от посторонних услуг и опеки²⁰.

Как видим, свобода и принуждение изначально выступают в жизни отдельного человека в качестве двух противоположных начал, известное равновесие которых необходимо для социализации не только данному конкретному индивиду, оно нужно и обществу в целом, в том числе государственно организованному.

Таким образом, поддержание общественного порядка, основанного на этих началах, без ситуативных ограничений индивидуальной свободы во имя общего порядка (действующего права) невозможно.

Итак, мы выяснили атрибутивные характеристики правоограничений. Что же касается их модусов, то те или иные варианты возможны в зависимости от состава признаков, характеризующих соответствующую отраслевую принадлежность, а также тех обстоятельств, которые принимаются в качестве исходных при ограничении действий, действующих лиц либо условий совершения ими действий.

Так, модус правоограничений приобретает конституционный аспект, если мы имеем дело с ситуацией коллизии конституционных ценностей. В связи с правонарушениями или гражданско-правовыми деликтами можно говорить о модусах правоограничений, обусловленных различиями материально-правовых и процессуально-правовых целей (общая и специальная превенция, обеспечение иска, мера уголовно-процессуального принуждения и т.п.).

В качестве модусов правоограничения выступают отдельные нормы, определяющие статус государственных и муниципальных служащих, военнослужащих, педагогических и медицинских работников и т.д. Примеры могут быть продолжены едва ли не до бесконечности, поскольку в категорию «модус правоограничения» так или иначе могут быть сгруппированы все известные классификационные группы ограничения прав.

Разграничение атрибута и модуса правоограничений представляется методологически значимым при разрешении практических ситуаций, требующих тонкого дифференцирования между государственной защитой права, с одной стороны, и ограничением прав в целях воспрепятствования возникших конфликтов — с другой.

²⁰ Кант И. О педагогике. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant/pedag.php (дата обращения: 15.10.2020).

Литература

1. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве / С.С. Алексеев. Москва : Юридическая литература, 1989. 288 с.
2. Андреев Ю.Н. Ограничения в гражданском праве России / Ю.Н. Андреев. Санкт-Петербурга : Юридический центр Пресс, 2011. 400 с.
3. Беломестных Л.Л. Ограничение прав и свобод человека и гражданина: теоретический аспект : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Л.Л. Беломестных. Москва, 2003. 26 с.
4. Гаджиев Г.А. Основные экономические права: сравнительное исследование конституционно-правовых институтов России и зарубежных стран : автореферат диссертации доктора юридических наук / Г.А. Гаджиев. Москва, 1996. 50 с.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии (Наука об истине) / Г.В.Ф. Гегель // Философия : хрестоматия / составители В.Б. Рожковский, Д.Л. Устименко. Ростов-на-Дону : Феникс, 2009. 349 с.
6. Гревцова Е.Е. Правомерные ограничения прав и свобод человека в международном праве : автореферат диссертации кандидата юридических наук / Е.Е. Гревцова. Москва, 2009. 26 с.

7. Иоффе О.С. Юридические нормы и человеческие поступки / О.С. Иоффе // Актуальные вопросы советского гражданского права. 1964. № 36. С. 10–51.
8. Кант И. О педагогике / И. Кант. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant/pedag.php (дата обращения: 15.04.2020).
9. Лебедев В.А. Конституционные основы ограничений прав и свобод человека и гражданина / В.А. Лебедев // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 1 (122). С. 130–139.
10. Малько А.В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А.В. Малько // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238–248.
11. Попкова Н.П. Проблема ограничений субъективных гражданских прав: теоретический аспект / Н.П. Попкова // Вестник Уральского института экономики, управления и права. Право. Всероссийский научно-аналитический журнал. 2009. № 7. С. 40–47.
12. Сарбаш С.В. Общее учение об исполнении договорных обязательств : автореферат диссертации доктора юридических наук / С.В. Сарбаш. Москва, 2005. 49 с.
13. Серков П.П. Соотношение правовых принципов и правовых норм / П.П. Серков // Конституционная идентичность и универсальные ценности: искусство соразмерности : материалы Международной конференции (г. Санкт-Петербург, 14 мая 2019 г.) : сборник научных статей. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2019Serkov.pdf> (дата обращения: 15.04.2020).
14. Спекторский Е.В. Начала науки о государстве и обществе / Е.В. Спекторский. Белград, 1927. 144 с.
15. Спекторский Е.В. Теория солидарности: Доклад, прочитанный 14-го декабря 1915 года в Саратове в соединенном заседании Киевского и Саратовского юридических обществ / Е.В. Спекторский. Москва : Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. 27 с.

References

1. Alekseev S.S. *Obschie dozvoleniya i obschie zaprety` v sovetskom prave* [General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law] / S.S. Alekseev. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1989. 288 s.
2. Andreev Yu.N. *Ogranicheniya v grazhdanskom prave Rossii* [Restrictions in Russian Civil Law] / Yu.N. Andreev. Sankt-Peterburg : Yuridicheskiiy tsestr Press — Saint Petersburg : Legal Center Press, 2011. 400 s.
3. Belomestnykh L.L. *Ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina: teoreticheskiy aspekt : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk* [Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms: A Theoretical Aspect : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / L.L. Belomestnykh. Moskva — Moscow, 2003. 26 s.
4. Gadzhiev G.A. *Osnovny`e ekonomicheskie prava: sravnitelnoe issledovanie konstitutsionno-pravovy`kh institutov Rossii i zarubezhny`kh stran : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk* [The Main Economic Rights: Comparative Research of Constitutional Law Institutions of Russia and Foreign Countries : author's abstract of thesis of LL.D.] / G.A. Gadzhiev. Moskva — Moscow, 1996. 50 s.
5. Hegel G.W.F. *Lektsii po istorii filosofii (Nauka ob istine)* [Lectures on the History of Philosophy (The Science of Truth)] / G.W.F. Hegel // *Filosofiya : khrestomatiya ; sostaviteli V.B. Rozhkovskiy, D.L. Ustimenko* [Philosophy : anthology ; compiled by V.B. Rozhkovskiy, D.L. Ustimenko]. Rostov-na-Donu : Feniks — Rostov-on-Don : Phoenix, 2009. 349 s.
6. Grevtsova E.E. *Pravomerny`e ogranicheniya prav i svobod cheloveka v mezhdunarodnom prave : avtoreferat dissertatsii kandidata yuridicheskikh nauk* [Lawful Restrictions

- of Human Rights and Freedoms in International Law : author's abstract of thesis of PhD (Law)] / E.E. Grevtsova. Moskva — Moscow, 2009. 26 s.
7. Ioffe O.S. Yuridicheskie normy` i chelovecheskie postupki [Legal Norms and Human Actions] / O.S. Ioffe // Aktualny`e voprosy` sovetskogo grazhdanskogo prava — Relevant Issues of Soviet Civil Law. 1964. № 36. S. 10–51.
 8. Kant I. O pedagogike [On Education] / I. Kant. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/kant/pedag.php (data obrascheniya: 15.04.2020 — date of access: April 15, 2020).
 9. Lebedev V.A. Konstitutsionny`e osnovy` ogranicheniy prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Constitutional Fundamentals of Restrictions of Human and Civil Rights and Freedoms] / V.A. Lebedev // Lex Russica (Russkiy zakon) — Russian Law. 2017. № 1 (122). S. 130–139.
 10. Malko A.V. Ogranicheniya v prave: problemy` teorii, praktiki, politiki [Restrictions in Law: Issues of the Theory, Practice, Politics] / A.V. Malko // Yuridicheskaya tekhnika — Legal Writing. 2018. № 12. S. 238–248.
 11. Popkova N.P. Problema ogranicheniy subyektivny`kh grazhdanskikh prav: teoreticheskiy aspekt [The Issue of Restrictions of Subjective Civil Rights: A Theoretical Aspect] / N.P. Popkova // Vestnik Uralskogo instituta ekonomiki, upravleniya i prava. Pravo. Vserossiyskiy nauchno-analiticheskiy zhurnal — Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law. Law. All-Russian Scientific and Analytical Journal. 2009. № 7. S. 40–47.
 12. Sarbash S.V. Obschee uchenie ob ispolnenii dogovorny`kh obyazatelstv : avtoreferat dissertatsii doktora yuridicheskikh nauk [A General Doctrine on Discharge of Contractual Obligations : author's abstract of thesis of LL.D.] / S.V. Sarbash. Moskva — Moscow, 2005. 49 s.
 13. Serkov P.P. Sootnoshenie pravovy`kh printsipov i pravovy`kh norm [A Correlation Between Legal Principles and Legal Provisions] / P.P. Serkov // Konstitutsionnaya identichnost i universalny`e tsennosti: iskusstvo sorazmernosti : materialy` Mezhdunarodnoy konferentsii (g. Sankt-Peterburg, 14 maya 2019 g.) : sbornik nauchny`kh statey [The Constitutional Identity and Universal Values: The Art of Balance : files of an international conference (Saint Petersburg, May 14, 2019) : collection of scientific articles]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2019Serkov.pdf> (data obrascheniya: 15.04.2020 — date of access: April 15, 2020).
 14. Spektorskiy E.V. Nachala nauki o gosudarstve i obschestve [Beginnings of the Science on the State and Society] / E.V. Spektorskiy. Belgrad — Belgrade, 1927. 144 s.
 15. Spektorskiy E.V. Teoriya solidarnosti: Doklad, pročitanny`y 14-go dekabrya 1915 goda v Saratove v soedinennom zasedanii Kievskogo i Saratovskogo yuridicheskikh obschestv [The Solidarity Theory: A Speech Delivered on December 14, 1915 in Saratov at a Joint Meeting of the Kievan and Saratov Legal Societies] / E.V. Spektorskiy. Moskva : Tip. G. Lissnera i D. Sobko — Moscow : Printing office of G. Lissner and D. Sobko, 1916. 27 s.

Просим вас тщательно проверять перед отправлением в редакцию общую орфографию статей, а также правильность написания соответствующих юридических терминов, соблюдение правил научного цитирования и наличие необходимой информации. Обращаем ваше внимание на то, что автор несет личную ответственность за оригинальность текста, а также за достоверность приведенных данных и точность цитируемых текстов.

Институт президента в типологии структуры органов власти в либеральной политико-правовой мысли (февраль – октябрь 1917 г.)

Аронов Дмитрий Владимирович,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева,
доктор исторических наук, профессор
aronovdv@mail.ru

Кошелева Светлана Витальевна,
старший преподаватель кафедры
иностраных языков в сфере профессиональной коммуникации
Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева
koshelevasv7osu@mail.ru

Жиляева Светлана Константиновна,
начальник кафедры гражданско-правовых и экономических дисциплин
Орловского юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент
zhilyaevask@mail.ru

В статье предпринята попытка анализа теоретических подходов к типологии структуры высших органов власти России, существовавших в либеральной политико-правовой мысли начала XX в. Главное внимание уделяется проектам введения в России института президента как средства антикризисного управления в условиях масштабного системного кризиса политической и социально-экономической системы. Рассматривается законотворческая деятельность Временного правительства в рамках работы Особой комиссии при Юридическом совещании летом — осенью 1917 г.

Ключевые слова: Февральская революция, реформа государственного строя России в 1917 г., институт президента, либеральная политика, правовая мысль.

The Institution of Presidency in the Typology of the Structure of Government Authorities in the Liberal Political and Legal Thought

Aronov Dmitriy V.
Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the Orel State University named after I.S. Turgenev
Doctor of History, Professor

Kosheleva Svetlana V.
Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages in Professional Communications
of the Orel State University named after I.S. Turgenev

Zhilyaeva Svetlana K.
Head of the Department of Civil, Legal and Economic Disciplines of the Orel Law Institute
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov
PhD (Law), Associate Professor

The article analyses theoretical approaches to the structure of the principal organs of government in the liberal political thought in the early 20th century. Most of the focus is on the drafts set out to implement the presidency as a means of crisis management in the context of a major systemic crisis in the political and social economic system. The authors scrutinise the legislation of the Provisional Government in the framework of the Special Commission activities at the Legal Conference in the summer and autumn of 1917.

Keywords: the February Revolution, 1917 reform of the Russian state system, presidency, liberal politics, legal thought.

Вопрос о власти, как писал недавний классик отечественной историко-правовой, как и, впрочем, практически любой иной науки, есть центральный (главный) вопрос любой, в том числе российской, революции¹. В настоящей работе авторы исходят из того, что в 1917 г. в России имели место и Февральская, и Октябрьская революции, хотя в научном дискурсе, получившем мощный импульс в виде столетнего юбилея событий 1917 г., существует подход, предполагающий, что события февраля — октября — это, по сути, неразрывный процесс, соответственно, научно корректно было бы говорить о революции 1917 г. охватывающей весь этот период. Соответственно, возвращаясь в начало статьи, мысль вождя и вдохновителя Октябрьской революции вполне верна не только для сторонников социалистических преобразований, но и для тех, кто занимался нормативно-правовой легитимацией общественных отношений, сложившейся структуры исполнительной власти и политической системы, обеспечивавшей ее политическую устойчивость.

В настоящей статье предмет исследования ограничен поиском либеральной политико-правовой мыслью вариантов нового типа государственной власти применительно к высшим уровням власти исполнительной. В перспективе целесообразно полномасштабное исследование, посвященное как, собственно, сценарным разработкам данного коренного вопроса «всякой революции», в том числе и за счет включения в исследовательское поле судебной власти (сюжет, наименее популярный в отечественной политико-правовой либеральной мысли)², так и конкретным технологи-

ям управления, предлагавшимся в данный период. Интерес представляет также обращение к поиску оптимальной типологии парламента для российских реалий начала XX в. в контексте взаимодействия базовых направлений политико-правовой мысли российского либерализма. Будучи представленными как «школой возрождения естественного права», социологическим позитивизмом (русский Иеринг С.А. Муромцев), они вполне находили общий язык с носителями идей юридического позитивизма, давая в итоге весьма интересные проекты модели реформирования социально-политического строя страны. При этом, как мы полагаем, предлагавшаяся ими методология реализации этих моделей не потеряла своего значения вплоть до настоящего времени³. Однако базовым вопросом теоретического порядка был вопрос о распределении полномочий между главой исполнительной власти и парламентом и структурой самого парламента (двух или однопалатный).

Несколько своего рода протосценариев существовали в либеральной политико-правовой мысли в дореволюционный период, но это были скорее эскизные наброски, своего рода «воспоминания о будущем», не имевшие ни четкой ориентации на решение практических проблем преобразований структуры органов государственного управления в переходный период, ни основательной теоретической проработки. Примером, кстати одним из немногих, может служить эпизод из воспоминаний председателя Второй Государственной Думы Ф.А. Головина, отложившихся в РГИА, а также частично опубликованных в постреволюцион-

¹ «Коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве. Без уяснения этого вопроса не может быть и речи ни о каком сознательном участии в революции, не говоря уже о руководстве ею». См.: Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений : в 55 т. 5-е изд. М., 1969. Т. 31. С. 145.

² См. подр.: Аронов Д.В. Судебная система России в либеральной модели реформирования страны на рубеже XIX–XX вв. // Актуальные проблемы юридической науки и практики : материалы Международной научно-практической конференции

(г. Орел, 20 мая 2009 г.) : сб. науч. ст. / под общ. ред. В.И. Бырлэдяну. Орел, 2009. С. 6–20 ; Садков В.Г., Аронов Д.В. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел : ОрелГТУ ; М. : Юрист, 2005.

³ Аронов Д.В. Парламентаризм как позитивное выражение сущностных характеристик ядра либеральной идеологии // XI Муромцевские чтения : материалы Международной научной конференции (г. Орел, 11–12 октября 2019 г.) : сб. науч. ст. : в 3 ч. Орел, 2019. Ч. 1. С. 16–25.

ные годы в журнале «Красный архив» в рамках общей кампании показа всех тех неприглядных сторон дореволюционной политической системы и механизма властвования в Российской империи до событий октября 1917 г., выступавших в качестве точки отсчета новой эры в истории человечества. В этом материале нас интересует сравнительно небольшой эпизод встречи двух экс-председателей Государственной Думы, соответственно самого Федора Александровича Головина и его предшественника спикера Государственной Думы Первого созыва (1906) Сергея Андреевича Муромцева, произошедшей в 1910 г., незадолго до безвременной кончины С.А. Муромцева.

По свидетельству Ф.А. Головина, его собеседник обнаружил не свойственный ему после трехмесячного тюремного заключения в Таганской тюрьме (по делу о Выборгском воззвании) политический оптимизм и надежды на предстоящий в России в самом скором времени новый революционный подъем. Поводом для обсуждения вопроса в том числе и о будущем типе государственного строя России стало предложение Ф.А. Головина, сделанное им С.А. Муромцеву, суть которого заключалась в том, чтобы он своим авторитетом в политической жизни страны поддержал некую начинавшую тогда формироваться новую политическую структуру.

Судя по тексту мемуаров, С.А. Муромцев отказался от этого предложения в силу того, что «он решил уклониться от непосредственного участия в какой-либо политической группе»⁴ именно в связи с надеждами «на новое революционное движение, результатом которого станет образование республики, и при подобном развитии событий он предполагал занять в ней место президента республики»⁵. Своеобразным подтверждением того, что это не было благовидным предлогом для отказа от участия в новом политическом проекте и уж тем

более шуткой, к чему С.А. Муромцев в своей ипостаси публичного политика вообще не был расположен, можно рассматривать еще одно место в мемуарах. Вспоминая похороны известного либерального российского экономиста А.И. Чупрова (который наряду с С.А. Муромцевым был одним из авторов своеобразного либерального манифеста эпохи «Великих реформ» «Записки о внутреннем состоянии России весной 1880 г.»), Ф.А. Головин писал, что предложил ему поехать с ним на трамвае, однако тот отказался. Причиной было то, что, по его мнению, Председателю Государственной Думы (читай и президенту (будущему. — Д.А., С.К., С.Ж.) республики) в трамвае ездить неуместно, так как это «не отвечает высокому положению председателя»⁶. Указанный эпизод, конечно, интересен с биографической точки зрения, характеристики политических позиций и политико-правовых взглядов политических акторов той эпохи. Однако свидетельств о наличии каких-либо сценарных разработок он не дает.

Опираясь на работы биографов С.А. Муромцева, можно привести пример и из его еще студенческих полушутливых сочинений. Суть его состоит в том, что совместно с Н.В. Муравьевым, в будущем министром юстиции России, послом в Италии, С.А. Муромцев написал для студенческого театра юрфака Московского университета пьесу «Через 30 лет». В числе действующих лиц пьесы были сразу два президента: министр-президент России и президент русского парламента. Роль первого предназначалась Н.В. Муравьеву, а главы парламента — С.А. Муромцеву, что в реальности и произошло в 1906 г. Данная ситуация вообще несколько напоминает название известного романа А. Дюма в варианте «Тридцать лет спустя»⁷.

⁶ РГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. Л. 27.

⁷ Аронов Д.В. Сергей Андреевич Муромцев — жизнь, отданная борьбе за право // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. X Муромцевские чтения: материалы Международной научной конференции (г. Орел, 28–29 сентября 2018 г.): сб. науч. ст. Орел, 2019. С. 34.

⁴ Российский государственный исторический архив. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. Л. 28. (Далее — РГИА).

⁵ РГИА. Ф. 1625. Оп. 1. Д. 3. Л. 28; Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 182.

Естественно, что кроме указания на использование в понятийном ряду российской юриспруденции термина «президент» в значении первенствующего где-либо, тут мы больше ничего не находим. Позднее именно термин «министр-президент» будет использован в «освободительном» проекте Основного закона России⁸. Вряд ли стоит искать следы и в еще более ранние периоды творчества С.А. Муромцева, в частности, в детской игре в государство «Лазавка» (имение Муромцевых в Орловской губернии, где прошли детские годы будущего Председателя Первой Государственной Думы).

В качестве примера можно привести и фундаментальный труд Н.И. Кареева «Происхождение современного народно-правового государства», увидевший свет в 1908 г. В содержании объемного тома мы не находим исследование эволюции института президентства, к которому автор обращается лишь в главе, связанной со становлением государственного строя Франции после революционных событий 1848 г. и последующим четырехлетием, итогом которого стал военный переворот и трансформация президента, племянника Наполеона Бонапарта в императора Наполеона III⁹.

Материалами, сущностно наиболее близкими к подобному сценарию, можно назвать либеральные конституционные проекты, разработанные в 1905–1906 гг., в период конституирования либеральных политических сил, а также соответствующие разделы партийных программ, которые, собственно, и призваны выполнять данную роль. Однако ряд проектов («екатеринославский», «герценштейновский») имеет фрагментарный характер, «муромцевский», готовившийся с расчетом на включение в

действующие Основные законы Российской империи соответствующих новелл, не мог содержать *ipso facto*, так как был ограничен реалиями текущего расклада политических сил. «Освободительный» проект («харьковский» проект, по своей сути, есть его немного расширенная редакция¹⁰) содержал термин «президент», но этот проект конституции изначально рассматривался лишь как средство агитации за саму идею конституции в российском обществе, а не план конкретных изменений в государственном строе страны.

В целом же можно говорить о том, что дореволюционная либеральная политико-правовая мысль России вопросами строительства нового типа государственности, вариантов развития политической системы целенаправленно не занималась. В некотором роде повторялась ситуация 1905–1906 гг., когда фактически единственным направлением, в рамках которого шла определенная разработка этих вопросов, стали либеральные конституционные проекты и партийные программы. У кадетов, как известно, в программе по вопросу о типе будущего государственного устройства страны был плюрализм мнений, допускавший приверженность как к конституционной монархии, так и демократической республике. Данное положение претерпело трансформацию уже после событий февраля — марта 1917 г., 25–28 марта, на проходившем в Петрограде VII съезде конституционно-демократической партии, в партийную программу были внесены соответствующие коррективы, причем Ф.Ф. Кокошкину, выступавшему по этому вопросу, пришлось применить все свое ораторское дарование, чтобы убедить делегатов голосовать за внесение в программу требований демократической республики как одной из центральных задач партии.

⁸ Проект Основного закона Российской империи (Проект конституции, опубликованный П.Б. Струве — «Освободительный проект») // Право: еженедельная юридическая газета. 1905. 29 мая.

⁹ Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. М., 2014. С. 492, 494–495, 615–624.

¹⁰ Аронов Д.В., Шепарнева А.И., Леонова И.А., Кошелева С.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законодательстве начала XX века // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.

«Республика в наших глазах не может не быть самой совершенной формой правления, — так обосновал свою позицию один из идеологов кадетов, — ибо это такая форма правления, при которой наш демократический принцип: господство воли народа — осуществляется в самом полном и чистом виде»¹¹. Для обеспечения доминирования демократических принципов устройства государственной власти, полагал Ф.Ф. Кокошкин, «в республике должно быть проведено разделение власти», законодательная власть должна была «целиком принадлежать представительному собранию»¹². Аргументы, приведенные в выступлении Ф.Ф. Кокошкина, общая политическая ситуация, сложившаяся в России в результате падения монархии, предопределили результаты голосования по вопросу об изменении п. 13 (о государственном устройстве России) партийной программы кадетов. За новую редакцию пункта партийной программы проголосовали 323 делегата (единогласно). Она была сформулирована следующим образом: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой»¹³. Логичным следствием подобной формулировки следует считать, исходя из современного толкования термина «парламентская республика», назначение премьер-министра парламентом. При этом глава государства даже при всенародных прямых выборах выполняет преимущественно формально-представительские функции. Однако на практике в условиях участия России в Первой мировой войне, прекращения функционирования исторически сложившейся системы управления страной практика и теория пошли по иному пути.

Типологически состояние политической ситуации в России, как нам представляется, вполне корректно может быть раскрыто в рамках предложенного питерским историком А.Б. Николаевым концепта формирования в России после от-

речения Михаила (II) Александровича «третье мартовской политической системы». В ее рамках Временное правительство, достаточно быстро оттеснившее на задний план в зону политического небытия Временный комитет членов Государственной Думы, сосредоточившее в своих руках как исполнительную, так и (иного варианта, собственно, и не было) законодательную власть, фактически реализуя и судебную, вынесло решение концептуальных вопросов государственного устройства страны на Учредительное собрание.

Вместе с тем как ситуация двоевластия, начавшая оформляться в стране едва ли не с 3 марта (фактически несколько позже), так и личные амбиции политических лидеров эпохи (В.В. Родзянко, А.Ф. Керенский) вели к поиску института управления, который в рамках республиканского строя¹⁴ мог бы обеспечить решение как задач антикризисного управления, так и не в последнюю очередь и личных амбиций политических акторов, сохраняя при этом складывавшийся в 1917 г. порядок легитимации.

На практике Временное правительство полагало целесообразным проведение последовательной линии в сфере конституционного законотворчества. Разработка проекта новых Основных законов и связанных с ними нормативно-правовых актов началась в конце сентября — начале октября 1917 г. В целях реализации этого проекта, его организационного обеспечения создавалась Особая (говоря современным языком, «специальная») комиссия при действовавшем Юридическом совещании, функционировавшем при Временном правительстве в качестве консультационного органа. Комиссия

¹¹ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. : в 3 т. М., 2000. Т. 3. Кн. 1. С. 373.

¹² Там же. С. 377.

¹³ Там же. С. 400.

¹⁴ Авторы исходят из того, что декларация А.Ф. Керенского от 1 сентября 1917 г. о провозглашении России республикой есть сугубо формальный акт, лишь констатирующий ситуацию, сложившуюся в начале марта 1917 г. Более подробно авторская позиция изложена в следующих работах авторов: Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале — октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 13–17; и др.

состояла из видных специалистов в области юриспруденции, известных также как авторитетные общественные деятели либерального толка (А.А. Боголепов, В.М. Гессен, А.И. Ивановский, Н.Н. Лазаревский, В.Ф. Дерюжинский, А.Э. и Б.Э. Нольде, Э.Э. Понтович и др.).

За весьма краткий по любым меркам, даже для России 1917 г., период деятельности комиссия подготовила блок проектов. В их число входили: «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании», «Тезисы по вопросу о верхней палате», «Статьи Основных законов по вопросу об автономии»¹⁵. Для корректного толкования подходов к направлениям реформирования государственно-политического строя России в условиях системного социально-политического кризиса, которые были сгенерированы либеральной политико-правовой мыслью, весьма значимым выступает законопроект «Об организации временной исполнительной власти при Учредительном собрании».

В его первой статье непосредственно указывается, что «осуществление исполнительной власти должно быть возложено на временного Президента Российской республики». Также статья содержит положение о том, что возможность сохранения института президентской власти, ранее не свойственного для политико-правовой системы страны, делегировалась Учредительному Собранию (ст. 4), которому, в частности, предлагалось переизбрать президента на срок до 1 года.

Еще одним конкретным политическим следствием введения поста президента, наделенного полномочиями, которые характерны для республики суперпрезидентского типа, стало бы то, что эти нормы позволили бы сформировать правовой механизм, который обеспечил бы передачу власти от Временного правительства Учредительному Собранию и далее новому органу исполнительной

власти. Это было значимо уже в силу того политического опыта, который начал накапливаться в марте в ходе отстранения от власти ВКЧГД. Собственно, формируемый правовой механизм предполагалось использовать для достижения политических, во многом персонализированных целей.

Немаловажным было и то, что данный механизм потенциально увеличивал шансы действовавшего министра — председателя Временного правительства сохранить властные полномочия в новой структуре органов управления государством теперь уже в качестве Президента Российской республики.

Данная схема, по мнению большинства членов Особой комиссии, должна была обеспечить преемственность в управлении государством. Иначе говоря, конструировалась система устойчивой и сильной власти, которая, не трансформируясь в авторитарную, могла обеспечить продолжение системных реформ, в том числе посредством конституционных преобразований.

Подтверждением данной исследовательской гипотезы, как нам представляется, выступают результаты анализа текста законопроекта. В нем весьма подробно изложены полномочия и условия деятельности президента. В законопроекте присутствовало положение об осуществлении им предоставленных широких полномочий в качестве «Временного Президента», находящегося «под надзором Учредительного Собрания и при содействии Совета Министров, пользующихся доверием Собрания». Данная норма содержалась во второй статье законопроекта. Временный Президент по замыслу авторов проекта наделался принципиально важными для реализации модели системных преобразований социально-политического строя страны полномочиями. Президент был наделен «правом законодательной инициативы» (ст. 5). В этой же статье предусматривалось, что от его имени «законопроекты могли вноситься в Учредительное Собрание Советом Министров». Он был обязан наблюдать «за исполнением законов», для чего «дела-

¹⁵ Боброва Г.С. Становление российского конституционализма : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 52.

ет распоряжения для сего необходимые» (ст. 8). Отдельно фиксировалось право издания указов «об устройстве, составе и порядке действий представительных учреждений, за исключением судебного ведомства, испрашивая необходимые кредиты у Учредительного Собрания» (ст. 9). Также Президент разрешал «все дела управления» (ст. 10), руководил внешней политикой страны, он также был верховным главнокомандующим, ему принадлежало «верховное начальствование над всеми вооруженными силами» (ст. 11–12).

Анализ текста законопроекта позволяет предположить, что в основу определения объема полномочий Временного Президента лег текст раздела Основных государственных законов Российской империи (в редакции от 23.04.1906 о полномочиях императора). Эту же тенденцию мы находим и в статьях, наделавших Временного Президента правом назначения и отстранения от соответствующих должностей лиц, занимавших ключевые посты в системе государственного управления. Прежде всего, имеется в виду, конечно же, должность «председателя Совета Министров и министров». Это право распространялось также на «тех должностных лиц гражданского и военного ведомств, кои на основании действующих узаконений назначаются и увольняются верховной властью» (ст. 13). Временный Президент был наделен правом председательствования в Совете Министров. В его отсутствие данную функцию выполнял Председатель Совета Министров (ст. 17).

Аналогично монарху в либеральных проектах Основного закона России¹⁶ Президент Российской республики защищался от внешнего влияния рядом специальных правовых инструментов. С обязательным запросом, в отличие от иных лиц государственного управления, к нему не могли обращаться члены действующего Учредительного Собра-

ния. Следует отметить, что статьи, предусматривавшие его ответственность перед Учредительным Собранием, были сформулированы в общих чертах, имея, помимо всего прочего, весьма нечеткие формулировки. По большому счету оно могло лишь получить от Временного Президента устные или письменные объяснения (ст. 6). Фактическая ответственность за осуществление функций государственного управления и соответствующие негативные последствия возлагалась на Председателя Совета Министров и профильных министров (ст. 19). Эти же лица отвечали перед Учредительным Собранием «за скрепленные Президентом указы и распоряжения»¹⁷. По сути, это тот же институт контрасигнатуры, который достаточно подробно прорабатывался в либеральных проектах Основного закона в 1904–1906 гг.¹⁸

Это позволяет нам говорить о том, что Временный Президент Российской республики фактически мог получить полномочия диктатора, который сосредотачивал верховное управление страной фактически при отсутствии какой-либо реальной ответственности. Правовой статус главы государства как центрального элемента системы государственной власти потенциально мог трансформироваться в режим военной диктатуры. Гипотеза о намерении Временного Президента реставрировать монархию, что предполагают отдельные исследователи, равно как и избрание президентом кого-либо из представителей рода Романовых, имеющих право на российский престол (несмотря на двойное отречение в марте 1917 г.), выглядит как минимум маловерифицируемой. Полагая, что подобный сценарий трансформации политического строя России не рассматривался представителями либеральной, по преимуществу кадетской, политико-правовой мысли¹⁹.

¹⁶ Аронов Д.В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Шестые Муромцевские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (г. Орел, 24–26 сентября 2014 г.) : сб. науч. ст. Орел, 2014. С. 122–130.

¹⁷ Левчук С.В. Конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года // Право и жизнь. 1996. № 10. С. 155–156.

¹⁸ Аронов Д.В. Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века // История государства и права. 2013. № 3. С. 14–17.

¹⁹ Боброва Г.С. Указ. соч. С. 54.

Следует отметить, что проекты в сфере институционализации поста президента в России не оказали влияние на реальное законодотворчество, что связано с теми событиями, которые произошли в стране осенью 1917 г. Вместе с тем материалы, которые были сгенерированы либеральной политико-правовой мыслью в этот период, выступают важным источником для понимания сущностных тенденций в развитии либерального законодотворчества в период системного кризиса социально-политической системы страны.

В целом представляется возможным говорить о том, что проект введения в «третье мартовскую» политическую си-

стему страны поста Президента (Временного Президента) Российской республики свидетельствует в пользу тезиса о том, что основанные на принципе верховенстве права сценарии выхода из социально-политических кризисов, предлагаемые либеральной теорией, не работают. В массовом сознании популярностью пользуются те рецепты решения масштабных социальных и политических проблем, которые предлагают простые, ясные и понятные массовому сознанию способы реформирования современной им социально-политической системы. Это, собственно, и произошло в повседневной политической практике 1917 г.

Литература

1. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / Н.П. Анциферов. Москва : Феникс : Культурная инициатива, 1992. 5012 с.
2. Аронов Д.В. Имперский концепт в либеральных проектах Основного закона России начала XX в. / Д.В. Аронов // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии. Шестые Муромцевские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (г. Орел, 24–26 сентября 2014 г.) : сборник научных статей. Орел : Александр Воробьев, 2014. С. 122–130.
3. Аронов Д.В. Парламентаризм как позитивное выражение сущностных характеристик ядра либеральной идеологии / Д.В. Аронов // XI Муромцевские чтения : материалы Международной научной конференции (г. Орел, 11–12 октября 2019 г.). В 3 частях. Ч. 1. Российский либерализм и Государственная Дума. 1906–1917 гг. : сборник научных статей. Орел : Орлик, 2019. С. 16–25.
4. Аронов Д.В. Проект Основного закона Российской империи Харьковского юридического общества — место и роль в либеральном конституционном законодотворчестве начала XX века / Д.В. Аронов, А.И. Шепарнева, И.А. Леонова, С.В. Кошелева // История государства и права. 2017. № 1. С. 60–64.
5. Аронов Д.В. Сергей Андреевич Муромцев — жизнь, отданная борьбе за право / Д.В. Аронов // Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. X Муромцевские чтения : материалы Международной научной конференции (г. Орел, 28–29 сентября 2018 г.) : сборник научных статей. Орел : Александр Воробьев : Орлик, 2019. С. 165–168.
6. Аронов Д.В. Статус монарха в либеральных проектах Основного закона России начала XX века / Д.В. Аронов // История государства и права. 2013. № 3. С. 14–17.
7. Аронов Д.В. Судебная система России в либеральной модели реформирования страны на рубеже XIX–XX вв. / Д.В. Аронов // Актуальные проблемы юридической науки и практики : материалы Международной научно-практической конференции (г. Орел, 20 мая 2009 г.) : сборник научных статей / под общей редакцией В.И. Бырлэдяну. Орел : ОРАГС, 2009. С. 6–20.
8. Аронов Д.В. Типология государственной власти в России в феврале — октябре 1917 г. / Д.В. Аронов, С.В. Кошелева // История государства и права. 2017. № 19. С. 13–17.

9. Боброва Г.С. Становление российского конституционализма : диссертация кандидата юридических наук / Г.С. Боброва. Москва, 2017. 178 с.
10. Головин Ф.А. Воспоминания / Ф.А. Головин // Сергей Андреевич Муромцев : сборник статей. Москва : Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1911. 419 с.
11. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX в. / Н.И. Кареев ; предисловие А.В. Сазонова. Москва : Государственная публичная историческая б-ка России, 2014. 623 с.
12. Левчук С.В. Конституционные проекты Временного правительства России в межреволюционный период 1917 года / С.В. Левчук // Право и жизнь. 1996. № 10. С. 155–156.
13. Ленин В.И. О двоевластии // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. В 55 томах. Т. 31. Март — апрель 1917. 5-е изд. Москва : Государственное изд-во политической лит-ры, 1969. С. 145–149.
14. Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России: историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели / В.Г. Садков, Д.В. Аронов. Орел : ОрелГТУ ; Москва : Юрист, 2005. 347 с.

References

1. Antsiferov N.P. Iz dum o by`lom: Vospominaniya [From Reflexions on the Past: Recollections] / N.P. Antsiferov. Moskva : Feniks : Kulturnaya initsiativa — Moscow : Phoenix : Cultural Initiative, 1992. 5012 s.
2. Aronov D.V. Imperskiy kontsept v liberalny`kh proektakh Osnovnogo zakona Rossii nachala XX v. [The Imperial Concept in Liberal Projects of the Fundamental Law of Russia in the Early XX Century] / D.V. Aronov // Imperskaya i monarkhicheskaya sostavlyayuschaya liberalnoy ideologii. Shesty`e Muromtsevskie chteniya : materialy` Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (g. Orel, 24–26 sentyabrya 2014 g.) : sbornik nauchny`kh statey [The Imperial and Monarchical Constituent of the Liberal Ideology. The Sixth Muromtsev Readings : files of an all-Russian scientific conference (Orel, September 24 to 26, 2014) : collection of scientific articles]. Orel : Aleksandr Vorobyev — Orel : Aleksandr Vorobyev, 2014. S. 122–130.
3. Aronov D.V. Parlamentarizm kak pozitivnoe vy`razhenie suschnostny`kh kharakteristik yadra liberalnoy ideologii [Parliamentarism as a Positive Manifestation of Essential Characteristics of the Core of the Liberal Ideology] / D.V. Aronov // XI Muromtsevskie chteniya : materialy` Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Orel, 11–12 oktyabrya 2019 g.). V 3 chastyakh. Ch. 1. Rossiyskiy liberalizm i Gosudarstvennaya Duma. 1906–1917 gg. : sbornik nauchny`kh statey [The XI Muromtsev Readings : files of an international scientific conference (Orel, October 11 to 12, 2019). In 3 parts. Part 1. Russian Liberalism and the State Duma. 1906 to 1917 : collection of scientific articles]. Orel : Orlik — Orel : Orlik, 2019. S. 16–25.
4. Aronov D.V. Proekt Osnovnogo zakona Rossiyskoy imperii Kharkovskogo yuridicheskogo obshchestva — mesto i rol v liberalnom konstitutsionnom zakonotvorchestve nachala XX veka [A Project of the Fundamental Law of the Russian Empire by the Kharkov Legal Society: The Place and Role in the Liberal Constitutional Law Making of the Early XX Century] / D.V. Aronov, A.I. Sheparneva, I.A. Leonova, S.V. Kosheleva // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 1. S. 60–64.
5. Aronov D.V. Sergey Andreevich Muromtsev — zhizn, otdannaya borbe za pravo [Sergey Andreevich Muromtsev: A Life Dedicated to the Struggle for Law] / D.V. Aronov // Rossiyskiy liberalizm: itogi i perspektivy` izucheniya. X Muromtsevskie chteniya : materialy` Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (g. Orel, 28–29 sentyabrya 2018 g.) : sbornik nauchny`kh statey [Russian Liberalism: Results and Study Prospects. The X Muromtsev Readings : files of an international scientific conference (Orel,

- September 28 to 29, 2018) : collection of scientific articles]. Orel : Aleksandr Vorobyev : Orlik — Orel : Aleksandr Vorobyev : Orlik, 2019. S. 165–168.
6. Aronov D.V. Status monarkha v liberalny`kh proektakh Osnovnogo zakona Rossii nachala XX veka [The Status of a Monarch in Liberal Projects of the Fundamental Law of Russia in the Early XX Century] / D.V. Aronov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2013. № 3. S. 14–17.
 7. Aronov D.V. Sudebnaya sistema Rossii v liberalnoy modeli reformirovaniya strany` na rubezhe XIX–XX vv. [The Russian Judicial System in the Liberal Model of Reformation of the Country at the Turn of the XX Century] / D.V. Aronov // Aktualny`e problemy` yuridicheskoy nauki i praktiki : materialy` Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (g. Orel, 20 maya 2009 g.) : sbornik nauchny`kh statey ; pod obschey redaktsiyey V.I. By`rledyanu [Relevant Issues of the Legal Science and Practice : files of an international scientific and practical conference (Orel, May 20, 2009) : collection of scientific articles ; under the general editorship of V.I. Byrledyanu]. Orel : ORAGS — Orel : Orel Regional Academy of State Service, 2009. S. 6–20.
 8. Aronov D.V. Tipologiya gosudarstvennoy vlasti v Rossii v fevrale — oktyabre 1917 g. [The Typology of Government in Russia from February to October 1917] / D.V. Aronov, S.V. Koshcheleva // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 19. S. 13–17.
 9. Bobrova G.S. Stanovlenie rossiyskogo konstitutsionalizma : dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk [The Establishment of Russian Constitutionalism : thesis of PhD (Law)] / G.S. Bobrova. Moskva — Moscow, 2017. 178 s.
 10. Golovin F.A. Vospominaniya [Recollections] / F.A. Golovin // Sergey Andreevich Muromtsev : sbornik statey [Sergey Andreevich Muromtsev : collection of articles]. Moskva : Izd-vo M. i S. Sabashnikovy`kh — Moscow : Publishing house of M. and S. Sabashnikovy, 1911. 419 s.
 11. Kareev N.I. Proiskhozhdenie sovremennogo narodno-pravovogo gosudarstva: istoricheskiy ocherk konstitutsionny`kh uchrezhdeniy i ucheniy do serediny` XIX v. ; predislovie A.V. Sazonova [The Origin of the Modern People`s Law-Governed State: A Historical Sketch of Constitutional Institutions and Doctrines up to the Middle of the XIX Century ; foreword by A.V. Sazonov] / N.I. Kareev. Moskva : Gosudarstvennaya publichnaya istoricheskaya b-ka Rossii — Moscow : State Public Historical Library of Russia, 2014. 623 s.
 12. Levchuk S.V. Konstitutsionny`e proekty` Vremennogo pravitelstva Rossii v mezhhrevolyutsionny`y period 1917 goda [Constitutional Projects of the Russian Provisional Government in the Inter-Revolutionary Period of 1917] / S.V. Levchuk // Pravo i zhizn — Law and Life. 1996. № 10. S. 155–156.
 13. Lenin V.I. O dvoevlastii [On Duality of Power] // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochineniy. V 55 tomakh. T. 31. Mart — april 1917. 5-e izd. [Full Collection of Works. In 55 volumes. Vol. 31. March to April 1917. 5th edition]. Moskva : Gosudarstvennoe izd-vo politicheskoy lit-ry` — Moscow : State Publishing House of Political Literature, 1969. S. 145–149.
 14. Sadkov V.G. Liberalny`e proekty` Osnovnogo zakona Rossii: istoricheskaya evolyutsiya, opy`t i perspektivy` postroeniya modeli [Liberal Projects of the Fundamental Law of Russia: Historical Evolution, Experience and Model Building Prospects] / V.G. Sadkov, D.V. Aronov. Orel : OrelGTU ; Moskva : Yurist — Orel : Orel State Technical University ; Moscow : Lawyer, 2005. 347 s.

Мы в социальных сетях Facebook и Instagram! Анонсы мероприятий, фотоотчёты и свежие новости нашего издательства. ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!

Facebook: <https://www.facebook.com/ig.lawinfo/>
Instagram: <https://www.instagram.com/ig.lawinfo/>

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-12-49-54

Зензелинское собрание: попытка реформирования обычного права по пути интеграции в общероссийское правовое пространство

Шургучиева Виктория Саналовна,
аспирант Калмыцкого научного
центра Российской академии наук
shvikuwa1223@yandex.ru

Статья посвящена имперской политике по интеграции инородческих окраин в правовое пространство Российского государства на примере собрания калмыцкой знати, состоявшегося в 1822 г. в с. Зензели Астраханской губернии. На основе документальных источников, выявленных в фондах Национального архива Республики Калмыкия, был проведен анализ процесса подготовки и проведения съезда калмыцкой знати и духовенства, стремившихся сохранить привилегии, дарованные императорскими особами ранее. Микроисторическое исследование позволило детально рассмотреть мероприятия, предлагаемые местными чиновниками по реформированию судебной системы в Калмыкии, послужившие своего рода законотворческой инициативой. Отличительной особенностью имперской политики в сфере судоустройства и судопроизводства в отношении кочевых инородцев являлся ее дуализм: с одной стороны, стремление к ликвидации самостоятельности судебных органов, с другой — санкционирование норм обычного права и сохранение национальных институтов. Попытка представителей привилегированных слоев калмыцкого народа сохранить самостоятельность в сфере судоустройства и судопроизводства не удалась. В заключение автор приходит к выводу о том, что судоустройство и судопроизводство инородцев, основанное на нормах обычного права, не соответствовало устремлениям центральных властей, направленных на унификацию правовой системы.

Ключевые слова: обычное право, судоустройство, судопроизводство, Зензелинские постановления, Калмыцкая степь, Зарго.

The Zenzeli Assembly: A Common Law Reformation Attempt on the Way Towards Integration to the All-Russian Legal Framework

Shurguchieva Viktoria S.
Postgraduate Student of the Kalmyk Research Center of the Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the imperial policy of integrating non-Russian suburbs into the legal space of the Russian state on the example of the Kalmyk nobility meeting held in 1822 in p. Zenzeli of the Astrakhan province. On the basis of documentary sources identified in the funds of the National Archive of the Republic of Kalmykia, an analysis was made of the process of preparation and holding of the congress of Kalmyk nobility and clergy, who sought to preserve the privileges granted by the imperial persons earlier. The microhistorical study allowed to review in detail the measures proposed by local officials to reform the judicial system in Kalmykia, which served as a kind of legislative initiative. A distinctive feature of the imperial policy in the field of judicial organization and legal proceedings in relation to nomadic aliens was its dualism: on the one hand, the desire to eliminate the independence of the judiciary, on the other — the sanctioning of customary law and the preservation of national institutions. An attempt by representatives of the privileged strata of the Kalmyk people to preserve their independence in the sphere of the judicial system and legal proceedings failed. In conclusion, the author concludes that the judicial system and legal proceedings of foreigners, based on customary law norms, did not correspond to the aspirations of the central authorities aimed at unifying the legal system.

Keywords: customary law, judicial system, legal proceedings, Zenzelinsky decisions, Kalmyk steppe, Zargo.

К началу XIX в. в административно-территориальном отношении Российская империя характеризовалась гетерогенностью правового статуса со-

ставляющих ее субъектов, в особенности национальных окраин. Правительство, хотя и пыталось сохранять обычное право местных народов, шло по пути

унификации системы управления на протяжении XIX в. на всем имперском пространстве и проводило планомерную политику по социокультурной адаптации населения национальных окраин. Территория Калмыцкой степи, входившая в состав Астраханской губернии, к началу XIX в. сохранила национальные особенности правовой системы, основанной на нормах обычного права. Цель статьи — изучение Зензелинского собрания 1822 г. как события в истории правовой системы Калмыкии, которое могло стать переломным в процессе ее интеграции в общероссийское пространство.

Политика российских властей, направленная на сокращение полномочий национальных окраин, в том числе Калмыцкой степи, привела к ограничению статуса суда Зарго. По свидетельству В.М. Бакунина, описавшего деятельность данного учреждения в XVIII в., «Зарго, на их языке — суд, бывает всегда при доме ханском... от той Зарги зависит правление всего калмыцкого народа...»¹. В начале 1771 г. в результате заговора калмыцкой знати во главе с наместником Калмыцкого ханства большая часть калмыков откочевала в Джунгарию. В октябре 1771 г. императрица Екатерина II упразднила Калмыцкое ханство, а в 1786 г. был упразднен и суд Зарго. Однако по указу императора Павла I от 14 октября 1800 г.², подтвержденному 26 октября 1801 г. указом Александра I³, звание наместника ханства и суд Зарго были восстановлены.

Указом императора Александра I от 28 апреля 1802 г. подтверждалось «прежнее его право иметь собственный родовой суд Зарго именуемый...»⁴.

Следующий указ Александра I, подписанный 26 октября 1803 г., подчинил суд Зарго и Главного пристава калмыцкого народа астраханскому военному губернатору⁵. Впрочем, не все местные чиновники были согласны с возрождением Зарго. Например, Главный пристав калмыцкого народа Н.И. Страхов в своей записке, поданной на имя графа И.В. Гудовича еще в 1803 г., обосновывал необходимость реорганизации суда Зарго, так как «разные затруднения, происходят от настоящего образования суда Зарго и недостатка их законов»⁶. В данном документе были приведены следующие «недостатки», имевшиеся, по мнению автора записки, в деятельности Зарго. Во-первых, организационные вопросы: отсутствие режима работы, порядка делопроизводства и содержания подследственных и осужденных; во-вторых, личности судей, которые, как утверждает Страхов, «избираются владельцами калмыцкими, они, будучи совершенно им подвластными, угождают прихотям и пристрастно держатся той стороны, которой благоприятствует владелец»⁷. Столь нелестная характеристика, данная Зарго, являвшегося самостоятельной судебной инстанцией, осуществлявшей судопроизводство в калмыцком обществе

¹ Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. С. 146.

² О восстановлении на прежнем основании Совета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства калмыков // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVI. № 19599. С. 340–341. (Далее — ПСЗРИ.)

³ О утверждении прав и преимуществ, калмыцкому народу присвоенных; о восстановлении сих сношений по делам сего народа в прежнем их порядке, правам ему данным сообразном и от внешних начальств, кроме сей Коллегии независимом // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVI. № 20037. С. 808–809.

⁴ Об удовлетворении калмыков землями и о порядке разбирательства жалоб на калмыков и таковых же на него поступающих // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVII. № 20248. С. 126.

⁵ О подчинении Главного пристава при калмыцком народе и Суда их Зарго Астраханскому Военному Губернатору // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXVII. № 21011. С. 955.

⁶ Национальный архив Республики Калмыкия. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 206. Л. 46. (Далее — НА РК.)

⁷ Сведения и мнение Главного пристава над калмыцким народом к.с. Страхова о калмыцком суде, именуемом Зарго, поданное гр. Гудовичу // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного Управления Наместника Кавказского / под ред. А.Д. Берже. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. С. 685.

на основе норм обычного права, несомненно, стала одним из поводов к ее реорганизации.

В записке Н.И. Страхова были представлены и предложения о реформировании Зарго, которые заключались в следующем: «1) Учредить, чтобы Зарго находилось в Астрахани; 2) калмыцкие права, составляющие закон их, необходимость требует переделать, применяясь к настоящему состоянию народа, или прописать совсем новый, в котором бы, удержав главнейшие основания калмыцких прав, по все прочим отношениям заимствовать существо из наших законов; 3) необходимо нужно учредить при Зарго секретаря, который бы был и переводчиком, писаря по-калмыцки и по-русски, хранителя дел, могущего отправлять вместе и должность сторожа...»⁸.

14 марта 1816 г. суд Зарго и Главный пристав калмыцкого народа были переведены под юрисдикцию астраханского гражданского губернатора⁹. Таким образом, эволюция статуса Зарго в начале XIX в. во многом зависела от мнения местной администрации, которая фактически формировала правительственную политику в отношении национальных окраин. Кроме того, проведенный анализ показывает, что отличительной особенностью имперской политики в сфере судоустройства и судопроизводства в отношении кочевых инородцев являлся ее дуализм: с одной стороны, стремление к ликвидации самостоятельности судебных органов, с другой — санкционирование норм обычного права и сохранение национальных институтов.

17 июня 1816 г. члены суда Зарго, обеспокоенные сложившимся тяжелым социально-экономическим положением в калмыцком обществе, а также наступлением местной администрации на их правовой статус, и, как отмечает профессор Н.Н. Пальмов, в связи с «вмешатель-

ством в дела калмыков посторонней власти, не считающейся с Зарго и вообще не соблюдающей калмыцких интересов»¹⁰, вынуждены были обратиться с прошением к императору Александру I. Распространение действий российского правосудия на калмыков, согласно тексту прошения, имело для них негативные последствия. Так, калмыки, по незнанию подписывая кабальные условия контрактов, предлагаемых работодателями, за свой добросовестный тяжелый труд в итоге оказывались привлеченными к юридической ответственности в соответствии с гражданским судопроизводством и подвергались наказанию в виде каторжных работ. При этом во время следствия в заключении содержались как ответчики, так и свидетели.

Спустя два года калмыцкие владельцы, собравшись у хошеутовского владельца Тюменя, подготовили прошение на имя Главноуправляющего гражданской частью и пограничными делами в Грузии, Астраханской и Кавказской губерниях А.П. Ермолова: «Просим оставить калмыцкий народ на прежних правах и обыкновениях, сходно со всеми высочайше пожалованными его императорским величеством грамотами»¹¹.

Однако было очевидно, что необходимость введения калмыков под юрисдикцию имперского законодательства назрела окончательно. Дальнейшие шаги местной администрации в этом направлении в первой четверти XIX в. были подчинены данной цели. 28 декабря 1821 г. Главный пристав калмыцкого народа А.В. Каханов направил владельцам и правителям, ламам и членам суда Зарго извещение о необходимости сбора для «исполнения общепольного дела и отправления закона необходимого к руководству по управлению калмыками...»¹². 5 января 1822 г. Главный пристав послал членам суда Зарго предписание о необходимости предоставления сведений

⁸ Там же. С. 686.

⁹ О подчинении Главного при калмыках Пристава Астраханскому Гражданскому Губернатору // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. XXXIII. № 26196. С. 555–556.

¹⁰ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 340. Л. 2.

¹¹ НА РК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 206. Л. 46.

¹² НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 1.

о калмыцком судопроизводстве по 11 пунктам¹³. Круг вопросов, представленных в предписании, был направлен на получение сведений об организационной стороне осуществления процесса правосудия в калмыцком обществе, в частности, информации об учете и ведении документооборота, финансовом обеспечении деятельности суда и условиях содержания подсудимых.

В своем письме на имя Главного пристава А.В. Каханова от 9 января 1822 г. правители казенного Багацохуровского улуса ответили: «На словесное приказание Вашего Высокоблагородия, что бывают ли у нас по улусу штрафы, на каком основании и для чего учреждается яргачей, честь имею донести, мы никаких штрафов по улусу не взыскивали. Постановленного яргачей обязанность следующая: людей имеющих претензию к разбирательству иметь у себя и представлять по исковым делам вследствие решения нашего дает Эльчу (посланного), который чинит взыскание в удовлетворение просителя...»¹⁴. Это письмо вызвало еще больше вопросов, которые были направлены багацохуровским правителям 21 января 1822 г. с пометкой: «...сии вопросы объяснить и ныне же доставить ко мне, ничего не утаивать и, не отступая ни мало от смысла моего требования»¹⁵.

Запрос указанной информации, на наш взгляд, был вызван планами реформирования калмыцких судебных органов, которое могло быть осуществлено двумя путями: 1) сохранение действующих норм обычного права с приведением их в соответствие с реалиями времени; 2) унификация с общероссийской структурой судебных органов. Второй путь, приводивший к единому знаменателю систему судостроительства на всем российском пространстве, предполагал ликвидацию остаточных признаков национальной автономии. Анализ документов показывает, что судебно-правовая поли-

тика властей в Калмыцкой степи на первоначальном этапе была направлена на сбор сведений о действующей системе судостроительства и судопроизводства с целью дальнейшей ее унификации и интеграции в общероссийское правовое пространство. Ответы, последовавшие на запросы администрации, показали, что практика судебных слушаний являлась преимущественно устной, а судебно-следственная документация, образующаяся в процессе судопроизводства и содержащая информацию о действиях участников процесса в период следственных мероприятий, а также в ходе судебного разбирательства и о решениях суда, велась бессистемно. Полученная информация не позволяла провести ревизию делопроизводства и получить объективную картину, характеризующую судебную систему в целом, и в то же время доказывала необходимость ее реформирования, что было характерно для общеимперской правовой системы¹⁶.

Радужные настроения по поводу открытия собрания в урочище Зензели, отраженные в рапорте Каханова, начиная с 6 апреля сменились на тревожные. В рапорте № 612 Главный пристав доложил астраханскому гражданскому губернатору И.И. Попову о том, что владельцы Икицохуровского улуса Церен-Убаши и Дербетовского — Очир Хапчуков в ночь со 2 на 3 апреля покинули место собрания, никого не поставив в известность о своем отъезде. Далее сообщалось об уклонении названных владельцев «от участия с другими в исправлении закона и сейчас подано мне прошение с известием неудовольствия на Церена Убашу и Очира Хапчукова, по случаю такового отъезда...»¹⁷. Прошение участников Зензелинского собрания, написанное на калмыцком языке, содержало описание хода работы по исправлению действующего калмыцкого закона, а также замечания о поведении покинувших собрание владельцев.

¹³ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 4.

¹⁴ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 183. Л. 1.

¹⁵ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 183. Л. 3.

¹⁶ История суда и правосудия в России : коллективная монография : в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. М. : Норма, 2019. Т. 3. С. 513.

¹⁷ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 29.

Так, в документе отмечается, что отработанный проект Уложения был завершён уже 25 марта и после обсуждения и внесения поправок «по общему согласию и утверждён в присутствии вашем и приложением наших печатей»¹⁸. Подписание со стороны багацохуровского правителя несколько затянулось, сначала в связи с его четырехчасовым опозданием к процессу подписания, затем в связи с выдвинутыми им претензиями к работе собрания. В ту же ночь Церен-Убаши и Очир Хапчуков покинули место собрания, что авторами прошения оправдывалось так: «...по молодости лет своих, будучи еще совершенно неопытны и к тому же научаемы от других не благомыслящих людей»¹⁹. На следующий день Церен-Убаши и Очир Хапчуков через посольного передали свой проект Уложения, предлагая членам собрания согласиться с их вариантом, что было расценено ими как оскорбление. Оба проекта основывались на ойрат-монгольском «Великом уложении» 1640 г. и законах калмыцкого хана Дондук-Даши середины XVIII в. и отличались друг от друга только степенью приверженности традиции.

На наш взгляд, Зензелинское собрание являлось возможностью для калмыцкого народа продлить действие норм обычного права, которая не была реализована привилегированным сословием. Из документов следует, что недовольных участников собрания, опасавшихся усиления нойона Тундутова, поддержал астраханский губернатор И.И. Попов, выступавший за унификацию правовой системы калмыков. Покинувшая собрание группировка подала прошение на имя астраханского гражданского губернатора с жалобой на Каханова в том, что он «принуждал их с устрашиванием подписать пункты из Уложения с коими они не могут быть согласны»²⁰. В свою очередь И.И. Попов в предписании от 9 апреля 1822 г. за № 1494 обвинил Каханова в том, что он не смог «предусмот-

реть и принять всевозможные меры к предупреждению оною, или, по крайней мере, тотчас известить меня при самом начале сего несогласия, тогда я сам мог бы прибыть на место для отвращения дальнейших последствий»²¹. Данная ситуация во многом была обусловлена положением указа от 14 марта 1816 г., в соответствии с которым «для лучшего по сей части устройства, и особенно для отвращения затруднений... подчинить главного пристава при них находящегося Астраханскому Гражданскому Губернатору, яко местному начальству»²².

Из текста письма И.И. Попова от 11 апреля 1822 г. видно, что А.В. Каханов неоднократно не выполнял предписания губернатора, и в связи с этим он предупредил Главного пристава: «Столь явное неповиновение предписаниям начальства, за которое в свое время вы будете отвечать перед законом...». Каханов в свою очередь, стремясь сохранить свое независимое положение, заявил, что указание о созыве собрания в Зензелях им было получено от Азиатского департамента и соответственно отчетность о результатах работы им направлялось в это ведомство. Разногласия между двумя чиновниками привели к падению авторитета Каханова в среде калмыцкого народа, а в октябре 1823 г. он был отстранен от должности А.П. Ермоловым. Ранее, 3 мая 1823 г., умер Эрдени-тайши Тундутов. Сход с исторической арены двух главных участников Зензелинского собрания позволил местной администрации закрыть вопрос об актуализации калмыцкой правовой системы. Соционормативная культура, накопленная народом и приведенная в соответствии с требованиями времени членами собрания 1822 г., была отражена в Зензелинских постановлениях, но не получила дальнейшей реализации. Таким образом, попытка представителей привилегированных слоев калмыцкого народа сохранить самостоятельность в сфере судоустройства

¹⁸ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 38.

¹⁹ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 38об.

²⁰ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 47.

²¹ НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 182. Л. 47об.

²² О подчинении Главного при калмыках Пристава Астраханскому Гражданскому Губернатору.

и судопроизводства не удалась. В какой-то мере это было связано с разногласиями, царившими внутри общества, но в большей степени это стало следствием

внутренней политики централизации, проводимой властями в рассматриваемый период на окраинах империи, населенных инородцами.

Литература

1. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года / В.М. Бакунин ; вступительная статья М.М. Батмаева, В. Разумовской. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
2. История суда и правосудия в России. В 9 томах : коллективная монография / ответственные редакторы В.В. Ершов, В.М. Сырых. Т. 3. Судостроительство и судопроизводство в период становления и развития абсолютизма (конец XVII — середина XIX века) ; ответственный редактор С.А. Колунтаев. Москва : Норма, 2019. 672 с.
3. Сведения и мнение Главного пристава над калмыцким народом к.с. Страхова о калмыцком суде, именуемом Зарго, поданное гр. Гудовичу // Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Архив Главного Управления Наместника Кавказского / под редакцией А.Д. Берже. Тифлис : Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1869. 760 с.

References

1. Bakunin V.M. *Opisanie kalmy`tskikh narodov, a osoblivo iz nikh torgoutskogo, i postupkov ikh khanov i vladeltsev. Sochinenie 1761 goda ; vstupitelnaya statya M.M. Batmaeva, V. Razumovskoy* [Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Writings of 1761 ; introductory article by M.M. Batmaev, V. Razumovskaya] / V.M. Bakunin. Elista : Kalm. kn. izd-vo — Elista : Kalmyk Book Publishing House, 1995. 153 s.
2. *Istoriya suda i pravosudiya v Rossii. V 9 tomakh : kollektivnaya monografiya ; otvetstvenny`e redaktory` V.V. Ershov, V.M. Sy`ry`kh. T. 3. Sudoustroystvo i sudoproizvodstvo v period stanovleniya i razvitiya absolyutizma (konets XVII — seredina XIX veka) ; otvetstvenny`y redaktor S.A. Koluntaev* [The History of Court and Justice in Russia. In 9 volumes : collective monograph ; publishing editors V.V. Ershov, V.M. Syrykh. Vol. 3. The Judicial Structure and Judicial Proceedings During the Establishment and Development of Absolutism (the Late XVII to the Middle of the XIX Century) ; publishing editor S.A. Koluntaev]. Moskva : Norma — Moscow : Norm, 2019. 672 s.
3. *Svedeniya i mnenie Glavnogo pristava nad kalmy`tskim narodom k.s. Strakhova o kalmy`tskom sude, imenuemom Zargo, podannoe gr. Gudovichu* [The Data and Opinion of the Chief Supervisor of the Kalmyk People Collegiate Counsellor Strakhov on the Kalmyk Court Named Zargo Submitted to Citizen Gudovich] // *Akty`, sobranny`e Kavkazskoy arkheograficheskoyu komissiey. Arkhiv Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo ; pod redaktsiey A.D. Berzhe* [Acts Collected by the Caucasus Archaeographic Commission. Archive of the Chief Directorate of the Caucasus Governor ; edited by A.D. Berzhe]. Tiflis : Tip. Glavnogo Upravleniya Namestnika Kavkazskogo — Tiflis : Printing office of the Chief Directorate of the Caucasus Governor, 1869. 760 s.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

тел. (495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)

К вопросу о первом Европейском парламенте: развитие сословно-представительных органов в Англии и Испании в XII–XIII вв.

Пашенцев Дмитрий Алексеевич,
заведующий отделом теории права
и междисциплинарных исследований законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета,
доктор юридических наук, профессор
theory8@izak.ru

Ситдикова Любовь Борисовна,
декан юридического факультета
Российского государственного социального университета,
профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Московского городского педагогического университета,
доктор юридических наук, профессор
lbsitdikova@mail.ru

В научной литературе нередко указывают, что первым Европейским парламентом был английский. Англия — признанная родина парламентаризма, демократии, прав человека и конституционализма. Соответствующий опыт Испании исследован гораздо меньше. В статье проводится сравнительный анализ двух европейских парламентов: английского и испанского. Сделан вывод о важной роли представительных учреждений в обеих странах.

Ключевые слова: Парламент, сословно-представительная система, Средневековье, Испания, Англия.

On the First European Parliament: The Development of Estate Representative Authorities in England and Spain in the XII to the XIII Centuries

Pashentsev Dmitriy A.
Head of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Research
of Legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under
the Government of the Russian Federation
Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Moscow City University
LL.D., Professor

Sitdikova Lyubov B.
Dean of the Law Faculty of the Russian State Social University
Professor of the Department of Civil and Legal Disciplines of the Moscow City University
LL.D., Professor

It is almost a commonplace that the first European Parliament was the English one. England is a recognized homeland of parliamentarism, democracy, human rights and constitutionalism. These qualities are attributed to England since the adoption of the Magna Carta. But is it a true? This article provides a comparative analysis of the two European parliaments, the English and the Spanish.

Keywords: Parliament, class-representative system, Middle ages, Spain, England.

В условиях политической нестабильности в современном мире и процессов глобальной турбулентности важное зна-

чение имеет переосмысление истории и сущности ряда устоявшихся и традиционных политико-правовых институ-

тов. Одним из таких институтов, которые считаются важным фактором демократического развития любого государства, выступает парламент. Прогноз перспективного развития парламентаризма возможен только на основе анализа исторических традиций его становления с привлечением новых данных и новой научной методологии.

Родиной современного парламентаризма обычно считается английский парламент XIII в. Однако известно, что органы власти, подобные парламентам, существовали еще в Древнем мире. Более того, представительная система власти — более ранняя, чем централизованная публичная власть, отделенная от общества. Если проследить историю развития государства, то можно увидеть, что в целом власть сначала развивалась в направлении жесткой централизации, а затем общественные силы (необязательно «народные массы», возможно, это были аристократические группы, желающие получить доступ к управлению) добивались (нередко с помощью насилия) достижения некоего компромисса. Далее мы рассмотрим историю становления парламента в Англии и Испании.

Такое сравнение обусловлено официальной датой возникновения последнего — в XII в., то есть на столетие раньше, чем официально признанный первый парламент (не говоря уже о представительных органах, типа скандинавских тингов или русского вече, которые возникали в процессе транзита от родоплеменного сообщества к государству). Целью сравнительного анализа можно считать выявление явных отличий между испанским и английским парламентом, чтобы более выпукло высветить правильность признания английского парламента первым европейским представительным органом современного типа, а также показать различие между рассматриваемыми парламентами и более ранними европейскими представительными органами.

Возникновение английского парламента стал прямым следствием принятия Великой хартии вольностей. А сам этот документ была следствием значимых со-

циальных конфликтов, противостояний между укрепляющейся королевской властью и властью аристократов и Церкви. В ней самой говорилось о том, что может быть собран некий совет, а в Оксфордских постановлениях 1258 г. подтверждалось, что трижды в год должен собираться Великий совет «для обсуждения нужд королевства»¹. Как писала Е.В. Гутнова, процесс формирования парламента в Англии в XIII в. от заседания узкого круга аристократов до более или менее сложившегося представительства разных сословий был довольно длительным².

В Испании парламент (кортесы) также возник вследствие усиливающейся конкуренции между крепнущей королевской властью и аристократией. Это был естественный процесс эволюции государства. В Леоне и Кастилии издавна существовали местные собрания, на которых присутствовали аристократы и церковники. Эта модель была использована в 1188 г. в Леоне, когда король пригласил участвовать в заседаниях довольно традиционного совета представителей городов. Название кортесов такие собрания получили несколько ранее, в 1137 г. В Кастилии такая форма политического участия появилась еще позже, к 1250 г., и по времени и по причинам появления парламентов в этих двух государствах, в общем-то, совпадает³. А.Р. Корсунский указал, что в Кастилии обращение к городам, помимо Церкви и аристократии, осуществлялось с 1170 г.⁴ В. Пискорский отнес возникновение первых кортесов к 1188 г.⁵ Поэтому первым парламентом все же по праву стоит считать испанский, но он возник не

¹ Грин Д.Р. История Англии и Английского народа. М. : Кучково поле, 2018. С. 161.

² Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.). М. : Изд-во Московского университета, 1960. С. 333.

³ Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. М. : Изд-во иностранной литературы, 1951. С. 185.

⁴ Корсунский А.Р. История Испании IX—XIII веков. М. : Высшая школа, 1976. С. 193—194.

⁵ Пискорский В. Кастильские кортесы в переходную эпоху от Средних веков к Новому времени (1188—1520). Киев : Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1897.

в Кастилии, которая в науке признается государствообразующим ядром будущей Испании.

Как в Англии, так и в Испании парламенты собирались на относительно регулярной основе. В обоих случаях их нельзя считать законодательными органами, хотя они могли оказывать довольно существенное влияние на принятие политических решений. И кортесы, и парламент в Англии могли консультировать короля по ряду вопросов, обсуждать важные вопросы внутривнутриполитической повестки. Они могли вносить предложения, но короли могли и не выполнять их, если на их стороне был перевес. Кстати, вероятно, именно поэтому представители сословий отбирались по уровню близости короне, хотя не всегда королям удавалось удерживать большинство своих сторонников. Времена были неспокойные, а потому нередко короли предпочитали уступать парламентам, предоставлять из больше вольности в решении важных вопросов.

Представители сословий в кортесах заседали раздельно. Между ними поддерживалась связь с помощью посредников. Они же передавали решения парламента королю. Могли создаваться смешанные заседания. Король, как правило, присутствовал на первом и последнем заседании, где произносил речь. В английском парламенте, что очевидно для феодального общества, представители сословий также заседали раздельно. Представители городов, правда, со временем слились с мелким дворянством. Все это не позволяет сделать вывод о том, что решения принимались на пользу всего населения. Как в Англии, так и в Испании представители разных сословий пытались оказать влияние на власть с целью получения определенных сословных преференций. Именно поэтому ни в одной стране возникновение сословно-представительного строя не вело к демократическому устройству, а, напротив, логично шло к абсолютизму. Так, кстати, произошло и в России. Это логика политико-правового развития европейского государства.

В Испании того времени еще не сложилось единое законодательство, а потому парламент не сразу приобрел законодательные права: они не принадлежали даже королю, поскольку главную роль играло местное и обычное право. Однако в XIII в. короли стали пытаться создать единую правовую систему. Весьма вероятно, что кортесы возникли и оформились как сословно-представительный орган в логике этого политико-правового процесса. Королям нужен был орган, в котором они могли транслировать и обсуждать правовые установления, которые должны были передаваться вместе с представителями сословий назад на места. На это указывает и мнение о том, что роль английского парламента часто сводилась к интерпретации и разъяснению королевских законов на местах⁶.

В Англии в первое время своего существования парламент также не имел в руках инструменты давления на короля. Это была лишь попытка ограничения и произвола. В сфере управления: принятие законов, осуществление судопроизводства, объявление войны и заключение мира, установление налогов (что, впрочем, контролировалось парламентом), король мог действовать помимо воли и интересов представителей сословий. Но в то же время парламент связывал королю руки, поскольку он уже не мог принимать решения по любому вопросу столь свободно, не рискуя навлечь на себя недовольство представителей разных сословий.

В любом случае это миф, что английский парламент был особым и коренным образом отличался (в лучшую, разумеется, сторону) от своих континентальных коллег. Он не представлял собой «органический союз государства и общества»⁷, как его нередко пытаются преподнести. Это была еще одна из многих локальных попыток противодействовать централизации государства и формированию феномена, называемого публичной властью. По сути, это даже можно считать

⁶ Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 421.

⁷ Там же. С. 419.

определенным тормозом в развитии государства, хотя и достаточно демократичным с точки зрения современности. Собственно, много позже было заявлено, что парламент в Англии — это первая попытка реализовать принцип разделения властей⁸. Ш. Пти-Дютайи, не заинтересованный в восхвалении английского парламента, показал, что первые парламенты созывались, чтобы короли могли решить личные вопросы, заключив временные союзы с самыми «лояльными и благоразумными» представителями сословий⁹. Это та же цель, ради которой созывались и другие европейские парламенты, в частности кортесы в Испании. В Испании король и представители сословий давали друг другу взаимную клятву о сотрудничестве¹⁰. Первый английский парламент был создан во время мятежа против короля, когда он вынужден был подчиниться восставшим и поклялся не принимать никаких решений, не посоветовавшись с двадцатью четырьмя мудрыми людьми¹¹. В дальнейшем короли не были связаны этой клятвой, данной под нажимом вооруженных людей.

По результатам проведенного небольшого исследования можно сделать ряд выводов.

Во-первых, нужно понимать, что ни английский, ни испанский парламенты в период своего возникновения вряд ли можно считать «колыбелью современной демократии». Они не были органами широкого, тем более всенародного представительства, и в этом они отстают даже от Земских соборов, которые исследователи не стремятся определить как демократический орган. Общественные интересы они, конечно, не выражали. В общем, в этом не было необходимости, поскольку нации в тот период

еще не сложились (вряд ли можно согласиться с мнением о том, что формирование парламента в Англии привело к образованию нации и началась «новая Англия, конституционная Англия нашего времени»¹²).

Во всех случаях нужно понимать, что в феодальном обществе документы не составлялись на историческую перспективу (как не составляются и сейчас). Потому, вероятно, можно согласиться с И.М. Астафьевым, который в своей статье рассматривает ту же Великую хартию вольностей, положившую начало английскому парламентаризму, как локальный документ о пожаловании определенных привилегий и неприкосновенности баронам и Церкви, а не как прообраз конституции и демократии¹³, став «фактором превращения Англии в демократическое государство»¹⁴. Д.М. Петрушевский заметил, что политические решения того времени весьма конкретны и далеки от провозглашения прав и свобод человека и гражданина¹⁵.

Во-вторых, нужно остерегаться переноса современных понятий о политико-правовой системе на средневековые концепты. Это одна из распространенных ошибок, именуемых «презентизмом». Наверное, не имеет смысла укорять английский и испанский средневековые парламенты за то, что они не допускали представления интересов всех слоев общества, такая идея для феодального общества выглядит как нонсенс, несмотря на то что горожане и крестьяне (в меньшей степени) в Испании, объединившись, могли противостоять складывающейся государственной системе. Ряд вольных городов посылали в кортесы своих представителей. Некоторые исследователи считают, что именно парламент Испании стал местом, где разрешались конфликты между представителями

⁸ Там же.

⁹ Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X—XIII веков. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. С. 309.

¹⁰ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 193.

¹¹ Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. М., 1937. С. 136.

¹² Грин Д.Р. Указ. соч. С. 176.

¹³ Астафьев И.М. Великая хартия 1215 г.: английский миф // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. № 11. С. 318–324.

¹⁴ Дэниел К. Англия. История страны. М.; СПб., 2007. С. 136.

¹⁵ Петрушевский Д.М. Указ. соч. С. 140.

светской и духовной аристократии и городами¹⁶. В Англии в 1265 г. также была сделана попытка включить в состав парламента представителей от купеческого сословия и позволить им заседать рядом с рыцарями, баронами и церковниками¹⁷. Некоторые исследователи предполагают, что именно в испанском парламенте впервые появились представители сельских общин¹⁸.

Оба парламента — испанский и английский — сыграли важную роль в эволюции государства. Они способствовали становлению более сбалансированной системы, в рамках которой противоречия между королем и аристократическими группировками сглаживались, и они могли достигать компромисса. Это, несомненно, укрепляло формирующееся государство. В Англии, как указы-

вает В.А. Томсинов, постепенно произошло фактическое «сращивание» короля и парламента и образование «короля-в-парламенте» как высшего органа власти. Все важнейшие решения король принимал только вместе с парламентом, и именно в парламенте заключалась высшая власть короля¹⁹.

И в Англии, и в Испании парламента сыграли важную историческую роль, способствуя на определенном этапе консолидации властных элит, укреплению государственного механизма, формированию нации как социального конструкта. Были заложены те традиции развития государственно-правовой системы, сущностные характеристики которых отчасти наблюдаются и в современных условиях.

¹⁶ Корсунский А.Р. Указ. соч. С. 200.

¹⁷ Грин Д.Р. Указ. соч. С. 165.

¹⁸ Корсунский А.Р. Указ. соч. ; Кудрявцев А.Е. История Испании в средние века. Л., 1937.

¹⁹ Томсинов В.А. Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер. : Юридические науки. 2014. № 4. С. 41–42.

Литература

1. Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании / Р. Альтамира-и-Кревеа. Москва : Изд-во иностранной литературы, 1951. 519 с.
2. Астафьев И.М. Великая хартия 1215 г.: английский миф / И.М. Астафьев // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 11. С. 318–324.
3. Грин Д.Р. История Англии и Английского народа / Д.Р. Грин. Москва : Кучково поле, 2018. 896 с.
4. Гутнова Е.В. Возникновение английского парламента (из истории английского общества и государства XIII в.) / Е.В. Гутнова. Москва : Изд-во Московского университета, 1960. 580 с.
5. Дэниел К. Англия. История страны / К. Дэниел. Москва : Эксмо ; Санкт-Петербург : Мидгард, 2007. 480 с.
6. Корсунский А.Р. История Испании IX–XIII веков / А.Р. Корсунский. Москва : Высшая школа, 1976. 239 с.
7. Кудрявцев А.Е. История Испании в средние века / А.Е. Кудрявцев. Ленинград : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 250 с.
8. Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века / Д.М. Петрушевский. Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 224 с.
9. Пискорский В. Кастильские кортесы в переходную эпоху от Средних веков к Новому времени (1188–1520) / В. Пискорский. Киев : Тип. Императорского университета Св. Владимира, 1897. 185 с.
10. Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии X–XIII веков / Ш. Пти-Дютайи. Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 424 с.

11. Томсинов В.А. Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд / В.А. Томсинов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 4. С. 41–42.

References

1. Altamira y Crevea R. Istoriya Ispanii [A History of Spain] / R. Altamira y Crevea. Moskva : Izd-vo inostrannoy literatury` — Moscow : Publishing House of Foreign Literature, 1951. 519 s.
2. Astafyev I.M. Velikaya khartiya 1215 g.: angliyskiy mif [The Great Charter of 1215: The English Myth] / I.M. Astafyev // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e nauki — Bulletin of the Tambov University. Series: The Humanities. 2009. № 11. S. 318–324.
3. Grin D.R. Istoriya Anglii i Angliyskogo naroda [The History of England and the English People] / D.R. Grin. Moskva : Kuchkovo pole — Moscow : Kuchkov Field, 2018. 896 s.
4. Gutnova E.V. Vozniknovenie angliyskogo parlamenta (iz istorii angliyskogo obschestva i gosudarstva XIII v.) [The Origination of English Parliament (from the History of the English Society and State of the XIII Century)] / E.V. Gutnova. Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta — Moscow : Publishing house of the Moscow University, 1960. 580 s.
5. Daniel K. Angliya. Istoriya strany` [England: History of the Country] / K. Daniel. Moskva : Eksmo ; Sankt-Peterburg : Midrard — Moscow : Eksmo ; Saint Petersburg : Midrard, 2007. 480 s.
6. Korsunskiy A.R. Istoriya Ispanii IX–XIII vekov [The Spanish History in the IX to the XIII Century] / A.R. Korsunskiy. Moskva : Vy`sshaya shkola — Moscow : Higher School, 1976. 239 s.
7. Kudryavtsev A.E. Istoriya Ispanii v srednie veka [The Spanish History in the Middle Ages] / A.E. Kudryavtsev. Leningrad : Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo — Leningrad : State Socioeconomic Publishing House, 1937. 250 s.
8. Petrushevskiy D.M. Ocherki iz istorii angliyskogo gosudarstva i obschestva v Srednie veka [Sketches of the History of the English State and Society in the Middle Ages] / D.M. Petrushevskiy. Moskva : Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo — Moscow : State Socioeconomic Publishing House, 1937. 224 s.
9. Piskorskiy V. Kastilskie kortesy` v perekhodnuyu epokhu ot Srednikh vekov k Novomu vremeni (1188–1520) [The Cortes of Castile in the Epoch of Transition from the Middle Ages to the Modern Times (1188 to 1520)] / V. Piskorskiy. Kiev : Tip. Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira — Kiev : Printing office of the Saint Vladimir Imperial University, 1897. 185 s.
10. Petit-Dutaillis C. Feodalnaya monarkhiya vo Frantsii i Anglii KH–XIII vekov [The Feudal Monarchy in France and England: From the Tenth to the Thirteenth Century] / C. Petit-Dutaillis. Moskva : Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo — Moscow : State Socioeconomic Publishing House, 1938. 424 s.
11. Tomsinov V.A. Gosudarstvenny`y stroy absolyutnoy monarkhii v Anglii: novy`y vzglyad [The State Structure of the Absolute Monarchy in England: A New View] / V.A. Tomsinov // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki — Bulletin of the Moscow City University. Series: Legal Sciences. 2014. № 4. S. 41–42.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов,
можно обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08
или по e-mail: avtor@lawinfo.ru

DOI: 10.18572/1812-3805-2020-12-61-67

Гражданство: через призму римской античности к осмыслению в современности

Дрогавцева Екатерина Александровна,
 адъюнкт кафедры конституционного и международного права
 Санкт-Петербургского университета
 Министерства внутренних дел Российской Федерации
 ekaterina-rhcp@mail.ru

Статья посвящена теоретическому осмыслению характерных основополагающих черт гражданства как исключительной правовой формы, прототипом которой являлось римское гражданство. Ведь именно Древний Рим выступал и продолжает оставаться образцом в государственном строительстве. Анализ и проведение параллелей между современным состоянием института гражданства и гражданством римской античности способствуют выявлению положительных тенденций развития и пониманию сущности, ключевой роли данного института конституционного права как уникального многоаспектного явления. Изучение юридического опыта и наследия Древнего Рима, обращение к истокам необходимо для разрешения коллизий законодательства и определения направлений развития и постановки приоритетных задач в сфере конституционно-правового регулирования сферы гражданства.

Ключевые слова: гражданство, римское гражданство, принцип права крови, принцип права почвы, филиация, натурализация.

Citizenship: Through the Lens of Roman Antiquity to Understanding of the Modern Times

Drogavtseva Ekaterina A.
 Junior Scientific Assistant of the Department of Constitutional and International Law
 of the Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The article is devoted to the theoretical understanding of the characteristic fundamental features of citizenship as an exclusive legal form, the prototype of which was Roman citizenship. In fact, Ancient Rome was and continues to be a role model in state building. Analysis and drawing Parallels between the current state of the institution of citizenship and the citizenship of Roman antiquity helps to identify positive trends in development and understand the essence and key role of this institution of constitutional law as a unique multidimensional phenomenon. The study of the legal experience and heritage of Ancient Rome, an appeal to the origins, are necessary to resolve conflicts of legislation and determine the right direction of development and the correct setting of priorities in the field of constitutional and legal regulation in the sphere of citizenship.

Keywords: citizenship, Roman citizenship, the principle of the right of blood, principle of the right of soil, filiation, naturalization.

Определение содержания, правовых границ и вектора развития гражданства, его характерных черт и свойств — важная и противоречивая проблема науки конституционного права.

Первоначально представляется целесообразным обратиться к истокам данного правового феномена, к гражданству римской античности, к его характерным чертам, которые определяют смысловое конституционно-правовое содержание. Существует мнение, согласно которому гражданство следует рассматривать как феномен модерна,

не имеющий в современном понимании связи с античностью¹. В качестве обоснования указанной позиции выступает различие в содержательном компоненте данного термина в зависимости от исторической эпохи и, соответственно, развития института государственности. Такой односторонний метафизический

¹ Малахов В.С. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение : сб. ст. / под общ. ред. В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. Минск : Канон+, 2013. С. 6.

подход, явно акцентирующий внимание на современном универсальном понимании проблематики сущности гражданства, представляется недостаточно обоснованным. Ведь научный интерес представляет и сама форма как эталон, правовой прототип.

Государственная сущность, как особая форма человеческой организации и публичной власти, современного и древнего государства, едина². Гражданство — это важнейший организационный элемент, неотъемлемый признак государства. Соответственно, и суть юридической формы гражданства также представляется неразделимой, общей в древние времена и в современности. Выявление адаптационных параллелей необходимо для выявления положительных тенденций в развитии института гражданства в Древнем Риме с целью сравнения с действующим законодательством.

Обратимся к истокам и историческим предпосылкам, способствующим возникновению юридической категории гражданства в Древнем Риме. В IV—III вв. до н.э. сословные отличия между патрициями и плебеями приобрели нечеткий характер, процесс становления государственности как качественной характеристики римского общества находился на завершающем этапе. Гражданство как конкретно-историческое явление предстает неотъемлемым атрибутом государственной организации именно в этот период, когда деление на классы перерастает в новое деление по критерию принадлежности к конкретному государству. Но, естественно, социальная стратификация не исчезает с появлением и развитием института гражданства.

Государственность Древнего Рима, несомненно, являлась примером в государственном строительстве в последующие исторические периоды. Здесь необходимо отметить идею, послужившую

отправной точкой для разделения населения на патрициев и плебеев (институт гражданства в данный период не был сформирован). Первоначально патриции не являлись господствующим классом по критерию материальной обеспеченности, не являлись «господами», на что делался акцент в научной литературе советского периода³. Патриции являлись коренными жителями Рима и, соответственно, поэтому обладали полным объемом прав⁴. Впоследствии такой порядок «наследования» прав до их эволюции в институт гражданства, а затем и один из принципов определения гражданства в порядке филиации (в силу рождения) получил название «принцип права крови» (*jus sanguinis*). Принцип права почвы (*jus soli*), согласно которому определяющим фактором при определении наличия гражданства является место рождения ребенка без учета гражданской принадлежности родителей, не был характерен для Древнего Рима.

На XIII Международном конгрессе исторических наук во Франции В. Сестон делал акцент на личном характере римского гражданства: не территория фиксирует статус римского гражданина (*civis Romanus*), а право, и на начальных этапах развития римского гражданства религия и социальная обстановка не являлись факторами, способствующими исключению кого-либо из него как из института, имеющего неформализованную юридическую природу⁵. В подтверждение этого можно указать изначальное единственное условие приобретения римского гражданства в результате филиации — рождение ребенка от «правильного» брака (*connubium* или *conubium*) римских граждан, т.е. законного брака между лицами, обладающими *jus connubii* — правом на брак.

³ Шариф М.А. Гражданином быть обязан. М. : Московский рабочий, 1972. С. 6.

⁴ Покровский И.А. История римского права. СПб. : Летний сад, 1998. С. 34.

⁵ Сестон В. Римское гражданство // Доклады XIII Международного конгресса исторических наук (г. Москва, 16–23 августа 1970 г.), секция 68. М. : Наука, 1970. С. 5.

² Ромашов Р.А. Политогенез: Храм — Πόλις — Государство — State. СПб. : Алетейя, 2020. С. 39.

В I в. до н.э. даже дети римской гражданки, которая не состояла в браке с римским гражданином, не наследовали прав гражданства⁶. Позднее в результате трансформации правовых норм право крови распространилось на такую категорию детей. Таким образом, *jus sanguinis* было сопряжено с дополнительным условием в виде законного римского брака, что, в свою очередь, подчеркивает *привилегированный, исключительный и индивидуальный характер римского гражданства на этапе зарождения*.

Обращаясь к истории становления государственности современных держав, можно выделить две классические биполярные позиции государств на западе и востоке Европы в отношении применения принципов права крови и почвы при филиации — Франции и Германии. На западе Франция изначально стремилась к ассимиляции, и гражданство получали все иностранные граждане, местом рождения которых являлась французская земля, т.е. преобладало право почвы. Но следует отметить, что впоследствии положения французского законодательства в отношении приобретения гражданства в порядке *jus soli* претерпели значительные изменения. Появился ряд условий для приобретения гражданства по рождению ребенком, родившимся у иностранных граждан на территории Франции после 1 января 1994 г.

Например, сам несовершеннолетний при достижении 16-летнего возраста вплоть до 18 лет вправе «попросить» французское гражданство, если он проживает во Франции с 11 лет и при этом не менее пяти лет. При таком условии до 16 лет ребенок пребывает в правовом статусе иностранного гражданина. В Германии, на востоке, в связи с приоритетом мировоззрения этнической исключительности, напротив, доминировал принцип права крови, согласно которому потомки граждан Германии приобре-

тали гражданство по факту рождения, а дети, родившиеся на территории Германии, родителями которых являлись иностранные граждане, не признавались гражданами по рождению⁷.

Рассмотрим опыт России, начиная с законодательных актов СССР. Пунктом 7 Положения о гражданстве Союза ССР 1931 г.⁸ в основу определения гражданства СССР по рождению был положен принцип права крови, т.е. ребенок приобретал гражданство Советского Союза, если он был рожден от граждан СССР либо его единственный родитель состоял в гражданстве СССР. Причем в тексте документа отсутствовало указание на распространение действия данной правовой нормы на детей, рожденных вне границ СССР. Остается только предполагать, каким образом советский законодатель начала 30-х гг. XX столетия позволял применить исследуемое положение по отношению к детям, которые родились на территории иностранного государства, вне независимости от их места рождения без дополнительного применения принципа права почвы или нет. Вместе с тем приоритет применения принципа крови в законодательстве о гражданстве СССР начала 1930-х гг. перечеркивается нормой, предусмотренной п. 3 того же Положения о гражданстве Союза ССР.

Гражданином СССР в соответствии с диспозицией п. 3 признавалось любое лицо, находящееся на территории Советского Союза. Единственным условием такого признания служило отсутствие доказательств принадлежности к гражданству иного государства. Таким образом, фактически любое лицо, находящееся на территории СССР, могло беспрепятственно получить статус советского гражданина. Натурализацию заменяла упрощенная легализация

⁶ Всеобщая история государства и права : в 2 т. / под ред. В.А. Томсинова. М. : Зерцало-М, 2002. Т. 1. С. 209.

⁷ Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 18.

⁸ Положение о гражданстве Союза ССР от 22 апреля 1931 г. // СЗ СССР. 1931. № 24. Ст. 196. (Утратило силу.)

путем произвольного признания наличия гражданства без каких-либо определенных требований.

Ввиду взаимоисключений, содержащихся в основах законодательства о гражданстве, принцип права почвы стал играть первостепенную роль. При этом фактически такое понятие римского права, как *jus soli*, включило в себя понятие *jus sanguinis*, так как были стерты грани между филиацией и юридическим процессом натурализации. Свойственная исключительно филиации форма *jus soli* стала мутированным видом автоматической натурализации, так как последняя утратила свою юридическую сущность, которая, прежде всего, заключается в соблюдении установленных требований и, как следствие, процедуры приобретения гражданства. Проводя параллель с Древним Римом, необходимо отметить, что даже на раннем этапе становления государственности существовали определенные требования для надления лиц, не состоящих в исконной римской общине, квинритским правом. Общеизвестно то, что первоначально квинритами называли исключительно римских граждан. Например, одним из оснований для приобретения латином квинритского права являлось наличие у него мельницы, которую он содержал в Риме на протяжении трех лет и вырабатывающую не менее 100 мер хлеба ежедневно⁹. Уже в этот период времени натурализация в классическом понимании хотя и не носила формализованный характер, но предусматривала условия и была регламентирована в источниках римского права.

Только Закон СССР «О гражданстве СССР» 1938 г., определяющий индивидуальный порядок приема в гражданство Советского государства¹⁰, несмотря на лаконичное сжатое содержание, закрепил материальные нормы натурализации (ст. 3), тем самым вернув это-

му понятию свою юридическую природу. Лица, находящиеся на территории СССР и не имеющие доказательств принадлежности к гражданству иностранного государства, согласно Закону 1938 г., действующему вплоть до 1 июля 1979 г., более автоматически не признавались гражданами СССР, а получали новый для советской правовой системы статус — статус лиц без гражданства (ст. 8 Закона СССР «О гражданстве СССР» от 19.08.1938)¹¹.

В современном законодательстве России преобладает принцип права крови, но действуют отдельные положения, отвечающие принципу права почвы при определении гражданства ребенка в порядке филиации. Основания приобретения гражданства России по рождению определены в ст. 12 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (далее — Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации»)¹². Так, принцип права крови подлежит реализации в «чистом» виде в п. «а» и «б» ч. 1 ст. 12 указанного Федерального закона, согласно которым независимо от места рождения ребенок приобретает гражданство Российской Федерации в случаях, когда оба родителя (единственный родитель — римская правовая система признала данное условие в качестве основания приобретения гражданства в порядке *jus sanguinis* только в период империи) имеют гражданство Российской Федерации либо когда один из родителей является российским гражданином, а другой имеет статус лица без гражданства или признан в установленном порядке безвестно отсутствующим или его местонахождение неизвестно.

Смешение принципов права крови и права почвы находит отражение в поло-

⁹ Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дагесты Юстиниана. М.: Зерцало, 1997. С. 22.

¹⁰ Шариф М.А. Указ. соч. С. 22.

¹¹ Закон СССР от 19 августа 1938 г. «О гражданстве Союза Советских Социалистических Республик» // ВВС СССР. 1938. № 11. Ст. 5470. (Утратил силу.)

¹² Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

жении п. «в» ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», в котором помимо условия о наличии российского гражданства одного из родителей при их различном гражданстве требуется учет фактора права почвы, т.е. юридического факта-события, а именно рождение ребенка на территории России. Указанное условие о месте рождения (территория Российской Федерации) не является обязательным только в случае непредставления ребенку гражданства иностранного государства, на территории которого он родился или гражданином которого является один из его родителей, состоящий в отличном от российского гражданстве.

Принцип права почвы закреплен в п. «г» ч. 1 ст. 12 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», а также в ч. 2 данной статьи. Но *jus soli* в традиционном понимании применяется только в отношении ребенка, оба родителя (единственный родитель) которого являются апатридами и, соответственно, проживают на территории России на момент его рождения. В иных случаях законодатель устанавливает ограничения. Ребенок, рожденный от иностранных граждан, признается гражданином России исключительно в случае, если государство гражданской принадлежности его родителей или единственного родителя отказывается в предоставлении гражданства.

Часть 2 ст. 12 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» предусматривает применение принципа права почвы в отношении ребенка, родители которого неизвестны. Но при этом должно быть соблюдено требование — шестимесячный период их отсутствия с момента обнаружения ребенка. Таким образом, в российском законодательстве принцип права почвы применяется со значительными отклонениями от его классического понимания. Представляется обоснованным сделать вывод о том, что применение *jus soli* в России обусловлено только гуманными мотивами и поддержанием всемирной тенден-

ции, заключающейся в сокращении числа лиц, находящихся в статусе апатрида.

Сокращение количества лиц без гражданства является также одним из основополагающих принципов, которым должны отвечать правовые нормы, касающиеся гражданства. Этот важнейший принцип нашел отражение не только в российском национальном законодательстве (см. ч. 6 ст. 4 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»), но и, прежде всего, в источниках международного права (см., например: п. «b» ст. 4 Европейской конвенции о гражданстве¹³ — Россия подписала данную конвенцию 06.11.1997, но не ратифицировала, причем текст законопроекта Федерального закона № 98097561-2 «О ратификации Европейской конвенции о гражданстве» был внесен на рассмотрение в ГД ФС РФ 30.11.1998, а 04.04.2017 снят с рассмотрения Государственной Думой РФ по предложению Комитета Государственной Думы по международным делам в связи с отзывом Президентом Российской Федерации; ст. 1 Конвенции о сокращении числа случаев безгражданства¹⁴ — Россия не входит в число государств, подписавших указанную Конвенцию).

Но, несмотря на отсутствие ратификации указанных международно-правовых актов со стороны нашего государства, Россия придерживается основополагающей идеи, касающейся сокращения числа лиц, находящихся в статусе безгражданства. Именно реализация данного принципа и способствовала натурализации апатридов, когда Федеральным законом от 12 ноября 2012 г. № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О гражданстве Российской Федерации“»¹⁵ в 2012 г. была

¹³ Европейская конвенция о гражданстве (закл. в г. Страсбурге 06.11.1997). URL: www.lawmix.ru

¹⁴ Конвенция о сокращении числа случаев безгражданства (закл. в г. Берне 13.09.1973). URL: www.lawmix.ru

¹⁵ Федеральный закон от 12 ноября 2012 г. № 182-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О гражданстве Российской Федерации“» // СЗ РФ. 2012. № 47. Ст. 6393.

введена ранее не имевшая прецедентов глава VIII.1 «Урегулирование правового статуса отдельных категорий лиц, находящихся на территории Российской Федерации».

Нововведения в основе своей были направлены на легализацию лиц с неопределенным правовым статусом, не имеющих доказательств принадлежности к гражданству какого-либо государства и длительное время проживающих на территории России. Такая категория лиц и, к сожалению, уже не одного поколения — наиболее уязвимый пробел в правовом регулировании, образовавшемся после распада Советского Союза. При этом при определении гражданской принадлежности уже их детей и даже внуков принцип права крови не подлежит применению, а принцип права почвы также не в полной мере и не во всех случаях отвечает возникшей правовой неопределенности.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Относительно правовых систем Франции, Германии и России в определении приоритета в выборе между *jus sanguinis* и *jus soli* при филиации в современное время доминирует принцип права крови. Ос-

новной задачей и обоснованием применения *jus soli* в вопросах гражданства является соблюдение принципа гуманизма и с многочисленными исключениями, о чем свидетельствует постепенное отступление от его использования в классической интерпретации. Таким образом, мы наблюдаем тенденцию репатриации правовых норм, касающихся вопросов гражданства, возвращение к изначальной позиции родины института гражданства — Древнего Рима.

Опыт тотального применения принципа права почвы в отношении детей иностранных граждан ставит под угрозу саму сущность правовой категории гражданства, заложенный римлянами. Следуя законам логики, можно ориентироваться на то, что в основе правовой формы гражданства лежит государственно-гражданская идентичность, которую определяет исключительный индивидуальный правовой подход. Сказанное, в свою очередь, требует определенных оговорок. Ключевая роль гражданской идентичности не должна привести к атипичной модификации в виде болезненной нетерпимости как признака дискриминации при решении вопросов гражданства.

Литература

1. Всеобщая история государства и права. В 2 томах. Т. 1. Древний мир и средние века / под редакцией В.А. Томсинова. Москва : Зерцало-М, 2011. 640 с.
2. Лор Э. Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу / Э. Лор. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. 336 с.
3. Малахов В.С. Гражданство как концепт и институт: что, как и зачем изучать / В.С. Малахов // Гражданство и иммиграция: концептуальное, историческое и институциональное измерение : сборник статей / под общей редакцией В.С. Малахова, А.Ф. Яковлевой. Минск : Канон+, 2013. 318 с.
4. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дагесты Юстиниана. Москва : Зерцало, 1997. 608 с.
5. Покровский И.А. История римского права / И.А. Покровский. Санкт-Петербург : Летний сад, 1998. 560 с.
6. Ромашов Р.А. Политогенез: Храм — Πόλις — Государство — State / Р.А. Ромашов. Санкт-Петербург : Алетейя, 2020. 400 с.
7. Сестон В. Римское гражданство / В. Сестон // Доклады XIII Международного конгресса исторических наук (г. Москва, 16–23 августа 1970 г.), секция 68. Москва : Наука, 1970. С. 5–9.

8. Шариф М.А. Гражданином быть обязан / М.А. Шариф. Москва : Московский рабочий, 1972. 96 с.

References

1. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava. V 2 tomakh. T. 1. Drevniy mir i srednie veka ; pod redaktsiyey V.A. Tomsinova [The World History of State and Law. In 2 volumes. Vol. 1. The Ancient World and the Middle Ages ; edited by V.A. Tomsinov]. Moskva : Zertsalo-M — Moscow : Mirror-M, 2011. 640 s.
2. Lor E. Rossiyskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskomu Soyuzu [Russian Citizenship: From the Empire to the Soviet Union] / E. Lor. Moskva : Novoe literaturnoe obozrenie — Moscow : New Literary Overview, 2017. 336 s.
3. Malakhov V.S. Grazhdanstvo kak kontsept i institut: chto, kak i zachem izuchat [Citizenship as a Concept and an Institution: What to Study, How and Why] / V.S. Malakhov // Grazhdanstvo i immigratsiya: kontseptualnoe, istoricheskoe i institutsionalnoe izmerenie : sbornik statey ; pod obschey redaktsiyey V.S. Malakhova, A.F. Yakovlevoy [Citizenship and Immigration: A Conceptual, Historical and Institutional Dimension : collection of articles ; under the general editorship of V.S. Malakhov, A.F. Yakovleva]. Minsk : Kanon+ — Minsk : Kanon+, 2013. 318 s.
4. Pamyatniki rimskogo prava: Zakony` XII tablits. Institutsii Gaya. Dagesty` Yustiniana [Roman Law Monuments: The Law of the Twelve Tables. The Institutes of Gaius. The Digest of Justinian]. Moskva : Zertsalo — Moscow : Mirror, 1997. 608 s.
5. Pokrovskiy I.A. Istoriya rimskogo prava [The Roman Law History] / I.A. Pokrovskiy. Sankt-Peterburg : Letniy sad — Saint Petersburg : Summer Garden, 1998. 560 s.
6. Romashov R.A. Politogenez: Khram — Póλις — Gosudarstvo — State [Politogenesis: Church — Polis — State — State] / R.A. Romashov. Sankt-Peterburg : Aleteya — Saint Petersburg : Aletheia, 2020. 400 s.
7. Seston V. Rimskoe grazhdanstvo [Roman Citizenship] / V. Seston // Doklady` XIII Mezhdunarodnogo kongressa istoricheskikh nauk (g. Moskva, 16–23 avgusta 1970 g.), sektsiya 68 [Speeches of the XIII International Congress of Historical Sciences (Moscow, August 16 to 23, 1979), section 68]. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1970. S. 5–9.
8. Sharif M.A. Grazhdaninom by`t obyazan [Obliged to Be a Citizen] / M.A. Sharif. Moskva : Moskovskiy rabochiy — Moscow : Moscow Worker, 1972. 96 s.

Уважаемые авторы!

Обращаем ваше внимание на следующие пункты:

- Нельзя предоставлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале.
- Соавторами статьи должны быть указаны все лица, внесшие существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.
- Если вы обнаружили существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после ее опубликования, необходимо как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала.

Юридические курсы как форма ускоренной подготовки кадров судей в период НЭПа

Филонова Олина Игоревна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Курганского государственного университета,
кандидат исторических наук,
кандидат юридических наук
filonova2006@mail.ru

Статья посвящена проблемам профессиональной подготовки советских судей в период НЭПа. Анализируется нормативно-правовая база организации и функционирования юридических курсов, прослеживается динамика кадрового состава судов по уровню образования. Подготовка работников юстиции велась на юридических курсах: Высших годичных, областных (губернских) шестимесячных, краткосрочных (трехмесячных). Циркуляры Народного Комиссариата Юстиции закрепляли содержание образовательной программы юридических курсов, статус курсантов и вопросы их материального обеспечения. Прохождение обучения позволяло слушателям юридических курсов замещать должности судей. Большая потребность в судьях и высокая текучесть судебных кадров обуславливали нехватку курсантов для заполнения личного состава судов. К 1929 г. лишь 10% судей имели теоретическую подготовку — окончили юридические курсы.

Ключевые слова: судья, юридические курсы, юридическое образование, кадровый состав суда, профессиональная подготовка, советская государственность.

Legal Courses as a Form of Accelerated Training of Judges in the Period of the New Economic Policy

Filonova Olina I.
Associate Professor of the Department of Theory and History
of State and Law of the Kurgan State University
PhD (History), PhD (Law)

The article is devoted to the problems of professional training of Soviet judges during the new economic policy period. The legal normative base of the organization and functioning of legal courses is analyzed, the dynamics of the personnel of the courts by the level of education is traced. The training of justice staff was carried out at legal courses: the highest one-year, regional six-month, short-term (three-month). Circular orders of the Commissariat of Justice defined the content of the educational program of legal courses, the status of student and their material support. The training allowed students of legal courses to become a judge. The big need for judges and the high staff of the court turnover caused a deficit of student to fill the personnel of the courts. By 1929, only 10 percent of judges had theoretical training — graduated from legal courses.

Keywords: judge, legal courses, legal education, staff of the court, professional training, Soviet statehood.

С начала строительства советской государственности к судьям не предъявлялись требования, связанные с уровнем образования — как общего, так и профессионального. С переходом страны к НЭПу появилась потребность в замене прямого применения революционного правосознания при решении правовых вопросов на нормативизм, но для судей по-прежнему образовательный ценз законодательно не закреплялся.

Вместе с тем развитие законодательства вызвало необходимость юридической подготовки судей, причем в ускоренном порядке, так как большинство юристов, получивших образование в дореволюционный период, не могли занять должность судьи, поскольку не соответствовали требованию по социальному происхождению быть трудящимися. Выдвиженцам из числа рабочих и беднейшего крестьянства приходилось

повышать образовательный уровень¹. Государственные органы начали принимать меры для создания системы подготовки кадров органов юстиции.

Первый значимый нормативный акт в сфере подготовки судебных кадров — Декрет Совета Народных Комиссаров (СНК) РСФСР от 4 марта 1921 г. «О порядке организации факультетов общественных наук Российских университетов», в ст. 2 которого было закреплено, что в нормальный состав факультетов общественных наук Российских университетов, наряду с экономическим и общественно-педагогическим отделениями, входит правовое отделение с циклом: судебным и административным². Прием на факультеты общественных наук осуществлялся по направлениям партийных и советских органов.

Вопросами юридического образования занимался не только Народный Комиссариат Просвещения РСФСР (точнее, входящий в его состав Главный комитет профессионально-технического образования), но и Народный Комиссариат Юстиции (НКЮ) РСФСР, что являлось особенностью исследуемого исторического периода. Руководящую роль в образовательном процессе играли высшие советские и партийные органы. Исходившие от РКП(б), ВКП(б) акты имели большую значимость для правовой системы советского общества³.

Вводя в действие Положение о судоустройстве от 11 ноября 1922 г., ВЦИК, «озабочиваясь поднятием на должностную высоту личного состава судебных работников», поставил перед Наркоматом Юстиции и Главпрофобром (Главным комитетом профессионально-технического образования) зада-

чу разработать и внести в СНК РСФСР законопроект об открытии высшей юридической школы в г. Москве и не менее 10 юридических школ на местах в 1923 г. для своевременной подготовки достаточного числа опытных судебных работников⁴.

Поскольку вузы были не в состоянии дать в короткое время необходимое количество теоретически подготовленных кадров судей, а потребность в них была огромна, Постановлением СНК определялось открыть Высшие юридические курсы в г. Москве для подготовки высшего персонала юстиции и 10 областных юридических курсов в определенных Народными Комиссариатами Просвещения и Юстиции пунктах с целью подготовки народных судей и следователей с годичным сроком обучения. Постановлением устанавливалась численность курсантов: 70 слушателей на Высших курсах и 1 250 слушателей на областных⁵.

Практическая реализация Постановления «Об открытии юридических курсов» осуществлялась достаточно оперативно, и к середине 1923 г. были учреждены Высшие юридические курсы в г. Москве и 9 областных юридических школ с годичным сроком обучения. Кроме того, были организованы 8 губернских юридических школ с шестимесячным сроком обучения⁶.

Циркуляры НКЮ РСФСР содержали положения, регулировавшие статус курсантов и содержание образовательной программы юридических курсов различных звеньев.

1. Перед Высшими юридическими курсами ставилась задача подготовить из судебного работника руководителя суда в губернском масштабе.

¹ Филатов В.В. Образовательный уровень работников органов юстиции Уральского региона во второй половине 1920-х — начале 1940-х годов // История государства и права. 2018. № 12. С. 3.

² Декрет СНК РСФСР от 4 марта 1921 г. «О плане организации факультетов общественных наук Российских университетов» // СУ РСФСР. 1921. № 19. Ст. 117.

³ Ваганов А.М. Особенности правовой системы Советской России (1917–1920-х годов) // История государства и права. 2017. № 18. С. 34–35.

⁴ Постановление ВЦИК от 11 ноября 1922 г. «О введении в действие Положения о судоустройстве РСФСР» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление СНК РСФСР от 22 декабря 1922 г. «Об открытии юридических курсов» // Известия ВЦИК. 1922. 27 декабря.

⁶ Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за первое полугодие 1923 г. // Ежегодник советской юстиции. 1923. № 51–52. С. 1180.

В связи с этим к курсантам предъявлялись следующие требования: направление соответствующего областного (губернского) суда, 2-летний стаж, подготовка по политграмоте в объеме основных положений о марксизме и коммунизме, знания по советскому праву в объеме кодексов⁷. Преподавали на Высших юридических курсах выдающиеся юристы-теоретики и практики: П.И. Стучка, Н.В. Крыленко, Я.Н. Бранденбургский, А.Я. Эстрин. Курсантам предоставлялось просторное общежитие. За семьей курсанта сохранялось полное содержание по его последней занимаемой должности, а сам курсант получал 25 руб. в месяц⁸.

Учебный план Высших юридических курсов (на один год обучения) составляли следующие дисциплины: история марксизма, вводный курс по экономике, общая теория права и государства, государственное устройство РСФСР, трудовое право, уголовное право (216 час.), уголовный процесс, частнохозяйственное право (192 час.), публично-хозяйственное право, гражданский процесс, судоустройство. К 1924 г. в отдельные предметы было выделено финансовое и земельное право, частно-хозяйственное и публично-хозяйственное право объединилось в гражданское право, были введены новые предметы: история социализма, судебная медицина⁹. Председатель Правления Высших юридических курсов отмечал, что контингент слушателей по общеобразовательной подготовке был так низок, что приходилось вводить преподавание русского языка и математики и, соответственно, удлинять сроки обучения¹⁰.

2. Областные (губернские) юридические курсы в 1925 г. действовали в 9 городах: Воронеже, Иркутске, Казани, Ленинграде, Ростове-на-Дону, Саратове,

Ташкенте, Перми, Ярославле. В течение года окончили курсы 568 человек (75%)¹¹.

К слушателям областных юридических курсов предъявлялись требования: стаж работы не менее года на должности не ниже народного судьи или народного следователя; успешный результат испытания по политической грамоте, родному языку, арифметике и основам законодательства¹². Циркулярами решались вопросы материального обеспечения курсантов. Находившийся на курсах судья-слушатель получал стипендию из государственного бюджета, а его семье выплачивалась ежемесячная заработная плата судьи из областного бюджета¹³.

3. Циркуляр НКЮ РСФСР 1925 г. об организации краткосрочных курсов предполагал подготовку низовых работников юстиции, регулировал статус курсантов и содержание программы. Программа краткосрочных юридических курсов, определенная Наркоматом Юстиции, предусматривала такие предметы, как политграмота, Положение о судоустройстве РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР, Гражданский кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР¹⁴.

По данным НКЮ РСФСР, во второй половине 1925 г. в соответствии с Распоряжением ВЦИК от 23 июня 1925 г. в 13 губерниях были организованы краткосрочные, трехмесячные, курсы, обслуживавшиеся силами работников губернских (областных) судов и проку-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 187. Л. 31.

¹² Циркуляр Наркомюста РСФСР от 6 октября 1925 г. № 198 «Положение о юридических курсах» // Сборник циркуляров Наркомюста РСФСР за 1922–1925 гг. М. : Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1926. С. 131 ; Циркуляр НКЮ РСФСР от 31 августа 1926 г. № 157 «Положение об областных юридических курсах» // Сборник циркуляров НКЮ РСФСР за 1926 г. М. : Юридическое издательство НКЮ РСФСР, 1926. С. 147.

¹³ Государственный архив Курганской области. Ф. Р-26. Оп. 1. Д. 30. Л. 14, 146. (Далее — ГАКО.)

¹⁴ Циркуляр НКЮ РСФСР от 23 июля 1925 г. № П/У 85/199 «Об организации краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке низовых работников юстиции» // Сборник циркуляров НКЮ РСФСР за 1922–1925 гг. С. 135.

⁷ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Д. 559. Оп. 68. Л. 41. (Далее — РГАСПИ.)

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Д. 559. Оп. 68. Л. 42.

⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Д. 559. Оп. 68. Л. 40.

¹⁰ Там же.

ратуры, с целью подготовки до 500 слушателей¹⁵.

Профессиональная подготовка в виде юридических курсов различных видов позволяла курсантам замещать должности в судах соответствующих звеньев. Примером может служить биография председателя Уральского областного суда. М.Л. Израэль до Октябрьской революции работал слесарем на заводе, с 1913 г. был членом ВКП(б). Окончил начальную школу. После Октябрьской революции 1917 г. М.Л. Израэль находился на общественной и партийной работе, с 1922 г. началась его судебная деятельность: в 1922 г. он член Омского революционного трибунала, в 1923 г. — член Омского губернского суда. В 1925 г. М.Л. Израэль окончил Высшие юридические курсы в Москве, в 1927 г. стал председателем Уральского областного суда¹⁶. Интересна характеристика, данная народному судье Шадринского округа (1926 г.): «Курсант, окончивший Пермские Юридические Курсы, есть надежда, что с работой будет справляться»¹⁷.

Анализ нормативных актов и архивных документов показывает, что советские и партийные органы действительно принимали меры для теоретической подготовки судей, в том числе путем организации получения ими юридического образования на юридических курсах. НКЮ РСФСР в отчете о работе судебного-следственных органов за 1925 г., составленном для ЦК ВКП(б), отметил, что возложенная на судебные органы задача по проведению революционной законности выдвинула вопрос о подготовке и повышении квалификации личного состава. Эта работа, как говорилось в отчете, проводилась в течение 1925 г. путем распределения окончивших вузы лиц для работы в судебные органы, организации специальных курсов, создания при губернских и областных судах институ-

та практикантов¹⁸. Подчеркивалось, что есть необходимость в расширении сети краткосрочных курсов для подготовки судебных работников¹⁹.

По результатам проверки деятельности судов за 1928 г. НКЮ РСФСР наметил мероприятия для теоретической подготовки судей: 1) реорганизация областных курсов в курсы переподготовки и направление на них всех судебных работников из числа выдвиженцев с производства после достижения ими определенного стажа практической работы; 2) организация вечерних юридических курсов для актива зарекомендовавших себя народных заседателей и общественных обвинителей²⁰. Коллегия НКЮ РСФСР в 1928 г. указала на необходимость использования слушателей юридических курсов для подготовки судебных работников и поручила специальной комиссии под руководством П.И. Стучки разработать ряд мероприятий по участию в проверке программ и методов преподавания, техники укомплектования и распределения окончивших соответствующие курсы²¹.

При этом, несмотря на стремление государства обеспечить получение судьями юридического образования, процесс теоретической подготовки кадров проходил медленно²². НКЮ РСФСР в 1927 г. указал, что на местах недостаточно теоретически подготовленных кадров²³. В 1928 г. Коллегия НКЮ РСФСР отметила, что «специальное и высшее юридическое образование поставлено неудовлетворительно»²⁴.

Источники позволяют выявить причины низкого процента судей с юридическим образованием:

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 187. Л. 30.

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 562. Л. 44.

²⁰ ГАКО. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 287. Л. 47.

²¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 9. Л. 5-6. (Далее — ГАРФ.)

²² Винниченко О.Ю., Филонова О.И. Модернизация судебной системы в период нэпа : монография. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2013. 172 с.

²³ ГАСО. Ф. 148-р. Оп. 1. Д. 330. Л. 11.

²⁴ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 10. Д. 9. Л. 66.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 186. Л. 32.

¹⁶ Государственный архив Свердловской области. Ф. 148-р. Оп. 1. Д. 275. (Далее — ГАСО.)

¹⁷ Государственный архив города Шадринска. Ф. Р-279. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

1. Высшие и областные юридические курсы не могли обеспечить подготовку требуемого числа судей, что очевидно при сопоставлении численности судей и курсантов. Так, в 1925 г. численность судей в губернских, областных и краевых судах, народных судей в сумме составляла 3 357 человек²⁵. Обучиться на Высших (годовых) юридических курсах могли 70 человек. Для областных (шестимесячных) юридических курсов было установлено общее число слушателей — 1 250 человек; созданные в 1925 г. в девяти городах областные курсы за полгода выпустили 568 курсантов²⁶.

2. Не все слушатели, окончившие юридические курсы, направлялись на работу в судебные органы, поскольку они могли быть командированы по партийной линии в другие сферы. Например, Высшие юридические курсы в первом составе окончили 65 человек, но из них на должностях судей и следователей в 1925 г. находились лишь 24 человека²⁷.

3. На личный состав судов в определенной степени влияло нежелание работать судьями или выезжать к месту назначения. Так, в 1925 г. по наряду Наркомтруда было предложено командировать в губернские и областные суды 168 человек, окончивших высшие учебные заведения, но из этого числа было направлено в судебные органы на местах лишь 87 человек «из-за нежелания некоторых студентов выезжать к месту назначения»²⁸.

Проблема высокой текучести личного состава судов поставила перед органами судебного управления задачу организации системы ускоренной подготовки судей и их закрепления на судебной должности. НКЮ РСФСР отмечал, что большой процент обновления кадрового состава отразился на качестве работы и новый, неопытный состав требует подготовки²⁹.

В попытке закрепить курсантов на судебной работе НКЮ РСФСР в 1926 г. обратился к губернским (областным) комитетам ВКП(б) с пожеланием комплектовать состав Высших юридических курсов в г. Москве преимущественно из лиц, уже имеющих стаж работы в судебных органах не менее трех лет, с целью подготовки руководящих кадров областных (губернских) судов³⁰.

НКЮ РСФСР предложил решить эту проблему путем создания краткосрочных юридических курсов. В докладной записке о работе судебно-следственных органов на местах за 1925 г., направленной в ЦК ВКП(б), отмечалось, что повышение квалификации судебных органов в связи с их общим низким уровнем требует расширения сети краткосрочных курсов для подготовки и переподготовки судебных работников с тем, чтобы по крайней мере при каждом судебном центре были организованы эти курсы³¹.

Комитеты ВКП(б) требовали от органов судебного управления принять меры к закреплению кадров судов и к повышению квалификации судей путем направления их на юридические курсы³².

Статистические материалы показывают кадровый состав судей по наличию образования и позволяют проследить его динамику. В 1923 г. 17,6% состава губернских судов и 8,4% народных судей имели высшее юридическое образование (тогда еще в составе суда, очевидно, могли быть судьи, имевшие дореволюционное образование)³³. В 1925 г. высшее юридическое образование имели 5,7% состава областных (губернских) судов и 3,6% народных судей³⁴. В 1929 г. 10% председателей, заместителей, членов областных (крае-

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 560. Л. 42.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 69. Д. 187. Л. 31.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ ГАКО. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 40. Л. 67.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 561. Л. 88.

³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 68. Д. 562. Л. 44.

³² Государственный архив общественно-политической документации Курганской области. Ф. 7. Оп. 1. Д. 132. Л. 18.

³³ Сводный отчет о деятельности губернских и областных судов РСФСР за первое полугодие 1923 г. С. 1179, 1187.

³⁴ Бюллетень НКЮ от 01.02.1929 г. Личный состав судебных и прокурорских работников // ГАКО. Ф. Р-475. Оп. 1. Д. 287. Л. 43.

вых, губернских) имели подготовку в виде юридических курсов. Примечательно, что среди народных судей был такой же процент окончивших юридические курсы³⁵.

Заметно, что уровень юридического образования судей в период НЭПа, по сути, не изменился, подавляющее большинство судей не имело юридического образования даже в виде юридических курсов, несмотря на усилия советских и партийных органов. Количества организованных в период НЭПа юридических курсов в условиях высокой текучести судебных кадров оказалось недостаточно для обучения необходимого числа судей.

Таким образом, несмотря на отсутствие законодательного требования к су-

дьям о наличии юридического образования, государство с переходом к НЭПу организационными и правовыми средствами стремилось обеспечить получение судьями теоретической подготовки. Такая подготовка проводилась по нескольким направлениям, в том числе путем обучения судей на Высших и областных юридических курсах, через деятельность специальных краткосрочных юридических курсов. Несмотря на то что правовое положение юридических курсов в системе учебных заведений не было указано, их деятельность имела нормативно-правовую регламентацию. К 1929 г. были достигнуты определенные результаты — 10% судей имели образование в виде юридических курсов.

³⁵ Там же. Л. 45.

Литература

1. Ваганов А.М. Особенности правовой системы Советской России (1917–1920-х годов) / А.М. Ваганов // История государства и права. 2017. № 18. С. 34–39.
2. Винниченко О.Ю. Модернизация судебной системы в период нэпа : монография / О.Ю. Винниченко, О.И. Филонова. Курган : Изд-во Курганского государственного ун-та, 2013. 172 с.
3. Филатов В.В. Образовательный уровень работников органов юстиции Уральского региона во второй половине 1920-х — начале 1940-х годов / В.В. Филатов // История государства и права. 2018. № 12. С. 3–8.

References

1. Vaganov A.M. Osobennosti pravovoy sistemy` Sovetskoy Rossii (1917–1920-kh godov) [Peculiarities of the Legal System of Soviet Russia (1917 to the 1920s)] / A.M. Vaganov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2017. № 18. S. 34–39.
2. Vinnichenko O.Yu. Modernizatsiya sudebnoy sistemy` v period nepa : monografiya [Modernization of the Judicial System in the Period of the New Economic Policy : monograph] / O.Yu. Vinnichenko, O.I. Filonova. Kurgan : Izd-vo Kurganskogo gosudarstvennogo un-ta — Kurgan : Publishing house of the Kurgan State University, 2013. 172 s.
3. Filatov V.V. Obrazovatelny`y uroven rabotnikov organov yustitsii Uralskogo regiona vo vtoroy polovine 1920-kh — nachale 1940-kh godov [The Level of Education of Justice Employees of the Ural Region in the Second Half of the 1920s to the Early 1940s] / V.V. Filatov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2018. № 12. S. 3–8.

Использование материалов в других изданиях
допускается только с письменного согласия редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Исторические зигзаги юридической ответственности врача

Данилов Егор Олегович,
профессор кафедры организации здравоохранения
Санкт-Петербургского института стоматологии,
кандидат медицинских наук, доцент,
магистр юриспруденции
Danilov@medi.spb.ru

Статья посвящена изучению истории вопроса юридической ответственности врачей. Отмечено, что в России за последние 300 лет правовое регулирование ответственности врачей за неосторожное причинение вреда претерпело ряд разнонаправленных изменений: сначала узаконение санкций по принципу талиона (XVII–XVIII вв.), затем фактическая декриминализация (середина XIX в.), а потом переход к практике уголовного преследования на общих основаниях (начало XX в.).

Ключевые слова: врачебная ошибка, неосторожное причинение вреда, юридическая ответственность врачей, уголовная ответственность.

Historical Zigzags of the Physician's Legal Liability

Danilov Egor O.
Professor of the Department of Healthcare Management of the St. Petersburg Dental Institute
PhD in Medicine, Associate Professor, LL.M.

The article is devoted to studying the history of the issue of legal liability of doctors. It is noted that in Russia over the past 300 years, the legal regulation of doctors' liability for negligent harm has undergone a number of multidirectional changes: first, the legalization of sanctions on the talion principle (XVII–XVIII centuries), then actual decriminalization (mid-XIX century), and then the transition to the practice of criminal prosecution on a general grounds (beginning of XX century).

Keywords: medical error, negligence, legal liability of doctors, criminal liability.

Общество традиционно предъявляет к врачебной деятельности высокие требования, направленные на недопущение в ней дефектов, влекущих неблагоприятные последствия. При этом на разных этапах многовековой истории медицины меры юридической ответственности врачей, как и представления о правомерности их поведения, существенно различались.

Еще в XVIII в. до н.э. Законами Хаммурапи было установлено: «...если врач делает человеку тяжелый надрез бронзовым ножом и причинит смерть этому человеку или снимет бельмо человека бронзовым ножом и повредит глаз человека, то ему должно отрезать пальцы»¹. По мнению И.В. Тимофеева, из-за применения подобных карательных санкций к меди-

кам активное развитие медицины в Вавилонском государстве было фактически остановлено².

Тем не менее уже в некоторых древних цивилизациях применялся не только принцип равного возмездия (талион), но и иные меры наказания. Так, например, в Древней Индии по Законам Ману лекарь за неправильное лечение подвергался штрафу³, а в Древней Греции для врачей, причиняющих непоправимый вред больным по небрежности, была разработана специальная форма наказания — адоксия (бесчестие), решения о назначении которой подлежали публичному извещению⁴.

² Тимофеев И.В. Дефект медицинской помощи: проблемы и пути правовой формализации понятия // Медицинское право. 2018. № 6. С. 13.

³ Законы Ману. Манавадхармашастра / пер. С.Д. Эльманович. М.: Эксмо-Пресс, 2002. С. 387.

⁴ Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М.: Наука, 1983. С. 160–162.

¹ Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие / ред. З.М. Черниловский. М., 1984. С. 22.

В России, как отмечал Н.С. Таганцев, вплоть до XVIII столетия «общество требовало от врачей благоприятного исхода лечения, несмотря на тот или другой характер болезни, от которых они пользовались, и смерть пациента, хотя бы и не обратимая, всегда ставилась в вину врачу и нередко имела для него весьма печальные последствия»⁵. Так, например, в конце XV в. при Иване III было казнено несколько иностранных врачей, безуспешно лечивших монарших особ⁶.

Подобный подход к решению «врачебных» дел, основанный, по сути, на принципе талиона, сохранялся и в законодательстве Петра I. В связи с этим весьма примечателен царский указ от 4 марта 1686 г.: «...сказан Великого Государя указ всем лекарям: буде из них кто нарочно или не нарочно кого уморит, а про то същется, и им быть казненным смертью»⁷. Между тем в реальности «эти строгие постановления, не различавшие даже умысла от неосторожности, не всегда применялись»⁸. Например, по указу от 14 февраля 1700 г. человека, давшего своему боярину смертельную дозу лекарства, не казнили, а сослали на каторгу⁹.

Об ответственности врача за неосторожное причинение вреда в результате лечения упоминалось также в Морском уставе 1720 г.: «Ежели лекарь своим небрежением и явным презорством к больным поступит, от чего им бедство случится, то оной яко злоторец наказан будет, яко бы своими руками его убил, или какой уд отсек»¹⁰. Иными словами, согласно Морскому уставу наказание за неосторожное причинение вреда должно быть таким же, как за умышленный вред.

⁵ Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву. 2-е изд. СПб.: Тип. И. Мордуховского, 1873. С. 63.

⁶ Печникова О.Г. Возникновение государственной медицины в России (историко-правовой аспект) // Медицинское право. 2009. № 3. С. 39.

⁷ Именной указ от 4 марта 1686 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. II. № 1171. (Далее — ПСЗРИ.)

⁸ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 64.

⁹ Именной указ от 14 февраля 1700 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. IV. № 1756.

¹⁰ Морской устав от 13 января 1720 г. // ПСЗРИ. Собр. 1. СПб., 1830. Т. VI. № 3485.

В дальнейшем на основании узаконенных петровского периода в Своде законов уголовных 1832 г. было закреплено следующее положение: «Врач или аптекарь, изблеченный в учинении убийства, первый пропискою, а последний отпуском ненадлежащего лекарства или в ненадлежащем количестве, подвергаются наказанию, как за неосторожное смертоубийство» (ст. 344)¹¹. При этом за данное преступление виновного могли подвергнуть «или тюремному заключению, или денежному штрафу, или телесному наказанию, во всех же случаях церковному покаянию» (ст. 336)¹².

Однако ситуация коренным образом изменилась уже в 1845 г., когда при подготовке Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее — Уложение 1845 г.) Медицинский совет при Министерстве внутренних дел признал положения уголовного закона 1832 г. «слишком строгими (потому что врач <...> действовал не умышленно, а по крайнему разумению»¹³. Поэтому в Уложении 1845 г. появилась ст. 1080 (ст. 1117 изд. 1857 г., ст. 870 изд. 1866 г.) следующего содержания:

«Когда медицинским начальством будет признано, что врач, оператор, акушер или повивальная бабка, по незнанию своего искусства, делают явные, более или менее важные, в оном ошибки, то им воспрещается практика, доколе они не выдержат нового испытания и не получат свидетельства в надлежащем знании своего дела.

Если от неправильного лечения следует кому-либо смерть или важный здоровью вред, то виновный, буде он христианин, предается церковному покаянию по распоряжению своего духовного начальства»¹⁴.

Иными словами, с учетом характера установленной санкции можно сказать,

¹¹ Свод законов уголовных // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XV. С. 120.

¹² Там же. С. 118.

¹³ Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 64.

¹⁴ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: Тип. II Отд. Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1845. С. 442.

что неосторожное (по незнанию) причинение смерти при оказании медицинской помощи было фактически декриминализовано. Причем согласно ст. 7 Уложения 1845 г. случайное причинение вреда без признаков неосторожности вообще признавалось невиновным деянием¹⁵. Вместе с тем, по мнению Ф.Ю. Бердичевского, причинение вреда пациенту в результате неосторожного врачевания, не содержащего признака «незнание», могло на практике оцениваться на общих основаниях по другим нормам Уложения¹⁶.

Очередной поворот в подходах к юридической ответственности в российском публичном праве произошел в начале XX в. в связи с изданием нового Уголовного уложения от 22 марта 1903 г. (далее — Уложение 1903 г.), в котором уже отсутствовала специальная норма, прямо предназначенная для квалификации дефектов оказания медицинской помощи. Как отметил Ю.Г. Малис, Уложение 1903 г. «не сочло нужным сохранить особую статью о неправильном врачевании, а раскассировало ее <...> по ст. ст. 464 и 474, предусматривающим неосторожное лишение жизни и неосторожное причинение телесного повреждения»¹⁷. Это значит, что теперь медиков при необходимости могли привлекать к ответственности на общих основаниях: за неосторожное причинение смерти (ст. 464) и за неосторожное причинение телесного повреждения (ст. 474). В предусмотренные этими статьями составы неосторожных деяний был включен квалифицирующий признак «несоблюдение виновным правил, установленных законом или обязательным постановлением для определенного рода деятельности в ограждение личной безопасности»¹⁸.

В советский период важнейшим документом в сфере регулирования медицинской деятельности явился Декрет

ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников»¹⁹, который более полувека определял правовой статус всех представителей медицинской профессии²⁰. Согласно ст. 13 этого Декрета медики за профессиональные нарушения подлежали наказанию по приговору суда, а также в дисциплинарном порядке на основании особого Положения, издаваемого Наркомздравом.

Следует учесть, что советское уголовное законодательство (УК РСФСР), подобно Уложению 1903 г., никогда не содержало специальных норм, предназначенных для квалификации дефектов оказания медицинской помощи. Тем не менее при отсутствии прямого указания в законе на те или иные деяния изначально допускалось применять к ним статьи УК, предусматривающие наиболее сходные по роду преступления. В данном случае речь идет о действовавшей тогда в уголовном праве аналогии закона (ст. 10 УК РСФСР 1922 г., ст. 16 УК РСФСР 1926 г.)²¹. Не случайно в 1925 г. председатель Ленинградского губернского суда, обращаясь к врачебной общественности по поводу того, как квалифицировать то или иное преступление, прямо заявил буквально следующее: «Смею вас уверить, что суд никогда не оказывается в этом отношении в затруднении. <...> Если вы только совершите преступление, то статью мы вам подберем. Нам в этом отношении окажет помощь ст. 10 нашего Уголовного кодекса, содержащая указание на аналогию преступлений»²².

В советский период медицинские работники могли привлекаться к уголовной ответственности на общих основаниях

¹⁵ Там же. С. 2.

¹⁶ Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей. М., 1970. С. 7.

¹⁷ Малис Ю.Г. Уголовная ответственность врачей // Право и жизнь. 1926. Кн. 1. С. 79.

¹⁸ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Сенатская тип., 1903. С. 92, 94.

¹⁹ Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 1 декабря 1924 г. «О профессиональной работе и правах медицинских работников» // СУ РСФСР. 1924. № 88. Ст. 892.

²⁰ Данилов Е.О. Эволюция правового регулирования медицинской деятельности в России (часть 2) // История государства и права. 2019. № 5. С. 46.

²¹ Епифанова Е.В. Аналогия в уголовном праве: история и современность // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 114.

²² Нахимсон Ф.М. Судебная ответственность врачей. Л. ; М. : Рабочий суд, 1926. С. 36.

за такие преступления против личности, как убийство по неосторожности и неосторожное телесное повреждение (соответственно ст. 147 и 154 УК РСФСР 1922 г., ст. 139 и 145 УК РСФСР 1926 г., ст. 106 и 114 УК РСФСР 1960 г.). При этом следует отметить, что квалифицированный состав по признаку неосторожности в результате сознательного несоблюдения установленных правил предосторожности был предусмотрен только в УК РСФСР 1922 г. для обоих указанных преступлений (ст. 147 и 154)²³, в УК РСФСР 1926 г. данный признак содержался лишь в диспозиции нормы о неосторожном телесном повреждении (ст. 145)²⁴, а в соответствующих нормах УК РСФСР 1960 г. (ст. 106 и 114)²⁵ такие квалифицированные составы вообще отсутствовали.

Вместе с тем ненадлежащее (небрежное или недобросовестное) выполнение медицинскими работниками своих обязанностей, повлекшее неблагоприятные последствия, в то время зачастую квалифицировалось как халатность (ст. 108 УК РСФСР 1922 г., ст. 111 УК РСФСР 1926 г., ст. 172 УК РСФСР 1960 г.). Поскольку деление преступлений на должностные и профессиональные было тогда весьма условным, врач фактически в таких случаях признавался должностным лицом.

В этой связи заслуживает внимания высказанная еще в литературе 1920-х гг. точка зрения Ю.Г. Малиса, согласно которой при распространении на врачей нормы о халатности смешиваются два понятия «профессиональная деятельность» и «служебная работа», несмотря на то что «первая (профессиональная деятельность) протекает в несравненно более широком и глубоком русле, нежели вторая (служебная работа)»²⁶. Поэтому при-

влечь врача к ответственности за деяние в сфере его профессиональной деятельности по статье о халатности можно было только в порядке аналогии закона²⁷.

В 20-е годы прошлого века в обстановке заметного роста по сравнению с дореволюционным временем числа уголовных дел против врачей наметились противоречия между медиками и юристами по вопросу об отношении к врачам к медицинским ошибкам. Дискуссию вызвало известное заявление научного акушерско-гинекологического общества, в котором предлагалось создать при органах здравоохранения особые комиссии для предварительного разбора дел перед преданием врачей суду²⁸. Однако по итогам дискуссии данное предложение было признано принципиально недопустимым и противоречащим духу и пониманию советского права²⁹.

В дальнейшем в ходе процессов по «врачебным делам» были репрессированы многие известные ученые, практикующие врачи, студенты-медики³⁰. Примечательно, что количество уголовных дел, возбужденных против врачей за профессиональные преступления, прогрессировало вплоть до 1937 г., когда оно достигло максимума, а затем к 1948 г. постепенно сократилось почти в пять раз³¹. Впрочем, уже в начале 1950-х гг. бы дан старт новой кампании против врачей, когда были арестованы и подвергнуты пыткам несколько видных представителей медицинской профессии, ложно обвиненных в заговоре с целью отравить и убить советское руководство. Постановление ЦК КПСС от 4 декабря 1952 г. «О вредительстве в лечебном деле»³² и готовящийся громкий судебный процесс грозили возвести «дело врачей» в масштаб беспрецедентной политической акции для обоснования очередного витка массовых репрессий.

²³ Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие уголовного кодекса РСФСР» // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

²⁴ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного кодекса РСФСР редакции 1926 года» // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

²⁵ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.

²⁶ Малис Ю.Г. Указ. соч. С. 80.

²⁷ Там же.

²⁸ Нахимсон Ф.М. Указ. соч. С. 3–7.

²⁹ Там же. С. 39.

³⁰ Акопов В.И., Маслов Е.Н. Право в медицине. М.: Книга-сервис, 2002. С. 246–257.

³¹ Там же. С. 255.

³² URL: http://www.hrono.ru/dokum/195_dok/19521204delo.html (дата обращения: 12.10.2020).

Однако этот страшный сценарий не был реализован. Вскоре после смерти И.В. Сталина в 1953 г. уголовное преследование обвиняемых по «делу врачей» было прекращено, а затем все они были реабилитированы. В последующие годы число врачебных дел резко сократилось, по свидетельству С.Я. Фрейдлина, «они почти совсем исчезли из судебной практики»³³.

После распада СССР в 1990-е годы на фоне коренных перемен в жизни общества и внедрения в медицину рыночных отношений заметно активизировалась практика возбуждения «врачебных» дел, о чем косвенно свидетельствуют показатели роста численности проведенных по ним в то время экспертиз³⁴. Характерной особенностью этого периода явилось неуклонное возрастание количества гражданских исков к исполнителям медицинских услуг по сравнению с относительно небольшим числом случаев привлечения медицинских работников к уголовной ответственности.

Тенденция увеличения количества «врачебных» дел сохранилась и в начале XXI в. Причем относительно недавно был зафиксирован чрезвычайно высокий рост числа случаев привлечения врачей к уголовной ответственности. Так, по данным Следственного комитета (СК России)³⁵, можно сделать вывод о том, что уголовных дел в связи с ненадлежащим оказанием медицинской помощи в 2017 г. было возбуждено в два раза больше, чем в предыдущем, 2016 г.

В современном российском уголовном законе так же, как и в прежних советских УК, нет специальных «медицинских» составов. Сегодня неосторожные деяния медиков, допустивших дефекты в своей работе, квалифицируются в зависимости от неблагоприятных последствий по раз-

ным статьям действующего УК РФ³⁶: причинение смерти (ч. 2 ст. 109), причинение тяжкого вреда здоровью (ч. 2 ст. 118), заражение ВИЧ-инфекцией (ч. 4 ст. 122). Несмотря на то что в этих нормах УК РФ нет прямого указания на субъект преступления, содержащаяся в них формулировка «ненадлежащее исполнение лицом своих профессиональных обязанностей» предполагает возможность привлечения к уголовной ответственности представителей самых разных профессий (в том числе и медиков), действия которых привели к тяжким последствиям.

Между тем СК России полагает, что, поскольку ни одна из вышеназванных статей УК РФ не учитывает особенности профессиональной медицинской деятельности, в правоприменительной практике возникают проблемы квалификации преступлений, связанных с дефектами медицинской помощи. Поэтому в 2018 г. следственное ведомство предложило внести изменения в УК РФ путем введения в него новых статей, в том числе ст. 124.1 «Ненадлежащее оказание медицинской помощи (медицинской услуги)». По мнению СК России, «данные изменения позволят минимизировать ошибки правоприменения»³⁷.

В этой связи следует признать, что отнюдь небесспорная идея о введении в уголовный закон специальной нормы, устанавливающей ответственность медиков за профессиональные нарушения, не отличается новизной. В советской юридической литературе, например, уже высказывалось пожелание объединить в одну статью УК все врачебные нарушения, явившиеся результатом неосторожности, небрежности и невежества³⁸.

Таким образом, в России правовое регулирование ответственности врачей за неосторожное причинение вреда претерпело за последние 300 лет ряд разнонаправленных перемен: от узаконения

³³ Фрейдлин С.Я. Курс лекций по организации здравоохранения. Л.: Ленмедгиз, 1963. С. 384.

³⁴ Жаров В.В., Фадеев С.П. Практика возбуждения гражданских и уголовных «врачебных» дел // Здравоохранение. 2001. № 10. С. 161–166; Акопов В.И., Маслов Е.Н. Указ. соч. С. 261–263.

³⁵ URL: <https://sledcom.ru/news/item/1240870> (дата обращения: 12.10.2020).

³⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³⁷ URL: <https://sledcom.ru/news/item/1240870> (дата обращения: 12.10.2020).

³⁸ Бобкова-Басова Г. Уголовная ответственность врачей // Советская юстиция. 1939. № 11. С. 15–19.

санкций по принципу талиона (в законодательстве Петра I) к фактической декриминализации (в Уложении 1845 г.), а затем к отказу от специальной нормы о непра-

вильном врачевании (начиная с Уложения 1903 г.) и формированию практики уголовного преследования на общих основаниях.

Литература

1. Акопов В.И. Право в медицине / В.И. Акопов, Е.Н. Маслов. Москва : Книга-сервис, 2002. 352 с.
2. Бердичевский Ф.Ю. Уголовная ответственность медицинского персонала за нарушение профессиональных обязанностей / Ф.Ю. Бердичевский. Москва : Юридическая литература, 1970. 128 с.
3. Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени / Т.В. Блаватская. Москва : Наука, 1983. 325 с.
4. Бобкова-Басова Г. Уголовная ответственность врачей / Г. Бобкова-Басова // Советская юстиция. 1939. № 11. С. 15–19.
5. Данилов Е.О. Эволюция правового регулирования медицинской деятельности в России (часть 2) / Е.О. Данилов // История государства и права. 2019. № 5. С. 45–51.
6. Епифанова Е.В. Аналогия в уголовном праве: история и современность / Е.В. Епифанова // Актуальные проблемы экономики и права. 2008. № 1. С. 113–117.
7. Жаров В.В. Практика возбуждения гражданских и уголовных «врачебных» дел / В.В. Жаров, С.П. Фадеев // Здоровоохранение. 2001. № 10. С. 161–166.
8. Законы Ману. Манавадхармашастра / перевод С.Д. Эльманович. Москва : Эксмо-Пресс, 2002. 496 с.
9. Малис Ю.Г. Уголовная ответственность врачей / Ю.Г. Малис // Право и жизнь. 1926. Кн. 1. С. 76–82.
10. Нахимсон Ф.М. Судебная ответственность врачей / Ф.М. Нахимсон [и др.]. Ленинград ; Москва : Рабочий суд, 1926. 96 с.
11. Печникова О.Г. Возникновение государственной медицины в России (историко-правовой аспект) / О.Г. Печникова // Медицинское право. 2009. № 3. С. 37–40.
12. Таганцев Н.С. О преступлениях против жизни по русскому праву / Н.С. Таганцев. 2-е изд. Санкт-Петербург : Тип. И. Мордуховского, 1873. 324 с.
13. Тимофеев И.В. Дефект медицинской помощи: проблемы и пути правовой формализации понятия / И.В. Тимофеев // Медицинское право. 2018. № 6. С. 8–15.
14. Фрейдлин С.Я. Курс лекций по организации здравоохранения / С.Я. Фрейдлин. Ленинград : Ленмедгиз, 1963. 407 с.
15. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : учебное пособие / составители Е.В. Поликарпова, В.А. Савельев ; редактор З.М. Черниловский. Москва : Юридическая литература, 1984. 472 с.

References

1. Akopov V.I. Pravo v meditsine [Law in Medicine] / V.I. Akopov, E.N. Maslov. Moskva : Kniga-servis — Moscow : Book Service, 2002. 352 s.
2. Berdichevskiy F.Yu. Ugolovnaya otvetstvennost meditsinskogo personala za narushenie professionalny'kh obyazannostey [The Criminal Liability of Healthcare Personnel for Violation of Professional Obligations] / F.Yu. Berdichevskiy. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1970. 128 s.
3. Blavatskaya T.V. Iz istorii grecheskoy intelligentsii ellinisticheskogo vremeni [From the History of the Greek Intelligence of the Hellenistic Period] / T.V. Blavatskaya. Moskva : Nauka — Moscow : Science, 1983. 325 s.

4. Bobkova-Basova G. Ugolovnaya otvetstvennost vrachey [The Physicians' Criminal Liability] / G. Bobkova-Basova // Sovetskaya yustitsiya — Soviet Justice. 1939. № 11. S. 15–19.
5. Danilov E.O. Evolyutsiya pravovogo regulirovaniya meditsinskoj deyatel'nosti v Rossii (chast 2) [Evolution of the Legal Regulation of Medical Activities in Russia (part 2)] / E.O. Danilov // Istoriya gosudarstva i prava — History of State and Law. 2019. № 5. S. 45–51.
6. Epifanova E.V. Analogiya v ugovnom prave: istoriya i sovremennost [Analogy in Criminal Law: The History and Modern Times] / E.V. Epifanova // Aktualny'e problemy ekonomiki i prava — Relevant Issues of Economics and Law. 2008. № 1. S. 113–117.
7. Zharov V.V. Praktika возбуждениya grazhdanskikh i ugovny'kh «vrachebny'kh» del [The Practice of Initiation of Civil and Criminal Clinical Negligence Cases] / V.V. Zharov, S.P. Fadeev // Zdravookhranenie — Healthcare. 2001. № 10. S. 161–166.
8. Zakony' Manu. Manavadkharmashastra ; perevod S.D. Elmanovich [The Laws of Manu. Manava Dharma Shastra ; translated by S.D. Elmanovich]. Moskva : Eksmo-Press — Moscow : Eksmo-Press, 2002. 496 s.
9. Malis Yu.G. Ugolovnaya otvetstvennost vrachey [The Physicians' Criminal Liability] / Yu.G. Malis // Pravo i zhizn — Law and Life. 1926. Book 1. S. 76–82.
10. Nakhimson F.M. Sudebnaya otvetstvennost vrachey [The Physicians' Legal Liability] / F.M. Nakhimson [i dr.]. Leningrad ; Moskva : Rabochiy sud — Leningrad ; Moscow : Workers' Court, 1926. 96 s.
11. Pechnikova O.G. Vozniknovenie gosudarstvennoj meditsiny' v Rossii (istoriko-pravovoy aspekt) [The Origination of State Medicine in Russia (a Historical and Legal Aspect)] / O.G. Pechnikova // Meditsinskoe pravo — Medical Law. 2009. № 3. S. 37–40.
12. Tagantsev N.S. O prestupleniyakh protiv zhizni po russkomu pravu. 2-e izd. [On Crimes Against Life Under Russian Law. 2nd edition] / N.S. Tagantsev. Sankt-Peterburg : Tip. I. Mordukhovskogo — Saint Petersburg : I. Mordukhovskiy's printing office, 1873. 324 s.
13. Timofeev I.V. Defekt meditsinskoj pomoschi: problemy' i puti pravovoy formalizatsii ponyatiya [A Medical Care Defect: Issues and Ways of Legal Formalization of the Concept] / I.V. Timofeev // Meditsinskoe pravo — Medical Law. 2018. № 6. S. 8–15.
14. Freydlin S.Ya. Kurs lektsiy po organizatsii zdravookhraneniya [A Course of Lectures on Healthcare Organization] / S.Ya. Freydlin. Leningrad : Lenmedgiz — Leningrad : Leningrad State Medical Publishing House, 1963. 407 s.
15. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava zarubezhny'kh stran: uchebnoe posobie ; sostaviteli E.V. Polikarpova, V.A. Savelyev ; redaktor Z.M. Chernilovskiy [An Anthology of the History of State and Law of Foreign Countries : textbook ; compiled by E.V. Polikarpova, V.A. Savelyev ; editor Z.M. Chernilovskiy]. Moskva : Yuridicheskaya literatura — Moscow : Legal Literature, 1984. 472 s.

Вы можете самостоятельно в режиме реального времени получать информацию о статусе статей, направленных для опубликования в ИГ «Юрист». Для этого необходимо отправить с вашего электронного адреса письмо на autor-rq@lawinfo.ru, в теме письма должна быть указана только фамилия, без имени, отчества и др. Обращаем ваше внимание, что адрес для запроса статуса статей отличается от контактного электронного адреса редакции.

Каждый автор может узнать статус только своих статей, направив запрос со своего электронного адреса.

В случае возникновения проблем с получением информации просим обращаться в редакцию по телефону: 8 (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru